

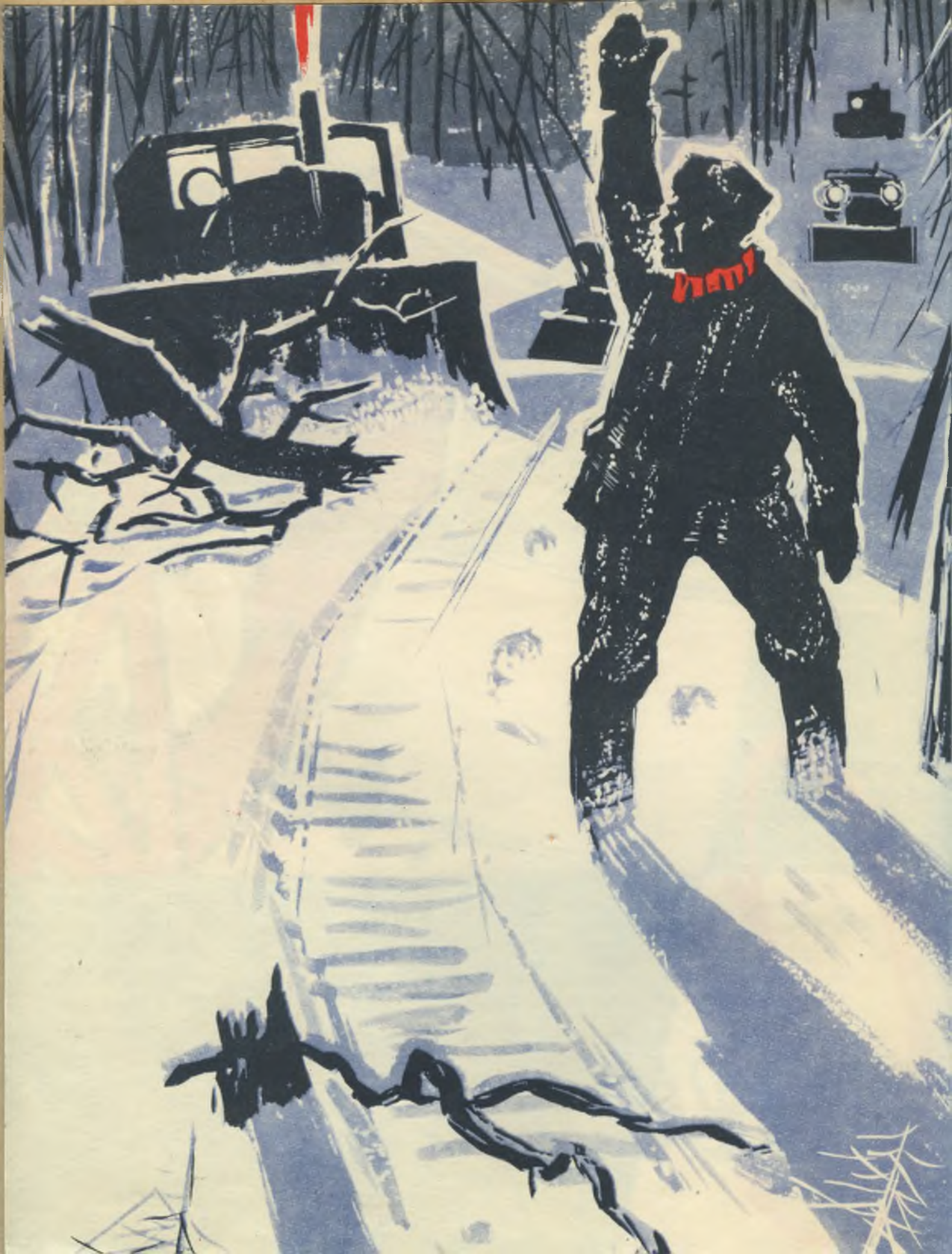

УРАЛЬСКИЙ

ледопыт

4

1962

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
СВЕРДЛОВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
И СВЕРДЛОВСКОГО ОБКОМА ВЛКСМ

год издания пятый

апрель 1962

СВЕРДЛОВСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ПОБЕЖДЕННЫЙ АДАМАС

Документальная повесть

Тамара ИЛАТОВСКАЯ

Рисунки С. Киприна

Пресс-конференция

Чарльз Кенион Тулливер, директор одной из крупнейших алмазных компаний Южно-Африканской республики, проснулся буквально за несколько секунд до того, как зазвонил телефон. Солнце еще не вставало. В комнате клубился синий сумрак. Прочно устоявшаяся духота снова предвещала необычную для Претории жару. Тулливер поймал себя на том, что, проснувшись, сразу стал думать о вчерашнем собрании в алмазном синдикате.

Добыча алмазов который год топчетя на месте. Пожалуй, одна Гана продолжает наращивать темпы. А между тем Американские Соединенные Штаты готовы закупить технических алмазов в полтора раза больше, чем в прошлом году, почти на триста миллионов долларов.

Сверхпрочные сплавы, сверхточная аппаратура, сверхскоростные станки — весь этот новый технический мир не может существовать без алмазов. И с каждым годом эта потребность будет расти. Геологические же экспедиции, посланные Тулливером во все концы страны на поиски новых алмазных месторождений, не обнаружили ничего, равным счетом ничего.

В компании все чаще заговаривают о том, что неплохо пустить в переобогащение «хвосты» старых выработок, закрытых вот уже полсотни лет. Но Тулливер думает о другом — о фабрике искусственных алмазов где-нибудь около Кимберли. Если по-прежнему делать ставку только на природные алмазные месторождения, которые во всем мире можно пересчитать по пальцам, через десять лет индустрию захлестнет алмазный голод.

Эти русские...— оптимисты. Кстати, о русских. Надо удовлетворить любопытство прессы, чтобы не было глупых и праздных разговоров...

В это время белый аппарат на столике тихо зазвонил. В трубке защебетал нежный голос секретарши:

— Мистер Тулливер, не будет ли каких-нибудь указаний?

— Вы отлично сделали, миссис Брейн, что позвонили. В десять я проведу пресс-конференцию. Сообщите всем редакциям...

В просторном кабинете на втором этаже роскошного, в голландском стиле, особняка собралось человек десять журналистов. Летнее солнце уже залило улицы Претории. Было жарко, несмотря на беспрерывно работающие вентиляторы. Тихо поскрипывали обитые изумрудным сафьяном кресла, чиркали зажигалки. Журналисты ожидали Черльза Кениона Тулливера, согласившегося дать кое-какие объяснения по поводу якутских алмазов.

Дело в том, что на одной из международных выставок Советский Союз показал большую партию своих алмазов. Вулкан, выросший посреди алмазной столицы Кимберли, не вызвал бы большей сенсации. Алмазная биржа буквально сошла с ума. Африканские многокаратники, казалось, никого не интересовали — все устремились к алмазам, прибывшим из далекой, никому не известной Якутии. Заключение экспертов было неутешительное; камни хороши.

Были изучены все данные о якутских алмазах. Оказалось, что камни принадлежат алмазной трубке «Мир», об открытии которой русские сообщили еще на XX съезде Коммунистической партии Советского Союза. Но кто мог предположить, что пройдет всего несколько лет и алмазы этого затерянного в непроходимых болотах месторождения уже заявят о себе на мировом рынке?!

Ровно в десять резная дверь распахнулась, и в комнату стремительно вошел Тулливер. На вид ему было не больше пятидесяти. Солнце придало его лицу постоянный бронзовый оттенок, а в тщательно приглаженных черных волосах, слегка поредевших у висков, почти не было седины. Небольшие темные глаза смотрели умно и внимательно.

Среди журналистов пронесся почтительный шумок. Тулливер был не только

отличным инженером и признанным знатоком Сибири, но и крупной политической фигурой.

Тулливер внимательно оглядел собравшихся. Они представляли по крайней мере десять утренних и вечерних газет и журналов. Несколько поодаль сидел экономический обозреватель Дэвис. Тулливер, не любивший журналистов, уважал в Дэвисе бывшего инженера. Ему нравились суховатые, немного тяжеловесные, но всегда основательные статьи Дэвиса. Дэвис не любил бросать слов на ветер.

— Все вы слыхали о Восточных россыпях в Конго, открытых недавно среди джунглей, — Тулливер не сводил глаз с бурой шевелюры Дэвиса. — Это были богатые россыпи, но их пришлось оставить, потому что человеческий организм не выдерживал ядовитых испарений, поднимавшихся из болот. Так вот, место, где открыта кимберлитовая трубка «Мир», даже среди местных, якутов, считалось и считается нежилым. Туда не ходили охотники, потому что звери не водятся в тамошних хилых лесах...

Журналисты, как мыши, тихо скребли ручками. Дэвис ничего не записывал, глаза его смотрели тяжело и безучастно.

— Я не политик и не врач, — Тулливер встал и, взяв бамбуковую указку, прошел к карте. — Я не политик и не врач и не могу знать, чему равна физическая сопротивляемость человека, помноженная на фанатизм... Но я инженер и верю фактам. Вот Москва. Отсюда до Иркутска почти пять тысяч километров. Дальше, от Иркутска до алмазного центра Мирного полторы тысячи километров дикой тайги и болот. Якутия — это океан пустыни, занимающий одну сорок вторую всей суши. Это цветные мхи, плавающие на мерзлотных болотах, под которыми двести — триста метров вечных льдов. Там можно ехать два месяца и не встретить человека... Поблизости нет строительных материалов, машин, металла. Все это надо привезти. Но как?

— Недалеко от русских алмазных разработок проходит большая река, — буркнул Дэвис.

— Лена? До нее даже от «Мира» ровно триста километров непроходимой тайги и марей. Строить там дорогу — все равно, что намывать плотину из сахарного песка. Я инженер, привык иметь дело с джунглями, но я бы не взялся за такое строительство. Зимой в тех местах бывает

минус шестьдесят, а летом комары, которые, если им дать волю, за сутки сделают из здорового человека мешок окрозовленного мяса...

Подождав, пока утихнет гул, Тулливер подвел итоги:

— Итак, дорогу к русским алмазам придется мостить... алмазами. Не думаю, чтоб они на это согласились. Если даже русским удастся избежать продвольственного голода в их поселках, то голод электрический вскоре остановит обоганительные фабрики. Откуда они возьмут электричество в тайге? Разве научатся аккумулировать энергию молний, бьющих в трапповые развалы!

Тулливер положил указку — к чему так волноваться? Он как будто за что-то сердится на русских.

— А как вы объясняете обилие русских алмазов? История еще не знает примеров столь быстрого освоения месторождений, — громко спросил обозреватель Дэвис.

— Думаю, что это политика, — усмехнулся Тулливер.

Утром следующего дня миссис Брейн, бесшумная и элегантная, принесла Тулливеру целую кипу газет. Все первые страницы чернели крупными заголовками: «Авантюра, обреченная на провал», «К русским алмазам нет пути»...

Тулливер отложил все, не читая, и отыскал статью Дэвиса.

«Русские много раз удивляли мир тем, что совершали, казалось бы, невозможное в невероятно короткие сроки, — писал Дэвис. — Их энтузиазм и особое понятие человеческого долга стоят на уроне того, что называют героизмом. Но бывает непреодолимое. Таким непреодолимым стали якутские алмазы. Алмаз по-гречески — адамас, непобедимый. С этим нельзя не считаться. Если русским удастся прорвать таежную блокаду в ближайшие десять лет — нам придется поверить в невозможное».

Дэвис не любил бросать слов на ветер.

Свидетельство очевидца

Да, у специалистов на Западе были основания считать непреодолимыми трудности, с которыми должны были столкнуться первопроходчики северного алмазного края.

С болью и ужасом вспоминал о своей 13-месячной экспедиции по северо-западным районам Якутии путешественник Ричард Маак:

«Я не могу не упомянуть здесь, что почти все лица, принимавшие участие в моей северной экспедиции, пали, став ее жертвами. И если я, по прихоти судьбы, остался в живых, то во всяком случае не невредимым: и на мою горькую долю выпадет, вероятно, неизгладимые следы этого путешествия унести с собой в могилу...»

Эти строки писались сто лет назад. Но природные условия края вряд ли заметно изменились за столетие.

«Естественные преграды, представляющиеся путешественнику попеременно в этих местах, — писал Маак, — так велики, что, почти не преувеличивая, можно сказать — каждый шаг приходится брать с бою и нередко с опасностью для жизни. Путешественник, например, как мы, направляющийся из Иркутска к Северному Полярному кругу, вынужден по крайней мере десять раз переменить способ передвижения. То он с легкостью спустится по реке на лодке, то занесет ногу в стремя, то с неимоверными усилиями проволочится пешком или даже пустится вплавь, то заберется на спину оленя, то вооружит ноги свои громадными лыжами. Выехав из Иркутска в начале января 1854 года, мы к лету едва добрались до притока Вилюя Мархи. Нашей экспедиции предстоял нелегкий путь по Вилюйскому округу, самому глухому и мрачному уголку Якутии. Место это, пожалуй, не имеет себе равных по суровой дикости климата и издавна служило местом ссылки даже для поселенцев Камчатки. Топограф Зондгаген, г-н Павловский и я сделали все, что было в наших силах, чтобы как можно подробнее осмотреть и изучить природу бассейнов Вилюя, его притоков Мархи, а также верховьев Оленька и Тунгуски. Особенное внимание уделили мы бассейну реки Вилюя и Оленекско-Вилюйскому водоразделу...»

«Летом лошади вязли по брюхо

на каждом шагу. Не раз случалось, что вьюки наши падали, а иногда и всадники плюхались вместе с лошадьми в грязь. Если ж не было топей, то дорога пролегла через густой лес, где на каждом шагу подвергаешься опасности повеситься на каком-нибудь дереве или сломать себе шею. Густой ерник цепляется за одежду, хрупкие ветки багульника и мелкорослый тальник превращаются в сущее наказание. Пот лил с нас ручьем, и не раз за лето наш термометр показывал +34 и даже +38.

Но куда страшнее стало с приходом зимы. Она свалилась на нас в сентябре у притока Оленька Аланки.

Морозы с каждым днем становились все сильнее и начали принимать уже чудовищные размеры. От холода разрывались стволы толстых деревьев. Земля давала трещины. Несколько влажное дерево становилось несравненно тверже железа, и топор не рубил его, а сам при ударе разлетался вдребезги, как стекло. Ртуть в термометре давно застыла, и производить какие-либо работы было положительно невозможно. К тому же, какая-то сырость воздуха делала стужу еще более невыносимой. Замерзшие пары наполняли воздух, как мошкаркой, мелкими иглами. Все это вместе при малейшем ветре становилось поистине убийственно нестерпимым. Ступая по глубокому снегу, мы делали лишь от десяти до пятнадцати верст в сутки.

Район Оленекско-Вилюйского водораздела, где мы встретились с зимой, я считаю центром вулканической деятельности всей этой части Сибири.

Трудно представить себе место более унылое и однообразное. Куда ни помотришь — заснеженное холмистое плоскогорье с мрачными, большей частью голыми утесами. Редкий, худосочный лес кажется совершенно пустым. Только снег, следы наших оленей, да изредка вой волка, тьяканье лисы или крик дятла. Раз ветром сорвало у нас палатку, головни костра разметало, как щепки. Пока ставили за-

слон и разводили новый костер, мои спутники обморозили себе руки и лица...»

«Что же касается драгоценных камней, то желание исследовать край в этом отношении и было одной из причин, вызвавших нашу экспедицию.

Член-соревнователь Иркутского географического общества купец Соловьев, пожаловавший на экспедицию полпуца золота, имел, разумеется, большие надежды.

К сожалению, мы ничего не обнаружили, кроме уже известных месторождений в устье Ахтаранды. Да вот привезли еще с Вилюйского водораздела коллекцию оливинов... Быть может, богатства, о которых бытует среди местного населения столько красочных преданий, и запрятаны где-нибудь в толщах якутской земли. Но, чтобы найти их, надо совладать с вялой дикостью этого края. Страшная, страшная земля...»

За столетие природа края действительно не изменилась. Но зато изменилась Россия...

— ...Вы приехали в хорошее время, — говорил мне Валентин Ильич Васильев, заместитель управляющего трестом «Якуталмаз», размахисто шагая прямо по лужам, залившим улицы Мирного. — Чем для вас, да и для многих других была прежде Якутия? Тайга, золото, пушнина, геологи. Верно? Когда в крае слишком много говорят о геологах — это его юность. Зрелость наступает тогда, когда начинают считать заводы и электростанции. Сейчас история якутских алмазов переходит, если так можно выразиться, в новое качество. На смену геологам идет промышленность. И настанет время, когда это будет настоящая алмазная индустрия. Три года тому назад никто в мире не верил, что так будет. Теперь не верят, что будет так скоро, как мы говорим. Приехали бы, право, посмотрели...

Мимо, насмерть перепугав собаку, с панической скоростью промчался газик со стройки Вилюйской гидроэлектростанции.

Дороги огромных строек скрещивались здесь, в Мирном. Да и сам Мирный был одной большой стройкой. Распустив деревянные крылья, нежились на сол-

нышке разросшиеся алмазные фабрики. Рядом поднимались к небу краны и ажурные каркасы заводов. На расстрепанные лачуги первых поселенцев наступали мерзлотные «башмаки» новых зданий. Сотрясая землю, шли на посадку гигантские стальные птицы, о которых еще год назад не смела мечтать якутская тайга. Зеленый стручок такси, взвивая удушливую пыль, мчался на участок, где, как слон в бассейне, ворочалась в маленьком водоеме самодовольная и вечно голодная драга.

— А видели вы алмазы? — спросил Васильев.

— Видела, даже пятидесятидвухкратник. Старые алмазники говорят, что еще раньше на Урале считали кубометры породы на карат. Теперь считают наоборот...

Васильев усмехнулся.

— Сейчас ведь Мирный не только центр алмазной промышленности Якутии, но и опорный пункт для рывка на Север...

Говоря это, Васильев имел в виду бескрайнюю северную страну, страну у Полярного круга, бронированную траппами¹, скудную и богатую, таящую в глубинах тысячелетние алмазные клады. Обогащители спешили. Отряды съемщиков уже шли от Мирного на Север, нащупывая контуры будущей трассы. Проектировщикам виделись могучие фабрики, работающие на берегах пустынных полярных рек.

Долгое время по прибытии в Мирный меня удивляла таинственная восторженность, охватившая весь город. Мирный сжигала изнутри какая-то радость, которую почему-то надо было скрывать от посторонних глаз. Город буквально ходил на цыпочках, как молодой отец у колыбели первенца-сына. В воздухе так и порхали смелые и пышные слова, на которые так скупы обычно люди. Позже я все-таки узнала причину этой радости и сразу вылетела на Север, в те самые места, о которых оставил горькие строки Ричард Маак.

¹ Трапп — название ряда вулканических горных пород из группы диабазов, залегающих в виде огромных покровов.

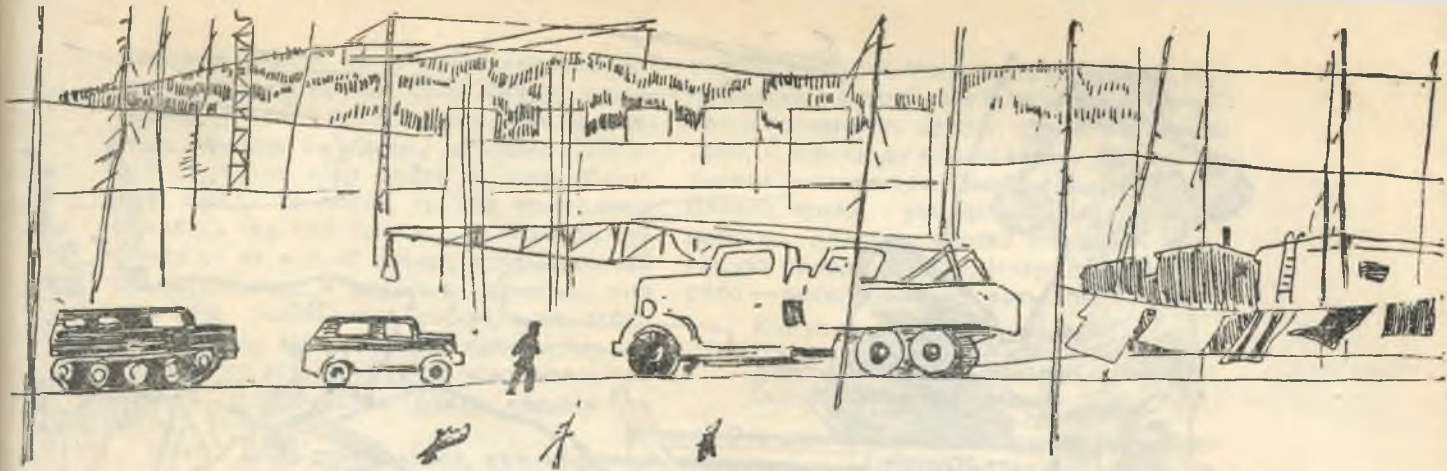
Айхал—голубая земля

Айхал — так нарекли эту землю. Айхал — в этом названии слышались удивление и сдержанный шум тонких якутских лиственниц, и тусклый свет плоскогорий, обожженных шестидесятиградусными морозами. Айхал... Вчера это имя знали только десять человек. Завтра его занесут на все геологические карты мира. И все, кому дороги раскрытые тайны нашей земли, захотят знать, как это было.

— ...Ну, кого ты привез, скажи на милость? — главный инженер покачал головой. — Он, твой Изаров, по приезде отдал ребятам весь спирт и сам почти не притронулся. Грудь как у лося, а глаза девчоночьи. Все тащил меня слушать симфонии... И вот пожалуйста — не вытянешь из тайги. Ведь не хотел же на левые притоки идти; помнишь, так и сказал: нет там алмазов. А теперь не дозовешься! Слыханное ли дело — пробежать полторы тысячи километров за сезон... Это же цирк, черт возьми, от таких вещей сдохнуть можно.

Начальник экспедиции усмехнулся:

— Я этого Изарова похитил, как саби-нянку, у нефтяников из-под носа. Встретил на совещании в министерстве. Это же не человек, а явление. Ковбойка на плечах распята, как детская распашонка, аж жалко ее. Я стороной узнал: одаренный геолог — четыре года после института на Таймыре нефть искал. Заметь, без отпуща. В пургах пропадад, собачиной питался. Остановил его как-то. Послушайте, говорю, Изаров, плюньте на свой Таймыр. На кой он вам сдался? Поезжайте к нам

в Якутию, у нас шторм — алмазы ищем. И ничего не теряете — та же пустыня, снег, те же минус шестьдесят. А он улыбается застенчиво: «Но как же, я — нефтяник и потом в отпуск собрался...» Я сразу понял его характер. К черту, кричу, отпуск, отдыхать будем тогда, когда накормим страну алмазами...

— Слушай, — снова взвился главный, — я серьезно волнуюсь. Все партии на базы вернулись. Что ему в тайге надо?

...Снег шел уже целый месяц с небольшими перерывами. И каждое утро он становился все более сухим и колючим. Первые «белые мухи» появились еще в середине августа. В сентябре лег прочный белый покров. По утрам лиственницы зарастали высоким инеем, а с реки медленно поднимался пар, будто кто-то ее все время подогревал. Изаров откинул одеревеневший полог палатки и выбрался наружу. Было еще темно, в небе не успели стаять жидкие осенние звезды. Мох уже не сдавал под ногами. По лицу чиркнул острый, пронизывающий ветер. Тело спростонья била мелкая дрожь. Это было, пожалуй, самое неприятное в таежной жизни — никогда не отогреешься досыта. Лыжные штаны, ватник, свитер напрочно усвоили какую-то промозглую влагу, эта же влага пробиралась в спальный мешок, хватая, как зубная боль, за самое сердце.

Изаров взял топор и пошел за дровами. Вблизи лагеря все сухое было давно срублено. Оставались две большие лиственницы, между которыми растягивали веревку для белья.

Лагерь еще спал. Изаров поднялся пораньше, чтобы до рассвета уйти на правые притоки Алакита. Это был тот самый внеплановый маршрут, ради которого его партия проходила в это лето по три-

дцать — пятьдесят километров в сутки. Помогала фанатическая уверенность в успехе, которой заразил всех Изаров. Он был геологом не по профессии, а по всему складу характера и ума. Пятый год скитаясь по северной земле, он научился ее понимать. Иногда сложное земное нутро представлялось ему с непостижимой, мучительной ясностью, походившей на озарение.

При первом же знакомстве с Вилюйско-Оленекским водоразделом Изаров каким-то чутьем угадал, что на левом берегу Алакита, менее подвергавшемся вулканическому действию, нет и не может быть алмазов. И, напротив, на правых притоках они обязательно должны быть. Это, как ни странно, подтверждалось и трудами Ричарда Маака, не имевшего никакого понятия об алмазных месторождениях.

Чувствуя в душе неприязнь к левобережью, Изаров тем тщательнее старался его изучить. И только полностью завершив исследования, позволил себе выйти к правым притокам. Была уже поздняя осень, поход на правобережье становился рискованным. Изаров решил взять с собой только молодого геолога Бориса Афанасьевича, искавшего алмазы еще на Урале.

Когда Изаров принес на плече сухой лиственничный ствол, кто-то уже развел огонь, установил таган и повесил на него ведро с водой.

— Куда это вы собрались? — Лена Афанасьева, как всегда свеженькая, со смуглым румянцем на тугих щеках, вынырнула из темноты с банкой консервированного рассольника. Ее глаза посмеивались: — То-то, я смотрю, Боря с вечера «тозовку» проверил. Ладно, думаю,

Робинзон несчастный, без меня все равно никуда не уйдешь. На правые, однако, пойдете?

— На правые, Елена Аксентьевна, — улыбнулся Изаров.

— Одинцов ведь не нашел там ничего, да и Алакит не сегодня-завтра станет. Слышите, как шумит — это уже шуга пошла...

— Проскочить надо... Главное — шлихи взять. На слово кто поверит?

— Интересный вы человек, Владимир Тимофеевич, — помешивая в ведре рассольник, без улыбки сказала Лена. Изаров смутился и так близко придвинулся к костру, что от сапог запахло горячей резиной. — Правда, интересный. Никто не верит, а вы вот верите, что там есть алмазы, и мы все стали верить... Бабы говорят, — Лена фыркнула, — уж такой вы любезный и обязательный, что даже неловко. Вы не обиделись?

Борис Афанасьевич вылез из палатки и сощурился на костер.

— Лена? Не спишь? А я думаю, кто это «тыр-тыр, тыр-тыр...»

Ловко закручивая в узел смоляной жгут волос, Лена весело сообщила:

— А Владимир Тимофеевич согласился уже, что я вам оленей к семнадцатому профилю выведу и ждать там буду... —

и умоляюще покосилась на Изарова: — Оладий во-от таких напеку...

Не зная Лены Афанасьевой, можно было бы пуститься в пререкания. Но Изаров только сказал нерешительно:

— Это очень опасно, Елена Аксентьевна, я даже мужчин не беру.

...Лена сидела на семнадцатом профиле, у берега Алакита и плакала, утираясь смуглой ладошкой. Каюр что-то тихо бормотал по-якутски, осматривая оленей. Потом он запел одно из тех бесконечных олонхо, которых хватает от Нюрбы до Далдына: «Черный ворон, дитя морозного неба, три дня и три ночи никогда не пересекал от края до края с провалами, с рывинами густые таежные дебри. Но и там, среди леса, многоветвистая нежная травка себе путь пробивала...»

Ночью неожиданно ударил мороз. Вся тайга замерла, будто насторожилась. А Владимира и Бориса все не было. У них уже кончился запас пищи — брали в обрез, чтоб оставить место для шлихов. И потом, оба были уже вконец измотаны этим кошмарным летом.

Лена плакала, вспоминая, как пересолила им рассольник, и еще вспоминала, как там сын Сашка и бабки в Киеве... И было невыносимо жалко Сашку, Изарова, Бориса, себя. Лена плакала очень редко, и об этих минутах слабости не знал никто, даже Борис. Она была настоящим геологом и женой геолога. Не такой, что вечно ждет мужа, как моряка из дальнего плавания, на вполне цивили-

зованной земле. Лена сживала с Борисом в мороз у костра, суша на груди последние три спички, хаживала одна на медведя, таскала на удочку пудовых таймелей, стряпала черт знает из чего отличные обеды и после трудов праведных смеялась так, что кукши с криком разлетались от лагеря. И сейчас, вспоминая все эти страшные и веселые минуты, она чуть-чуть любовалась собой, и от этого становилось еще горше — пронзительная жалость ко всему на свете и мучительное чувство одиночества рвали сердце на части.

Потом Лена припомнила, как по-мальчишески запрыгал Борис, когда вышли, наконец, на водораздел, будто ополоумел. И усмехнулась сквозь слезы — забавно, что и она больше не может жить без этих правых притоков. Скажи кому на Большой Земле — засмеют...

* * *

В азарте поиска Изаров и Афанасьев заскочили гораздо дальше, чем рассчитывали. И только когда ночью ударил мороз, опомнились и осознали, что это может кончиться весьма плачевно. Вот уже двадцать часов, не отдыхая и не подкрепляясь (есть, кстати, было нечего), они бежали, прыгая, как лоси, по обломкам траппов. Камни, покрытые снегом, выскальзывали из-под ног. Иногда снежная корочка проваливалась, открывая глубокие щелки, в которых шутя можно было сломать шею. Идти по заснеженным траппам — все равно, что танцевать на проволоке. Удерживать равновесие с рюкзаками, набитыми шлихами, было

совсем нелегко. Мороз царапал кожу, еще помнящую острый зной солнечных лучей. Тайга готовилась ко сну, в ней застывали соки, и отовсюду надвигалась тишина, ласковая и зловещая. Звезды были совсем близко, яркие и уверенные. Наступало их царство, долгое царство полярной ночи. Но, по правде говоря, Изарову было весело — весело и легко, хоть пой. Как это?..

Кто услышал раковины пенье,
Бросит берег — и уйдет в туман;
Даст ему покой и вдохновение
Окруженный ветром океан...

Это стихи, но к ним можно приспособить музыку — так часто делается в тайге.

Рядом тяжело дышит Борис, ему, кажется, тоже весело. Нет, он думает сейчас о Лене... И вдруг ясно представилось плоскогорье с его земными тяжкими внутренностями, пропоротыми голубыми венами трубок. Может, вот здесь, под этим камнем... Изаров не успел до мечтать, как очутился именно под этим камнем и ощутил пронзительную боль в руке ниже локтя. Выбраться из расщелины помог бледный от испуга Борис.

— Не разбился, Владимир?

— Нет...

И снова бег. Но сейчас все воспринималось сквозь липкий, как рукав телогрейки, туман, а звезды противно шевелили лапками, вроде маленьких омаров. Когда-то Изаров думал, что омар — рыба. Говорят, когда полтора столетия назад спустили озеро у Нюрбы — вся земля горела от рыбы. В Нюрбе сейчас весело, танцуют. Вальс, вальс... Нет, не от вальса голова кругом...

— Ты что, Владимир?

— Нет, ничего.

Вокруг был светоносный белый покров. Совсем рядом мелькнул затейливый, легкий след куропатки. И среди всего этого Изаров отчетливо увидел, как отцветает под косыми закатными лучами «золотой шар» у хаты — там, на Украине. Розовые девичьи пальцы нежно глядят тугие лепестки. А над речкой, вплетаясь в кусты ивняка, звенит и звенит знакомая с детства песня...

— Владимир, ты что?!

— Ничего...

Потом, как в бреду, был Алакит. Странно, что он еще не замерз. Очевидно, где-то было потепление. Шуга сбилась в большие серые острова, которые лезли друг на друга, как овцы в тесном загоне. От шума не было слышно, чего хочет Борис. Ну да, он хотел того же, что и Изаров — столкнуть лодку и перебраться кратчайшим путем к семнадцатому профилю. Откуда здесь лодка? А-а, не все ли равно... Жонглируя веслами, они чудом выбрались на середину, где виднелся узенький проход. Но прорваться к противоположному берегу было невозможно. По напряженному лицу Бориса Изаров догадался, что случилось что-то серьезное. Он заставил себя сосредоточиться. За поворотом река разделялась на два рукава. В той протоке, куда их несло, из берега, как перочинный нож, торчал узкий мысок. Здесь неделю назад они еще брали шлихи. Тонкая листовница, окруженная льдом, подплывала как раз к острию ножа. Потом она резко остановилась, бешено закружилась на месте, переломилась о лед в трех местах, и дальше ее, видно, стерло в порошок. Встреча с мыском ничего хорошего не сулила. Содержимое рюкзаков, кажется, должно было вернуться на свое естественное место — под воду. Преодолевая боль в руке, Изаров резко сунул весло в реку. Лодку немного развернуло, и она на полной скорости треснулась о ледяной выступ. От удара оба геолога вылетели на снег, вернее, на смерзшиеся у берега льдины. Лодка скрипела и хлюпала, собираясь идти на дно. Они сидели молча и еще не очень понимали, что спаслись.

— А рюкзаки-то, рюкзаки! — вдруг с ужасом вспомнил Афанасьев и ринулся к лодке...

— ...Слушайте, Изаров, я вам отличную штуку приготовил, — сказал начальник экспедиции. — Муна... да-да, идите на Муну. Ну, к чему вам этот Алакит? По правым притокам прошел отряд Одицова. Положим, они пропустили небольшую россыпь, ну, две, но не куст же трубок. А нам сейчас нужно именно новое месторождение, богатое. Видали, сколько за лето наши ребята нагрохали — Мир, Удачная.

Изарову было неудобно, он чувствовал себя виноватым. И будь это возможно, пошел бы и на Муну, и... к себе, на Алакит. Но если ценой огромного напря-

жения еще можно было, осмотрев левые притоки, прорваться контрабандой на правые, то уж с Муны не добежишь. И Владимиру было стыдно, что его уговаривают, а он вроде ломается. Он смотрел на себя со стороны — вышел из тайги такой медведь, который ходит быстрее всех в экспедиции, но так и не открыл ни одного месторождения за сезон... Сидит, смотрит на большие клешнястые руки и ни за что не хочет идти на Муну, ни за что. Ужасно, ужасно противно. Что ж, придется бросить последний козырь.

— Я успел взять шлихи с правых притоков.— Темно-серые глаза с трудом оторвались от стиснутых рук.— В них есть пиропы трубочного происхождения...

— Почему вы думаете, что трубочного? — насторожился начальник экспедиции.

Изаров достал из внутреннего кармана пиджака сверточек с несколькими камнями и высыпал их на стол.

— Вот видите, иногда пиропы бывают в такой тонкой пленочке — кильфитовая первородная рубашечка. Так вот я думаю, что такая рубашечка может сохраняться недолго. Значит, камни, на которых она есть, не так давно были вымыты из месторождения...

— Это уже нечто вроде открытия...

— Велосипедного колеса, — чувствуя, что дело идет на лад, и радуясь, уточнил Изаров.

...На следующее лето партия Изарова снова вышла на Алаakit.

Всякие признаки алмазов исчезли, как только поднялись по Алакиту выше ручья Веселого. Значит, это он выносил в Алаakit апельсиновые обрывки пиропов и крохотные ильмениты, размывая упрянтанную в траппы и мхи драгоценную трубку. Полезли вверх по ручью, потом свернули на деля — сухие морщины, оставленные в склонах маленькими ручейками. Алмазная лихорадка распалила лица и лишила всех аппетита. Не узнавая друг друга, вся партия бегала, как оглашенная, с мисочками к ручью и обратно. Мыли шлихи. У Лены на щеках горел вишневый румянец. У Бориса лупился нос, пот давно смыл с его лица и шеи диметилфталат, и они были черные от комаров. Комары, захлебываясь, пили его кровь, а Борис ласково баюкал в воде алюминиевую мисочку с мелкими камешками и песком. (И сейчас этот дедовский способ не утратил своего значения.)

Ни один человек в Амакинке не смог бы изящнее и точнее отмыть капризный алаakitский шлих, отягченный базальтовой крошкой. Еще и еще уплывали в воду песок и всякая прочая нечисть, и на дне тускло вспыхивали малиновые, с игольное острие, огоньки пиропов — так держать! И Афанасьев снова мчался к своему участку, навстречу ему пробегал Изаров. В середине дня с изаровского участка послышался восторженный крик, потом выстрел. Когда прибежали, Владимир держал в руках лучший, как зеркало, кусочек слюды. Ножами раскопали мох и обнаружили слюдяной медальон. Следовательно, трубка пряталась рядом.

По вечерам весь дневной улов шлихов раскладывали на составленных рядом четырех чемоданах. И определяли по шлихам, куда направиться дальше. В тот день здесь впервые за многие месяцы появился зеленоватый кусок алмазной руды. Гадали, как назвать новорожденную — Счастливая, Мечта, Верность... «Как бы ни называли, — сказал Изаров. — Ведь это только начало...» Все возбужденно загалдели: в самом деле — это только начало...

Теперь, что ни неделя, собирались у четырех чемоданов и сосредоточенно выбирали имена: Искорка, Москвичка, Дружба, Снежинка. Каждый изоощрял, как мог, свою фантазию, стремясь оставить не знавшей человека земле что-нибудь по-человечески теплое и красивое. Изаровская партия открыла за сезон не одну трубку и с помощью геофизических приборов оконтурила девять участков, где они еще могли быть. Слепительная голубая ветвь поднималась из земных глубин — гигантский голубой коралл, родившийся от одного взрыва.

...Сквозь дырку в палатке виднелся угол влажного лилового неба и латунная ручка Медвежьего Ковша. В маленькой загородке, непонятно чем так громко топоча, ходил дикий утенок, испугавшийся во сне. Недавно на охоте кто-то подстрелил его мать. Изаров нашел взъерошенного доверчивого птенца неподалеку в гнезде. Потом он старательно выкармливал это рассеянное и прожорливое существо, любившее, призадрнув пленкой глаза, сонно плавать в тазике.

Изаров, не поднимаясь и не поворачиваясь, включил проигрыватель. Нежный женский голос на певучем миланском

наречии просил молиться мадонне и скользить на легкой большевесельной лодке по морским лагунам. В соседней палатке заразительно смеялась Лена, и философски настроенный после недавнего пиршества Борис со снисходительным величием давал оценку окружающему: «Нет, это все детали. Детали...» И никак не мог добраться до главного. Рыжий, похожий на барсука, рабочий Гришка сказал вчера про трубки: «Фу-ты, вытащили, как куст картошки, ей-бо, за ботву дернешь — а там клубней страшная сила». Клубней... Но ведь бывают и пустоцветы. В трубках мало алмазов. Очевидно, было недостаточное давление магмы... Центр гигантского взрыва не здесь. Этот куст только показывает... Куда? Куда показывает? Владимир ворочался с боку на бок. Огромный разлом внутри земли. Сейчас они стоят на этом разломе, который идет... Куда? Куда?

Нюрба, главная ставка Амакинской экспедиции, веселилась. Осень вышвырнула лето последней охапкой пожухлых листьев, и геологи двинулись из тайги. Из окон барачной гостиницы рвался смех и брэнчание гитары. Хозяйка гостиницы Надя сбивалась с ног, и светлые ее осетинские глаза горели яростным восторгом. По улицам парочками расхаживали взволнованные нюрбинки. На танцах в клубе яблоку негде было упасть, шарканье ног заглушало томные стоны радиолы. В зале всегда было душно, но никто этого не замечал. Толкались ритмично и с колоссальным упоением. Через недельку-другую после выхода из тайги кавалеры, пришедшие в себя от телячьего восторга, вдруг говорили своей даме: «Это вальс-бостон. Простите, я его не танцую...»

— Так на прошлой же неделе танцевали...

— Вот как? — внутренне содрогаясь, сдавался партнер. — Ну, тогда давайте попробуем.

Пышноволосый, добродушный кристаллограф Гриша Лисюк покорно таскал из дома в дом собственноручно созданный тяжеленный магнитофон. И прокопченные у костров ребята тихо вздыхали над Вертинским и Бетховеном. Ходили слухи, что Гриша делает чудовищный комбайн, в котором будет одновременно телевизор, приемник, магнитофон и, кажется, пылесос. В таланте Гриши никто не сомневался. Камералка гудела от расска-

зов. Машинистки хватались за голову и надевали нейлоновые блузки. На «рейн-металлы», «ундервуды» и «прогрессы» градом сыпались отчеты, вычисления и конфеты «Мишка». Мужья с неприязнью следили за легкими косяками таежных холостяков.

Дождями частыми омытая,
Мильонной съемкою покрытая,
Страна любимая Якутия.—
Каким ты чертом создана?—

Этот вопрос решался в самом тесном кругу, за бутылкой какого-нибудь вина, и в общем не требовал ответа.

Оживление достигло апогея, когда на Нюрбинских улицах появились отягченные славой изаровские ребята и сподвижники Володи Щукина.

Сам Изаров, выбрав подходящий, по его мнению, момент, явился к начальству с просьбой разрешить его партии дальнейшие поиски в верховьях Мархи. Ему отлично было известно, что там только что работали две партии — «Молодежная» и съёмочная Лупийчука. Лупийчук указал несколько весьма перспективных мест, «Молодежная» же, напротив, не обнаружила ничего. Изаров отлично понимал, что выпрашивать разрешение снова пройти по верховью Мархи будет чрезвычайно трудно. Случись такое, скажем, год назад, все решилось бы гораздо проще: есть прямое подозрение на алмазы — надо проверить. Но сейчас уже наметилось столько «подозрительных» мест, что и впрямь глупо было всаживать средства и время в один упрямый пяточок земли, который пока что всех дурачил.

— Влипнем мы с вами в этот водораздел, вот что, Владимир Тимофеевич, — сомневался начальник экспедиции. — Ведь у вас-то никаких доказательств нет. А время — это алмазы...

Доказательств действительно не было. А внутренняя уверенность — это, конечно, еще не доказательство.

Вскоре Изаров оставил несколько притихшую уже Нюрбу и улетел к себе на базу. Там начинались большие работы по изучению трубки, открытой Володей Щукиным. Конечно, исследовать новое месторождение для любого геолога — удовольствие, но все-таки приятнее, когда это месторождение открыто твоей партией. Об этом не говорили, но все это чувствовали. Поэтому, как только

представилась возможность, Изаров вывел свою партию на поиски.

...Времени было в обрез. А тут пропал на двое суток Женя Черный, долговязый выпускник Львовского университета. Собственно он, конечно, не просто пропал, а ушел в плановый маршрут — ловить за хвост ту самую жар-птицу, следы которой они безнадежно потеряли. Пироповые стежки-дорожки никуда больше не вели, и загадочное сокровище, о котором с таким упорством говорил Изаров, грозило превратиться в его досужий вымысел. Женя не появлялся, все возможные сроки истекли.

Сергей Лагерев, один из лучших съемщиков Амакинки, читающий землю, как книгу, ушел к себе в палатку, сделав вид, что ничего не случилось. Но все прекрасно слышали, что он заряжает ружье. А потом он вышел в полном снаряжении.

— Куда? — Изаров шагнул ему навстречу.

— Похожу посмотрю... — Сергей отвел глаза. Он и сам знал, что найти двоих людей в тайге, где за пятьдесят шагов уже не слышно выстрела, невозможно.

— Подождем до утра. Если не придут, я попробую вызвать вертолет...

Изаров отошел к столу из четырех чемоданов. Там были разложены последние пробы.

Настоящее открытие маячило где-то впереди. Партия шла к нему по ниточке кимбрелитовых трубок. Изаров еще раз обвел глазами пробы. Ничего ясного... Ниточка вдруг оборвалась. Они бросались туда и сюда, но алмазный след исчез.

Женя Черный пришел на рассвете. Изаров не спал. Еще не разглядев толком товарища, Изаров достал фляжку:

— Пей... Где это ты так? Ладно, ладно... Рассказы все после. Все равно слушать не буду!

Женя сел на раскладушку. Его длинное, стройное тело вдруг стало угловатым и острым, будто складным — плечи, локти, колени. Но глаза смотрели, как обычно, с легкой насмешкой.

— Ну, ништо, железно протопали! Тайга — резиновая...

Он подтащил, не поднимая, к себе рюкзак. И, покопавшись, протянул Изарову несколько комочков. Руки у Жени заметно дрожали.

— Зачем это?

В свете, падающем из оконца, комоч-

ки стали голубовато-серыми. Не поверив глазам, Изаров выскочил на улицу. Куски все так же голубели.

— Кимберлит! Где ты его взял? Женя, где?

Но Черный, небрежно жикнув молнией на фасонистой тужурке, свалился на раскладушку...

Сутки назад Женя и его помощник, ведя съемку своего участка, нашли голубоватый камень. Что это — туф? Или дает о себе знать запрятанная под толщей диабазов алмазная трубка? Геологи переглянулись. Может, это и есть тот колоссальный клад, к которому они идут столько времени? Рыть землю? Для этого нужна бездна времени. В пятнадцати километрах была их палатка, где осталась взрывчатка. Не раздумывая, они кинулись туда. Обратное, несмотря на тяжелющие рюкзаки со взрывчаткой, тоже бежали.

Тайга заглушила воркотание взрыва. Как только камни вернулись с неба на землю, Женя бросился к воронке. Там, на дне, голубела алмазная руда... Они опустили на край воронки, измученные бегом, оглохшие от взрыва, и смеялись, размазывая по лицу пот.

— Назовем ее каким-нибудь особенным именем, — предложил Черный. — В честь всех девчат и мальчишек земли...

Они сидели на голубой земле, а в лагере, всего в сорока километрах от них, еще никто ничего не знал... Женя не помнил, сколько раз он падал, в кровь обдирая руки, падал, обессилев, прямо в болото, хлюпающее под ногами. Хотелось быстрее дойти, сказать, что они наконец-то нашли трубку...

Изаров задумчиво разглядывал усталое лицо Черного. Женя открыл глаза. День.

— Ты понимаешь, что значит ваша трубка?

— Алмазы? — Женя разом проснулся.

— Нет, алмазов в пробах не оказалось. Но это все равно хорошо. Понимаешь, это конец ниточки, которую мы потеряли.

Женя вздохнул, не зная, радоваться или огорчаться.

Шел дождь, мелкий и липкий, как паутина. Изаров с грустью смотрел на серый, почти безлюдный поселок, затерявшийся среди тайги. Как мало походил он на прежний Далдын, откуда впервые разнеслась по всему миру весть о советских

алмазах. На Далдын пятьдесят пятого года, веселую и шумную базу геологов, поголовно бредивших алмазным городом у Полярного круга. Сам Изаров, увлеченный мечтой, примчался тогда с Таймыра.

И вот, спустя несколько лет, Далдын лежал перед ним опустевший. И алмазного города, возможно, не будет. И вроде не нужен был нечеловеческий трудный пятилетний рывок, который сделала партия Изарова. Они должны уйти отсюда сейчас, когда до цели остался один шаг. Цель — это заветный пятачок тайги, где по подсчетам Изарова обязательно должны быть алмазы. Но несколько дней назад, когда он, ссылаясь на открытие Черного, потребовал ревизии Соксолоха, ему опять сказали «нет»...

Дело в том, что как раз это местечко уже восемь лет не давало геологам спать спокойно. Восемь лет, как только сходил снег, на штурм черного плоскогорья выходили геологические отряды. И восемь лет они возвращались ни с чем, издерганные едкими намеками на алмазные богатства и обескураженные невозможностью их найти. Никто не смог вырвать алмазную тайну из-под мощной диабазовой брони. Мало-помалу в алмазность района перестали верить. Но Изаров верил. Его требование ревизии берегов Соксолоха было равносильно клятве открыть месторождение. В Нюрбе сказали «нет» и были по-своему правы: в конце концов все побывавшие на Соксолохе партии были уверены, что вернуться с победой. Оставалась еще надежда, что даст разрешение сам начальник экспедиции. Слабая надежда.

Что ж, если будет приказано, они уйдут. И у Полярного круга еще долго не появится промышленный центр. Он останется на юге, в Мирном. Потому что ради одной трубки Удачной не станут немедленно пробивать дорогу к Далдыну, не станут строить город...

Огорченный, Изаров возвращался из Нюрбы в свою партию. В Далдыне была нелетная погода. До базы его партии было без малого 80 километров. Оставалось только ждать.

— Вам, Владимир Тимофеевич, телеграмма, — завхоз с грустными глазами поживался под дождем.

На бланке стояли два слова, за подписью начальника экспедиции: «Разрешаю. Действуйте».

Изаров посмотрел на завхоза почти с

нежностью и ушел в тайгу, к своему лагерю.

Это был тот знаменитый «таежный ма-рафон», о котором до сих пор вспоминают в Амакинке. Владимир Изаров прошел за полсутки восемьдесят километров, перекрыв все рекорды таежных гусеничных вездеходов. Правда, под конец он несколько отклонился и вышел не к своему лагерю, а к молодежной партии. «Мамбо Италия!» — неслось по тайге. Но когда Изаров подошел, проигрыватель уже молчал. И русский геолог, совсем мальчишка, пел на знакомый мотив:

Там, где небо встретилось с землей,
Горизонт родился молодой.
Я бегу, желанием гоним.
Горизонт отходит. Я за ним.
Вот он за горой, а вот — за морем...
Ладно, ладно, мы еще поспорим!
Я в погоне этой не устану,
Мне здоровья своего не жаль,
Будь я проклят, если не достану
Эту убегающую даль!..

Тихо брэнчала гитара. У костра волнисто дрожал воздух.

Будь я проклят, если не достану
Эту убегающую даль!..

В безбрежной тишине якутской тайги горели костры. На кострах кипели чайники. У костров сидели ребята — московские, ленинградские, саратовские, львовские. Совсем молодые геологи. Они перекладывали на музыку светловские стихи, варили кашу, ссорились из-за футбола, целовали обветренные девичьи губы и читали письма — все: старые, новые, свои, чужие. Иногда, правда, хотелось бросить все к чертовой бабушке и бежать, бежать туда, где можно высушить, наконец, сапоги и посмотреть хотя бы паршивенькое кино. Но зато, когда ранним утром, весь мокрый от росы, ты шагаешь, ныряя в цветные кочки, и «тозовка» перепиливает тебе плечо, — вещи видятся тебе правильно и ясно, и ты свободно думаешь обо всем на свете. Ты умен, силен и свободен. Тайга слабее тебя, пока ты в этом уверен.

Костры. Костры горят в якутской тайге...

— Проходите, пожалуйста, в палатку, — предложил Изарову длинноногий парень с рыжеватой бородкой и глубокими карими глазами, не то печальными, не то просто внимательными. Изаров помнил, что зовут его, кажется, Володя Казанцев. Парня действительно звали Во-

лодя. У него была весьма типичная биография геолога. Где-то в большом городе кончил геологический техникум и попросился в Якутию. Приехал, разумеется, в шинелишке и ботиночках (это в пятидесятиградусный мороз!) и без копейки в кармане. Аванс ему не дали, так как для этого нужно было оформиться, то есть принести три фотокарточки. Поголодав три дня, Володя попробовал устроить в отделе кадров интеллигентный скандал. И в это время к нему подошел черноглазый быстрый человек:

— Разжалобить их хотите? Не удастся. Сколько вам нужно? Сто, пятьдесят?

— Двадцать пять, — смущенно сказал Володя. — Спасибо большое. Я сразу отдам...

Но черноглазого уже и след простыл.

— Это сам Фанштейн, — укоризненно сказала кадровик, — тот, что первый алмаз на Вилюе нашел. Эх, горе с вами... Фотография отсюда — следующий квартал.

С тех пор Казанцев ходил по тайге и искал алмазы — почти пять лет. Искал, но без всяких чрезвычайностей. Только однажды, во время торжественной встречи двух партий, обжег чаем ноги и шесть дней сплавлялся на базу, питаясь от щедрот проходящих отрядов. А через неделю уже пошел в маршрут.

Казанцев показал Изарову пиропы, которые считал трубочными, и Изаров, объясняя, почему они не трубочные, думал, что неплохо было бы заполучить к себе в партию этого романтически настроенного паренька. Он сразу почувствовал, что начальству молодежной партии явно не хватает опыта. Володе он, разумеется, этого не сказал, но, уходя, уже твердо знал, что Казанцев перейдет к нему.

Перед уходом Изарова произошел маленький скандал. Ребята собрались играть в преферанс. Сдали карты. Оказалось — не хватает семерки пик. Перерыли все рюкзаки, стягивали с себя сапоги и выворачивали карманы, обхлопывались, тряслись. Русский мальчишка-геолог, посмеиваясь, ползал под раскладушкой. Семерки не было.

— Где в последний раз в дурака дулись, архаровцы? — спросил русский из-под раскладушки.

— Не то на Мархе, не то на Соксолохе, — неуверенно отозвался кто-то.

— Корешки, — слышал, отходя от палаток, Изаров, — семерку пик не видели?

...Звезды запутались в оленьих рогах и блестят там, как елочные украшения. На оленей наползает туман.

— Хорошие вести, догор, я так думаю,— сказал каюр, протягивая Афанасьеву записку. Они вместе, окутанные морозным паром, вошли в крохотную избенку на Черном ручье. Афанасьев разорвал конверт и прочел: «Уважаемый Борис Анатольевич (вечная изаровская предупредительность!). Очень прошу как можно скорее выехать к Ильменитовому ручью (там же еще осенью были Кручек и Маковкин?). Возьмите с собой лучшего горнопроходчика, я думаю, Рукавишников. Желаю удачи. В. Изаров». Борис потер лоб: в чем дело? И вдруг в глаза полезло, немыслимо разрастаясь, слово «горнопроходчика»... Он повернулся к каюру, который, зажмурившись, тянул из блюдечка черный чай:

— Слушай, друг, надо ехать! Слышишь, сию секунду ехать....

— Нельзя,— спокойно сказал каюр.— Олень ноги посбивал, олень не может идти.

— Черт с тобой,— рассвирепел Афанасьев,— пешком пройдем!

— Нельзя,— так же спокойно возразил каюр.— Мороз пятьдесят, а будет больше. Далеко идти. Помрешь.

— Посмотрим!— крикнул Афанасьев и выскочил на улицу.

Через два дня он, Рукавишников, Володя Ульянов и еще несколько рабочих поставили палатку на пологом склоне горы, вздымающейся у Ильменитового ручья.

Было тихо, снежно, туман не то сеялся с неба, не то поднимался с земли. По ночам прозрачной долькой качался над плоскогорьем месяц.

О том, что произошло здесь на стыке двух лет — пятьдесят девятого и шестидесятого — рассказано в дневнике Бориса Афанасьева.

«20 декабря. Мороз — жуть. В этом месте, у ручья Ильменитового, в котором, кстати, так и не обнаружили ни одного ильменита, Алик Кручек и Алеша Маковкин взяли пробы. Было это еще осенью. Пробы обогатили только недавно и обнаружили в них алмазы. Ясно, что ручей где-то размывает трубку. Вокруг сплошь диабазы, как панцирь на черепахе. Где же может быть трубка? Строим избенку и греем

воду — мыть шлихи. Земля как гранит».

«4 января. Встретили Новый год. Было не очень весело. Лена на базе, километров пятьдесят отсюда. Кимберлита нет до сих пор. Рабочие падают от усталости. Моем один шлик в день. Женя Черный дешифрировал аэрофотоснимки. Получается, что трубка должна быть на нашем склоне. Пробили два шурфа. Кимберлита нет».

«10 января. Мороз трещит в полном смысле слова — все вокруг лопается с оглушительным треском. Ребята держатся молодцами. Никто не жалуется. Пробили уже четыре шурфа. Кимберлита нет. Сегодня я лазал по всем шурфам. Спутников там тоже не богато. Черт ее знает, эту трубку, может, ее и вовсе нет?»

«15 января. Хоть взвой — пятый шурф, и ни черта!»

«17 января. Сегодня у нас шальной денек. С утра взяли за шестой шурф. Я ушел посмотреть еще раз вчерашний шлик. И вдруг врывается в избушку Володька Ульянов. Физиономия у него такая, будто ему только что показали фильм Чарли Чаплина. И сует мне в нос карту, обыкновенную семерку пик. Я решил, что парень рехнулся от горя — он очень переживал за этот самый кимберлит. Оказывается, когда содрали снежный покров, обнаружили у шестого шурфа вот эта самая семерка. Закопались в землю, а там кусок галенита. Сейчас, пока я пишу, он лежит на столе. Это значит, шестой шурф у самой трубки, и ее уже не может не быть. А семерка... Видать, кто-то дулся тут в дурака. Анекдот и только!»

«20 января. Шиш. Жить не хочется. Вот будет спектакль, если все это морока одна. Может, линию шурфов изменить?»

«26 января. Маковкин прислал записку с верхушки склона. Там тоже ничего нет. Все это очень странно. Мороз под шестьдесят. Можно предположить, что был сброс, тогда будет понятно, почему мы так бьемся. Но если сброс, так у вершины...

В общем, будем добывать наш шестой шурф».

«28 января. Ура! Ура! Шестой шурф шел на алмазную руду! Она голубая, как озеро Ойюр, когда в нем отражается небо. Я никогда не видал еще такого кимберлита. Он рассыпается в руке. Есть трубка!!! Выпили за ее здоровье последнюю бутылку отравы под названием «Мятный ликер». Никто не ложится спать».

«30 января. Найденный кимберлит ведет себя подозрительно. В нем нет ни одного алмазного спутника. Может, это обыкновенный туф? Посылаем пробу Володе Казанцеву, пусть разберется. Ребята немного приуныли».

«13 февраля. У нас творится невообразимое. Володя обнаружил в пробе три крупных алмаза. Я сам разломал сегодня кусок кимберлита и нашел алмаз. Это действительно невероятно. Мы открыли настоящее чудо. Не о нем ли думал Изаров?»

«15 февраля. Пропала трубка. Искали целый день».

«16 февраля. Сегодня Изаров прошел весь склон с магнитометром и принес в камералку рисунок гигантской ступни — портрет нашей трубки. Мы зацепились сначала только за «пятку» следа...»

Через месяц Изарова срочно вызвали в Нюрбу. И, уже входя в кабинет начальника экспедиции, по устремившимся на него любопытным взглядам, по тому, как невольно приподнялись все присутствующие, Изаров все понял. Начальник экспедиции встал из-за стола и пошел к нему навстречу.

— Шлихи ваши проверили, — сказал он. — Поздравляю, такого у нас еще не было. Москве уже доложено. — И усмехнулся. — Так что, дорогой Владимир Тимофеевич, придется потерпеть и десятый годок в тайге без отпуска. Полярный алмазоград будем строить. Разведайте ваш клад и тогда уже спокойно можете отправляться в отпуск...

И тут все заговорили разом, кинулись к Изарову. Кажется, тогда и предложил кто-то назвать новую трубку «Слава», по-якутски «Айхал»...

Минут через сорок, воспользовавшись восторженной суматохой, Изаров выбрался из кабинета и спустился к Вилюю. Ветер ударил в грудь. С посиневшего льда донесся резкий, веселый гудок — пароходик пробовал легкие, предчувствуя близкую навигацию.

Изаров не ощущал никакой особенной радости — бывали за эти трудные пять лет и более радостные мгновения. Но сейчас его всего переполняло удивительное спокойствие — они все-таки добились своего!

И, засунув руки поудобнее в карманы, Изаров отправился к знакомым — слушать новые записи концертов Баха.

Король зимников

Дорога на Айхал. Это звучало для посвященного почти так же, как мост на Луну или шоссе к Ориону.

Алмазоград на Айхале решили строить немедленно. Алмазограды вообще строятся не каждый день, а тут строительная площадка перебралась на сотни километров севернее Мирного. Сотни километров — по прямой, а если считать по прежней дороге геологов — реке Мархе, то будут и все полторы тысячи. Единственный надежный путь — воздух, но и его зимой часто перекрывают шлагбаумы туманов и морозов. Вспомнили опыт Мирного — ледовую дорогу по Лене. Но к Айхалу такой дороги нет — не петлять же в самом деле по Мархе. Словом, оставалось одно — идти бульдозерами напролом, по карте и компасу. На север, все на север — через горы, тайгу, мари, реки. Даже самые опытные таежные охотники отказались вести такой таранный отряд: «Мороз шестьдесят, жилья нигде нет. Так можно сто километров пройти, ну, двести. Но шестьсот... Нельзя пройти так шестьсот километров. Плохо будет человеку. Никто по этим местам не ходил. Никто, даже самые смелые охотники».

«Кто же поведет колонну тракторов на север? Кто?» — запрашивала Москва.

«Кто?» — ломали голову в Мирном.

— Действительно, кто? — спросил управляющий «Якуталмазом» Тихонов у своих транспортников.

И транспортников осенило:

— Да только Корсюк может взяться за такое дело!

— Корсюк...

Да, конечно! Как же это раньше не догадались, что только Корсюк, король зимников, может вывести тракторную колонну к намеченной точке у Полярного круга?

В тот же день Алексей Корсюк прилетел из Мухтуи, проскочил прямо в кабинет управляющего и впился глазами в карту. Между Айхалом и Мирным, даже при этой крупномасштабной съемке, свободно ложилась ладонь.

— Когда выходить? — спросил Корсюк.

— Завтра.

Несмотря на жестокий мороз, весь Мирный выстроился по обочинам дороги, провожая стальную колонну на Север. У мужчин сухо блестели глаза и напрягались под кожей желваки. Женщины плакали. Даже в легендарной истории Мирного не было еще такой страницы. Шестнадцать человек на девяти бульдозерах шли по карте куда-то к Полярному кругу.

Корсюк сидел в переднем тягаче. На губах у него блуждала мягкая, уверенная улыбка — для успокоения провожающих, которые теперь, как утопающий за соломинку, цеплялись за громкую славу «короля зимников». Ведь это его имя привозили с первыми рейсами шоферы из Осетрова и Мухтуи, с Пеледуя и Сунтара. Это о нем, безбожно перевирая нехитрую фамилию, писали центральные газеты. И теперь, провожая своих сыновей, братьев, мужей в беспримерный по смелости поход, все успокаивали себя тем, что с таким, как Корсюк, добрым и отчаянным человеком, не пропадешь.

— На Лене что в первый год творилось, и то справился, — охотно вспоминали в эти дни.

Да и Корсюку самому было как-то спокойнее думать о предстоящем походе с высоты тех добродетелей, которыми наградил его Мирный. «Придумывают, конечно. Но черт с ними, — думал он, улыбаясь провожающим. — Вот пробьем дорогу, а там уж во всем разберемся...»

Корсюку было тридцать пять, но на вид значительно меньше. Молодила легкая статная фигура и веселые карие глаза. Всю юность он честно отдал войне. Светлой вмятиной над левой бровью осталась память об Орше. А еще были

Минск, партизанский отряд Федорова, Кенигсберг. В восемнадцать лет Алексей зло и самозабвенно разрушал — взрывал мосты, кидал под откосы поезда. А после войны с остервенением, взмахом, будто зарабатывая прощение, строил. Чинил машины, ставил дома, прокладывал дороги. Сколько их было, этих дорог? Однажды упал, и поплыла перед глазами знакомая с госпиталя кровавая муть.

— Сколько лет на Чукотке? — укоризненно спросил врач.

Корсюк сказал и сам не поверил себе:

— Семь лет...

Семь лет! Неужто прошло уже семь лет с того дня, как усталый капитан, от которого пахло свежей рыбой и крепким табаком, пророкотал ему, ткнув в расплывчатый берег:

— Ну, вот, отдайте нашей Чукотки. Гх-хм... Затягивает эта земля!

Значит, семь лет прошло!

Врач все писал что-то в корсюковской книжке. И Алексей знал, что теперь погонит его медицина с Чукотки — вот за эти маленькие штопки, что оставила на его теле война. Он не стал скандалить и уехал. К тому же воображение, жадное до новых впечатлений, никак не могло переварить цифру 7. В жизни Корсюка еще ни одно событие не измерялось таким большим сроком.

Под самолетом шла запеленутая снегом тайга. «Пусто-пусто, и вдруг — след песка или лося... Живет тайга-то!» Его так и пронзила всего жгучая, на язык ощутимая, как полынь, горечь. Стало грустно и как-то тесно. В дохе, в самолете — везде тесно.

В Иркутске Корсюк окончательно скис и, обалдев от тоски в пропахшем борщом ресторане аэропорта, сунулся по пояс в кассу:

— Какой ближайший самолет на север?

— На Мухтую, — удивленно ответила кассирша.

В Мухтуе Корсюк начал с того, что разметал бульдозерами снег и торосы на Лене и открыл знаменитую тысячекилометровую ледовую дорогу Осетрово — Мухтуя. По этой артерии пошла к первому алмазграду Мирному горячая кровь грузов. Страшная это была дорога. Стремительное течение и соленые ключи то там, то здесь проедали лед. Сорок три машины хлебали ленскую воду за одну только первую зиму. И в разгадке того,

что все-таки никто не погиб, таились удивительное везение и буйная энергия Корсюка. Он метался по всей трассе со своими бульдозерами. Вытягивал застрявших, спасал тонувших, пробивал новые колеи, срубал настывшие торосы, пробовал прочность льда. Отвлекла его от Лены только новая дорога Мухтуя — Мирный. И снова вел Корсюк бульдозеры, резал лиственницы, сковыривал кочки, строил избушки для отдыха шоферов. Словом, делал зимник.

Зимник для Якутии — это все. Ну что можно было бы сделать без зимников? Когда начались в этих краях стройки гигантского размаха, главной трудностью, с которой столкнулись строители, оказалась бездорожье.

И тут на помощь пришла свирепая якутская зима. Сквозь тайгу, по промерзшим рекам и болотам пошли бульдозеры, пробивающие путь машинам. Так появились в Якутии прославленные ныне зимние трассы, попросту зимники: Осетрово — Мухтуя, Мирный — Вилуйствор, Мирный — Пеледуй, Мирный — Сунтар. Зимник, как снегурочка, чувствителен к теплу. Весной он безнадежно раскисает. Все живое и движущееся — машины, люди, повозки — спешит перебраться на более или менее твердый грунт. Осенью подготовку трассы приходится начинать почти заново. За вечную вражду с теплом Корсюк, главнокомандующий всеми зимниками вокруг Мирного, схлопотал вместе с титулом «короля зимников» и прозвище «снежный человек».

— Корсюк-то таять начинает, — поглядывая на солнышко, говорили транспортники. — Гонит тайга Корсюка — лето идет...

Бывалые северяне считают, что легче порой одному дом поставить, чем пробить километр зимника. Корсюк пробил полторы тысячи километров и теперь готовился прибавить к этому счету еще шестьсот самых страшных и трудных, без которых не могло быть полярного алмазограда.

Десятого января колонна бульдозеров вышла на берег Вилюя. По льду шли два дня. Потом взорвали крутой берег и свернули в тайгу, на север. Теперь можно было полагаться только на чутье начальства. Никаких природных ориентиров больше не было. Температура упала до минус пятидесяти пяти. Корсюк приказал соблюдать величайшую осторожность и

умчался на своем тягаче вперед — разведывать дорогу. Сначала продвижение шло неплохо, успевали пробивать за день километров до тридцати. Тайга была редкая, снег не очень глубокий. В затруднительных случаях выручала взрывчатка. Воздух, как полотно, с треском лопался от разрывов. И с лиственниц сухими потоками лился острый сыпучий снег.

Прошло двадцать дней, потом еще десять. Мороз нарастал. Воздух пропитался сухим туманом, от которого кружилась голова. Куда ни взглянешь — везде океан. Сверху, снизу, сбоку — белый сыпучий океан. Где север, где юг, где Мирный, где Айхал? В полдень небо светилось тускло. А уже через четыре часа снова разливалась глухая чернильная тьма. Сколько ни шли, не видели ни одной звезды. У каждого было такое ощущение, будто ведут его по незнакомым местам с завязанными глазами. Нервы напрягались до предела. Чудилась где-то неожиданная и жуткая опасность. К тому же каждый день понемногу сдавали машины. Ломались ножи, рвались гусеницы, от непрерывной работы горели моторы и лопались фары. Тракторы второй месяц не знали ни минуты передышки: каждая такая минута превратила бы машину в грудку мерзлого металла, который уже невозможно разогреть. Спали прямо в кабинах, задыхаясь от гари, извиваясь от пронзительных струй, просачивавшихся в каждую щель. В спальный вагончик ходили редко, боясь каких-нибудь неполадок с моторами. Месяц никто не умывался и не брился. Об этом и подумать было страшно.

В колонне начиналось смятение.

— Слушай, доедем, али нет? — уныло спросил на стоянке рыжий, худой и больше ротый тракторист по прозвищу Лощадь. Он был умелый, но вредный человек. Он закатил еще на Вилюе первый скандал из-за большого рабочего дня, хстя отлично знал, что была общая договоренность не брать третьей смены. В нем жила неистребимая уверенность, что начальство всегда норовит прижать и объегорить работягу. Корсюк не стал его разубеждать и что-то доказывать. Он сказал так, чтобы все слышали:

— Кому невоготу, хлопцы, отправлю в Мирный. Ну, а кто пойдет вперед, безоговорочно мне подчиняться!

Корсюк сел в тягач и уехал на разведку.

Лошадь опешил, задумался, но в Мирный возвращаться не захотел.

— Так куды ж нас несет нечистая сила? — снова осведомился он, ни к кому в особенности не обращаясь.

— Ты, Иван, як тот протрезвевший хохол, — прищурился радист Радченко, он же Сан-Саных. — «Мы с тобой, кум, вечер шлы? — Ну, шлы. — На большаке капелюх нашлы? — Ну, нашлы... — Так де ж вон? — Хто? — Та капелюх... — Який? — Так мы с тобой вечер шлы...» Вот и ты зарядил: «доедем?», «доедем?».

Молодой белобрысый паренек с челочкой и младенчески неистребимым румянцем заихикал в своем тракторе.

— Вот зараза, — без всякого выражения сказал Лошадь. — А что это — капелюх?

— Шляпа...

— Вот зараза, — Иван обиженно почесался. — Бабе скажешь — не поверит, что в такую чертовщину втюрхался.

— А ты слезу пусти, пожалеет, — посоветовал Сан-Саных. — Та еще грошей богато подкинь.

— Не-е, она у меня до барахла не жадная, это ты брось...

— А я, братки, как на Айхал дорвемся, — шабаш, кухарить пойду, — открывая дверцу трактора, простуженно просипел Рогачев. — Гуляш или зразы такие сооружи, что языки свои, как десерт, проглотите. В армии командир, бывало, придет на кухню: «Ну, спасибо, Михаил, не хуже жинки накормил». А еще можно суп грибной с ушками. Это тесто берешь пресное...

— Без подробностей, Мишка!.. — взмолился Пименов. — Только б до Айхала дойти. Где он, а?

— Нет никакого Айхала!

— Черт в гости взял...

Рогачев вывалился из трактора и отправился к вагончику.

— А ну, выкидывайтесь, кто есть, места буду!

— Да там, Михайло, и так все сияет, — остановил его Сан-Саных.

Но Рогачев с жадностью и надеждой ухватился за веник. Несколько дней назад кончились папиросы. И тут, в щелях вагончика, были обнаружены несколько окурков.

С тех пор спасательно-изыскательные работы велись на каждой стоянке с интервалом в четверть часа — предел человеческого терпения. Обнаруженные окур-

ки делили со всей возможной справедливостью.

— Ну? — хором спросили выходящего Рогачева. Ребята умоляюще глядели сквозь стекла тракторов.

— Чисто, как у меня на кухне бывало, — вздохнул Рогачев и показал красно-речивым жестом — шиш, мол. Лица за стеклами помрачнели.

— Шустерили, шустерили и забурились по самые стеклышки...

— Кому, значит, смейся-радуйся, а нам...

— Укрой, тайга, его, густая...

— Да уж укроет, будь благонадежен...

— Э-эх, курнуть бы разочек!

В это время темноту распороли фары, из тайги вылез головной тягач.

— Кого хороните, хлопцы? — с веселой насмешкой крикнул Корсюк, выпрыгивая из кабины. И об этот спокойный голос, как волна о дебаркадер, разбилась брюзжание.

— Кота... — усмехнулся Сан-Саных, гадая про себя, какой живучий дьявол сидит в его самоуверенном земляке, которому в общем-то доставалось больше всех.

А Корсюк, безмятежно щурясь на костер, соображал про себя: что делать? Он видел: та ниточка нервного напряжения, на которой они балансировали второй месяц, совсем подгнила и может лопнуть, возможно, сейчас. И если она лопнет, начнется паника. Та гнетущая и парализующая паника, которая в подобных условиях всегда ведет к гибели. Он исподлобья всматривался в черные, со струпами обморочений лица, покрытые свалывшейся шерстью, со слезящимися от гари и усталости глазами. Его люди вынесли нечеловеческое напряжение, и не их была вина, что сейчас это напряжение становилось сильнее их.

— Вот, что, хлопцы, — будто не замечая тяжелого молчания, сказал Корсюк. — На Айхале нас очень ждут. Айхала не будет без нас — вы это знаете. Сегодня пошло на вторую половину января. Надо спешить. До Айхала рукой подать. Словом, треба пройти еще двадцать километров...

— Ведь ночь же, Афанасьич, — напомнил Рогачев. — С ног валимся.

— Фары зажжем... Запрягайте, хлопцы, коней! — усмехнулся Корсюк и побежал к своему тягачу. Он бежал, а колени предательски тряслись от слабости, и

всей, враз повлажневшей спиной он чувствовал тяжелые взгляды ребят. Все так же, не оглядываясь, лихо обхлопал с унтов снег и заскочил в тягач. Глухо, расплывчато тукало в груди. Снаружи сочилась все тот же стрекот моторов. Если сейчас ребята не сядут в тракторы, завтра они могут уже не встать. Тогда... Но дальше думать не хотелось.

Неужели не пойдут?

Корсюку вдруг явственно вспомнилось: молоденький самолюбивый лейтенант с детской ямкой на округлом подбородке пытался под Оршей поднять роту в атаку. Крыл перекрестный огонь, земля вся топорщилась от разрывов, люди не то что легли, а впаялись накрепко в землю. «За мной! — ломким голосом кричал лейтенант и поднимался на колени. — За мной, вперед!..» Но сам даже не встал во весь рост. И его никто не слушал. Тогда лейтенант заплакал — от обиды или нервного напряжения. Он по-детски всхлипывал, не вытирая слез. Было до боли стыдно за этого командира, которому отказались повиноваться...

Сейчас Корсюк весь похолодел — не оказаться бы в позорном положении заплаканного лейтенанта.

И в этот момент послышалось тяжелое хрюканье взвившейся на дыбы рогачевской машины. Она вырвалась из ледяного плена, сжевала промерзлую листовницу и поползла, оскальзываясь траками. За Рогачевым, скула от боли и усталости, потянулись остальные три трактора.

Это была лихорадочная ночь, о которой потом никто не мог вспомнить ничего определенного. Вспоминали только Лошадь и добродушно осведомлялись: «Ну, как твоя душегубка?» На бульдозере Ивана потекла солярка — прямо на выхлопную трубу. Едкий смрад окутал густым облаком всю машину. Давясь от дыма, Лошадь открыл все окна. По лицу его катились слезы и застывали на щеках — жег шестидесятиградусный мороз.

— Останавливай, черт, машину! — заорал Рогачев, потрясенный этим зрелищем. — Обморозишься! Манеж-то не устраивай...

Но Лошадь не обращал внимания. Он знал, что для ремонта трактора нужно остановиться, и инстинктивно чувствовал, что именно сейчас, в эту ночь, этого никак нельзя делать. И тракторист разъя-

рился. Он выжимал из машины все, на что она была способна. Иван вообще здорово работал, когда забывал о «кознях начальства». Трактор громыхал напрямик по тайге, волоча за собой дымный шлейф, как танк, подожженный в бою. И многие тогда подумали, что, быть может, рыжий толстогубый тракторист и впрямь водил танк в атаку. И не такой уж он, наверное, сквалыга, больше треплется. И вообще ничего себе парень, хоть с виду лошадь лощадью.

На этом лихорадочном подъеме пролетела еще неделя. Айхал все не появлялся. Ребята избегали смотреть друг другу в глаза, потому что в глазах не осталось ничего, кроме смертельной усталости и вопроса: куда же подевался этот Айхал? Ответить мог только Корсюк. Но вот уже два дня не было и Корсюка. Его тягач шел далеко впереди, нащупывая дорогу. И только по резному, тщательно обозначенному тракторному следу они знали, что Корсюк еще жив. На третью ночь сам Корсюк, каким-то собачьим чутьем угадывавший тот момент, когда ему непременно надо было появиться, бурей ворвался в лагерь. И, выскочив из тягача, поднял вверх бидон. Это был спирт, спирт, о котором никто ничего не знал и который Корсюк тщательно припрятал вот на такой крайний случай. Деликатно уступая друг другу очередь, выпили по стаканчику и спросили: когда же?

— Через два дня, хлопцы, — сказал Корсюк. — Айхал уже совсем под носом. Вот мы еще у маркшейдера спросим, он с картой дружит. Анатолий Максимович! — крикнул он в темноту. — Как там ваш гороскоп, когда на Айхале будем?

— Дня через два непременно долж-

ны быть, Алексей Афанасьевич, — откликнулся невидимый маркшейдер.

— Вот что, Сан-Саныч, — усмехнулся Корсюк. — Доставай-ка свой чудо-аппарат и радируй всей земле без всякого шифра: «Через два дня будем на Айхале, встречайте с музыкой, настроение отличное. Корсюк».

Все заулыбались, задвигались, бросились помогать радисту. Хотя никто еще толком не верил, что делаются эти приготовления всерьез.

— Насчет настроения не совсем так получается, Алексей Афанасьевич, — шепнул ему Рогачев. — Ребята на ладан дышат. Да и курева нужно бы попросить.

— Видишь, Миша, штука какая, — нахмурился Корсюк, и шрам его над левой бровью полыхнул багровой полосой. — Нас ведь не только наши будут слушать. Иные господа тоже хотят знать, подходят русские среди снегов, как они предсказывали, или нет. Ясно?

«Всем, всем всем! Я РУФ-2, я РУФ-2, — быстро заговорил Сан-Саныч. — Всем, всем, всем! Через два дня будем на Айхале. Через два дня. Настроение бодрое. Как слышите? Перехожу на прием... Перехожу на прием...»

И вот откуда-то из белесой шестидесятиградусной мглы вырвались позывные Мирного: «Слышу вас хорошо! Родные вы наши... Держитесь! Передаю, как поняли: через два дня встречаем на Айхале. Через два дня на Айхале».

— Ишь — держитесь! Держалась кобыла за оглобли, да упала, — радостно засмеялся Пименов, но на него шикнули.

Взволнованный голос радистки Мирного исчез, пропустив позывные Амакинской экспедиции: «Я ласточка, я ла-

сточка... Ждем через два дня — с музыкой...»

Корсюк отвернулся, чтобы не видеть, как у ребят прыгают подбородки. «Теперь дойдут, обязательно дойдут...»

А в маленькую рацию все рвались и рвались позывные. Весь огромный край замер, казалось, у аппаратов на многие дни, чтобы вот так, как сейчас, услышать однажды из хрипящей трубки короткое, непонятное слово «РУФ-2».

«РУФ-2! Якутск слышит вас хорошо. Через два дня секретарь Якутского обкома КПСС встретит вас на Айхале...»

И снова позывные Мирного: Тихонов желает участникам похода удачи. Завтра он с секретарем мирненского горкома вылетает на Айхал.

Потом прорвалась Нюрба. И вдруг все стихло. «Отжила свой век, — пряча глаза, вздохнул Сан-Саныч и с укором посмотрел на рацию. — Но теперь и без нее обойдемся...»

Через сутки тягач Корсюка вырвался на огромную белую равнину. Впереди чернели угловатые крыши.

— Айхал! — чужим, охрипшим голосом прошептал Корсюк.

— Айха-ал! — неожиданно пронзительно взвизгнул невозмутимый Марков.

— А почему дыму нет? — обеспокоился их водитель Тютюнов. — Что-то неладно там...

Тягач, повизгивая и рыча, как дворняга, почуявшая жильё, полз к странному поселку. И вскоре все стало ясно. Это был не поселок, а огромная россыпь валунов, выпиравших над землей заснеженными правильными углами. Издали это напоминало домики. Тягач с разбегу заскочил на камни. И тут же все его составные части завизжали и заскрежетали.

— Разувается, — мрачно сказал Тютюнов. Он всегда говорил о машине, как о живом существе. — Напоить надо, капризничает. Ишь, устал! Хитрит, разулся с одной ноги.

— Давай назад! — гаркнул Корсюк. — Ты что, с ума сошел? У нас всего три машины в строю осталось. Спасай тягач!

Тютюнов укоризненно покосился на начальника колонны — впервые за эти дни он повысил голос. Но, увидев лицо Корсюка, тракторист невольно вздохнул и, оттянув рычаг скорости, дал задний ход.

Машина неохотно поползла обратно. Корсюк вылез и пошел по траппам. «Не

пройти. И думать нечего. Рвать? Но разве такой завал разметаешь? Человеку не пройти, а машинам...» Камни топорщились, как развалины исполтинского города. Их невозможно было обойти, а пройти по ним и вовсе невыносимо. Мороз несколько спал, туман рассеялся. Снег отсвечивал мягким сиянием, напоминавшим что-то очень дорогое, из детства. Кругом было тихо, пахло свежестью. За валунами, окутавшись маленьким облачком, стоял железный утюжок — их тягач. «Вот тебе и Айхал!» — и Корсюку впервые за этот бесконечный поход стало не по себе. В тихом сиянии плоскогорья почудилось что-то зловещее.

Окончание следует.

КОМСОМОЛ СВОЕМУ СЪЕЗДУ

Как коммунисты

Встретить съезд по-комсомольски — с таким призывом обратился к молодежи Вячеслав Циплов, мастер арматурного цеха завода железобетонных изделий треста «Южуралтяжстрой». Профессии арматурщика он обучил на общественных началах 20 молодых рабочих.

Его почин поддержал экипаж «МАЗ-525» Кима Равилова. Годовой план 1961 года ребята выполнили ко дню открытия XXII съезда КПСС. Сейчас они работают еще лучше.

Комсомольско-молодежная смена Юрия Штырова дала слово дойти до руды не в третьем квартале, как положено по плану, а во втором. Свою работу смена посвящает XIV съезду ВЛКСМ.

Наша молодежь взяла под комсомольский контроль разгрузку и перевоз строительных материалов, обучила силами комсомольцев ко дню открытия съезда 100 рабочих строительным специальностям, отработала на воскресниках и субботниках 10 000 часов. В январе 1962 года сдана в эксплуатацию первая очередь подземного рудника, шахтеры получили прекрасный быткомбинат, каждый день над копром шахты вспыхивает яркая звезда — шахта выполнила сменное задание.

Мы заверяем Ленинскую партию, что будем работать и учиться как коммунисты.

Ю. ОВСЯННИКОВ,
первый секретарь
Гайского райкома ВЛКСМ

ЧИТАЯ ЛЕНИНА

Мы знали Ленина по книгам,
а больше —
что скрывать! —
из книг:
Как просто пишет о великом,
Как выразителен язык!

Я вижу все: и то, что было,
и то, что сбудется еще.
И каждый мускул полон силы,
и сердце бьется горячо!..

*М*етрадный лист прижав рукою,
в тиши взволнованно молчу
над непросохшей строкою,
принадлежащей Ильичу.

*О*на еще блестит лилово,
и на свету — как торжество.

И для грядущих поколений,
народной памятью храним,
таким же точно будет Ленин,
и все же чуточку иным.

*О*ни по-своему увидят
неповторимые черты.
Найдут не найденный эпитет,
свой штрих

Она его, из слова в слово,
и только почерк — не его.

В ней дух, не знающий покоя,
и полемический нажим...
И каждой новою строкою
мы утверждаем —
Ленин жив!

*Е*го дела, идеи, речи!..
От этих истинных начал
идем грядущему навстречу,
живем,
как Ленин завещал!

И на самих скрижалях века
с неумолимостью крутой
по-ильичевски пишем веско
своею собственной рукою!

положат
на холсты.

*Н*о и тогда, в тот век не близкий,
он потрясет
сердца,
умы
любовью, схожей с материнской,
забывшей «я» во имя «мы»!

Обе фотографии сделаны, судя по маркировке бумаги, в одно время. На второй запечатлены три молоденьких паренька с открытыми юношескими лицами, ясными пытливыми глазами. Сидящие рядом — братья Кашины: Петр и Василий. Стоит — Петр Житяйкин.

— Это первые комсомольцы города Сучана.

...1920 год. Цвели в садах молодые яблоньки. Белыми кружевами затянулись крутые сопки. Сады подходили вплотную к шахте. И было удивительно и непонятно, как только могли ужиться рядом с огромными черными терриконами эти нежные молодые деревья. Ярко светило весеннее солнце. Необычайно радостно в этот день было на душе у комсомольцев, впервые собравшихся в только что открывшийся клуб. Его оборудовали в пустовавшем доме, недалеко от шахты № 10. Ребята сами побелили стены, отремонтировали крышу, сделали сцену.

Большой гордостью комсомольцев был маленький портрет Владимира Ильича Ленина. Смелые люди привезли его из Москвы — Забайкалье было в руках белых. Портрет переправили через фронт во Владивосток, а оттуда передали на шахтерский рудник.

С портрета на комсомольцев смотрел Владимир Ильич. Девчата принесли охапку розового багульника и прикрепили рядом с портретом.

Но однажды случилось так, что ребята не смогли собраться в клубе: на расвете на рудник ворвались враги.

Шахтеры поспешили в тайгу. Вместе с ними глухими тропами уходили в тайгу и комсомольцы — за хребет Мулянгоу, в партизанские отряды. Получили такой приказ ревкома и братья Кашины, и Петр Житяйкин.

Темной ночью собрались они в уро-

Сучан... Шахтерский город на Дальнем Востоке. Здесь в суровые годы борьбы с иностранными интервентами родилась одна из первых комсомольских ячеек Приморья.

— Горячее было время, — вспоминает Алексей Васильевич Житяйкин. — И знаете, кто помогал нам тогда бороться? Ильич!

Старик бережно достает из нагрудного кармана небольшой, размером в открытку, портрет Ленина.

Я внимательно рассматриваю открытку. На обратной стороне — надпись. «Фотопортрет В. И. Ленина. (Сохранен со времен подполья 1920—1921 гг.) Сучан, шахта № 10».

— А вот еще одна карточка, — показывает Алексей Васильевич.

**ПОРТРЕТ
ИЛЬИЧА**

чище «Чертова лапа». Так называется сопка, гигантской подковой спускающаяся к реке Сучан. Ее причудливые очертания действительно напоминают огромную лапу, а стремительно текущие с нее ручьи издали похожи на хищно вышупленные блестящие когти.

Комсомольцы думали о том, что на десятой шахте, в клубе остался портрет Владимира Ильича Ленина. Немыслимо, чтобы портрет попал в руки врагам.

— А что, если я..— предложил Петру Житяйкину его младший брат Алеша.

— Ты? — ребята удивленно посмотрели на тринадцатилетнего парнишку.

— Я проберусь незаметно. Там, в заборе, дырка есть.

— А если поймают?

— Не поймают, вот посмотрите.

На рассвете Алеша незаметно проскользнул мимо часовых, пробрался в клуб, снял портрет и, завернув его в плотную бумагу, проскользнул домой.

По несколько раз в день Алеша Житяйкин появлялся неподалеку от того

места, где располагались белогвардейцы и интервенты. И никому не приходило в голову, что он внимательно следит за каждым их шагом, обо всем передает в таежный штаб партизан.

Поздно осенью комсомольцы из отряда имени Карла Либкнехта решили переправить портрет Ильича из Сучана в тайгу. Отряд к тому времени разросся. Со всего края в партизаны шли молодежь, старики, рабочие, крестьяне. И каждому хотелось посмотреть на образ дорогого сердцу человека.

Командир решил отправить на рудник знаменосца отряда Петра Кашина и знаменитого своей геройской удаляю партизана Григория Кавказского.

Поздно ночью разведчики увиделись с Алешей. Он достал из тайника портрет и передал его комсомольцам:

— А может, и я с вами, хлопцы? — глаза его были задумчивыми.

Петр внимательно посмотрел на парнишку, ласково пошевелил рукой его волосы и тихо добавил:

— Нет, Алеша, рано тебе в тайгу. Потерпи малость... Да и без командира мы не можем решать этот вопрос. Ведь ты здесь у нас — наш глаз...

С грустью проводил Алеша комсомольцев. Но неподалеку от урочища «Чертова лапа» их ждала белогвардейская засада. Нашлась черная душа, которая выдала партизан. Разведчиков схватили, повели через перевал. Шел дождь, стонал холодный ветер.

Не смыкая глаз, Алеша вслушивался в ночь. Вдруг он услышал, как на перевале раздались частые выстрелы. Стрельба прекратилась, и снова наступила тишина. Монотонно барабанил в окно дождь.

Алеша подошел к окну и увидел, как во дворе мелькнула чья-то фигура, и в ту же минуту послышался стук в дверь.

— Кто там?

— Это я, Кавказский...

Алеша открыл дверь. Разведчик еле держался на ногах. Пряди вклокоченных волос прилипли ко лбу, одежда изорвана.

— Это в меня палили. Слышал?..

Алеша помог ему спрятаться на чердаке, принес воды.

— Сбежал? — не скрывая нахлынувшей радости, спросил парнишка.

— Живой, как видишь...

— А Петро где?

— Петро...— разведчик вздохнул и низко опустил голову.— Его увели...

— А портрет?

— Портрет у меня, Алеша. Он первым на конвоиров бросился, чтобы я смог убежать.

В ту ночь белогвардейцы бросили отважного разведчика в подвал бывшего Народного дома. В нем тогда находилась вражеская контрразведка. Юношу жестоко пытали. Затем белогвардейцы перевели Кашина из Сучана в село Владимиро-Александровское и там темной осенней ночью расстреляли...

А портрет Владимира Ильича был

доставлен в отряд имени Карла Либкнехта. Его принесли Григорий Кавказский и Алеша Житейкин. Вместе со знаменем, как самая дорогая реликвия, хранился в отряде портрет Владимира Ильича.

А когда осенью 1922 года над всей дальневосточной землей запылали красные знамена, партизаны взяли с бою и родной Сучан. Они принесли с собой на рудник и портрет вождя. Он снова попал в шахтерский рабочий клуб.

— Вот и вся история этого дорогого портрета,— говорит Алексей Васильевич Житяйкин.

Л. ШАПА

Комсомольский трактор

С 28 февраля по 3 марта 1929 года в Ирбите проходил Первый окружной съезд комсомольцев и крестьянской молодежи. Съезд обратился с призывом ко всем комсомольцам и молодежи Ирбитского округа «принять активное участие в выполнении постановления XV съезда ВКП(б) о коллективизации сельского хозяйства, стать застрельщиками создания товариществ по общественной обработке земли (ТОЗ), сельхозартелей и коммун, проводить субботники и воскресники, отчисления от заработка, и все эти средства передавать в окружной фонд коллективизации», который создали при окружном ВЛКСМ.

Трактор на этом снимке—один из первых тракторов во всем Ирбитском округе. Он приобретен на заработанные и собранные комсомольцами деньги и передан колхозу «КИМ».

Колхоз «КИМ» тоже организовали комсомольцы в селе Байкаловского района (название села я, к сожалению, не запомнил).

На фотографии, сделанной в конце августа или начале сентября 1929 года, у трактора стоят члены бюро окружного ВЛКСМ: А. Ломоносова, А. Злобин, Г. Федоров, А. Клешев, Г. Рябухин и другие. За рулем—секретарь окружного комсомола Е. Задирский.

Сохранившийся у меня подлинник этого снимка я передал в Музей истории уральского комсомола.

Г. ФЕДОРОВ,
бывший секретарь Ирбитского
горкома ВЛКСМ

КОМСОМОЛ СВОЕМУ СЪЕЗДУ

О НАШИХ РОМАНТИКАХ

Интервью с В. ПОПКОВЫМ,
секретарем комитета комсомола
треста «Уралмашстрой».

Казалось бы, простой вопрос: чем встречаете съезд комсомола? И ответить можно просто. Рассказать о выполнении обязательств, назвать кое-какие цифры, передовиков перечислить. Только сейчас мне хочется сказать немного о другом.

Два года назад был за поселком Уралмаша большой пустырь. Дотаивал там под весенним солнцем серый ноздреватый снег. И не было ЦМК—цеха сварных металлоконструкций. Не было ударной комсомольской стройки. А потом пришли туда комсомольцы, и стали вырастать цеховые пролеты...

Романтика бывает разная. Идут по неизведанным землям первооткрыватели, в космос улетают астронавты, в лабораториях ученые штурмуют тайны атомного ядра. А у нас—романтика строительства, созидания в прямом смысле слова. Смотришь на громадный цех, смотришь на наших ребят и даже удивляешься: неужели это они своими обыкновенными руками возвели его?

Вы, наверное, слышали про монтажника Эдуарда Иваницкого. Был сначала рядовым рабочим, стал бригадиром. И бригада Иваницкого вышла в передовые. Крепко сдружились ребята, не хотелось им расставаться, но надо было вывести из прорыва работу на полигоне, где выпускались железобетонные колонны. И для этого ушел из бригады в арматурщики Саша Сырескин, и скоро все говорили, что здорово работают арматурщики Сырескина. Перешел в отстающую бригаду и сам Иваницкий. Это потому, что нет для комсомольцев дела ближе и важнее стройки самого большого в Европе цеха сварных металлоконструкций.

Чем мы встречаем съезд? Тем, что скоро начнет работу первая очередь этого цеха. Тем, что мы перекрыли девятый и десятый пролеты второй очереди. Тем, что стройка воспитала романтиков, которые еще много сделают для коммунизма.

Коммунизм есть Советская
власть плюс электрификация
всей страны. *В. И. Ленин.*

диспетчерская. Доступ сюда разрешен считанным лицам. Здесь принимаются рапорты и отдаются распоряжения, координирующие работу объединенной энергетической системы. На огромном вогнутом стенде, напротив диспетчерского стола, заставленного приборами и аппаратами,— схема системы. Условные линии электропередач соединяют в единое кольцо десятки электростанций Свердловского, Челябинского, Курганского, Кустанайского, Пермского, Удмуртского и Башкирского энергетических районов.

Звонят из Челябинска:

— Разрешите на Южно-Уральск о й ГРЭС поставить котел на ремонт.

Немедленно дается ответ:

— Ремонт котла отложить до завтра!

Чтобы принимать быстрые и точные решения, диспетчер обязан быть не только инженером-электриком, но и турбинистом, и котельщиком; он должен знать потребность в электроэнергии промышленных предприятий, транспорта, городских коммунальных хозяйств в каждый данный момент.

Электроэнергия — такая продукция, которую не запасешь впрок, не уложишь на склады. Ее вырабатывают точно столько, сколько требуется потребителю. Ни меньше, ни больше. А потребность эта меняется в зависимости от времени года и времени суток. Ночью, когда кипучая волна жизни спадает, на электростанциях наступает передышка. Эти часы обычно используют для ремонта оборудования. Но вот начинается трудовой день. Двинулись трамваи и троллейбусы, загудели подъемные краны, вздохнули полной грудью тысячи уральских предприятий. Расход электроэнергии резко

поднимается. Но это еще не предел. Часы пик наступают вечером, когда еще дымят заводские трубы, но уже включаются освещение и различные бытовые приборы. Тогда электростанции работают с максимальной нагрузкой.

Нагрузка... К сожалению, нет еще такого устройства, которое автоматически меняло бы ее, управляя каждой электростанцией. Вероятно, такая «умная» машина будет когда-нибудь создана. Но пока эту сложную, необычайно оперативную работу выполняют люди — те, что командуют за закрытой дверью центрального диспетчерского пульта. Составляя суточный график для всей системы, для каждого энергетического района и каждой электростанции, они учитывают все: и пуск новой шахты или прокатного стана, и электрификацию железной дороги, и строительство... Да-

же прогноз погоды не остается без учета,— ведь в холод усиливается отопление, а в ненастье раньше зажигаются огни.

Составление графика — не простое дело. Оно требует точных знаний и большого искусства. Две ломаные линии бегут по разграфленным листам бумаги. Одна черная; ее нанесли заранее; она указывает, сколько энергии будет потреблять Урал в каждый час наступающих суток. Другая — красная — фиксирует действительный расход энергии. Под рукою диспетчера эта линия продвигается каждый час, (после рапортов электростанций) и почти не отклоняется от черной. Какая точность расчета, сделанного накануне! Однако диспетчер всегда настороже: он знает, что сюрпризы подстерегают его на каждом шагу.

Вот поступает сообщение:

— Верхне-Тагильская ГРЭС не закончила в срок ремонт оборудования.

В ШТАБЕ ЭНЕРГЕ- ТИКИ УРАЛА

МОЩНОЕ УРАЛЬСКОЕ ЭНЕРГОКОЛЬЦО ПИТАЕТ:

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ ТРАНСПОРТ...

ТЯЖЕЛУЮ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ...

Это значит, что многие тысячи киловатт не вольются сегодня в уральскую систему.

Сам по себе такой факт не опасен: для непредвиденных обстоятельств в системе всегда есть страхующая электростанция. Достаточно отдать команду — и стоящие на чеку резервные агрегаты восполнят недостающую энергию. Проблема в другом: приближаются часы наивысшей нагрузки. Случись какая-нибудь авария, и резерв может оказаться недостаточным.

Конечно, аварии в современной энергосистеме — вещь чрезвычайно редкая, но диспетчер должен быть готов к любой неожиданности. И к тому, что буря оборвет провода. И к тому, что какой-то садовод, поливая из шланга деревья, заденет струей высоковольтную линию (был и такой случай однажды). Вода — хороший проводник. Садовод погиб, а на линии вспыхнуло короткое замыкание. Разве можно такое предвидеть?

Итак, энергия одного из турбогенераторов Верхне-Тагильской ГРЭС не вольется сегодня в объединенную систему. Несколько лет назад, когда уральское кольцо было обособленным, диспетчеру, возможно, пришлось бы туго. Теперь другое дело: наше кольцо соединилось с центрально-европейской энергетической системой. Теперь в часы пик есть замечательный помощник — Волжская ГЭС имени Ленина. И все-таки диспетчер чем-то озабочен.

Оказывается, именно с Поволжья селектор принес неприятную весть. Утром там была оттепель, а к полудню температура понизилась до 16 градусов, и тросы на линии электропередачи покрылись льдом. Если обледенение будет нарастать, тросы могут провиснуть и повредить провода. К счастью, вскоре выяснилось, что угроза миновала.

— Волновались? — спрашиваю у диспетчера.

— Нет. Нам волноваться нельзя.

Да, многое диспетчеру нельзя. Нельзя теряться, нельзя отвлекаться, нельзя ошибаться, Особенно — ошибаться. Ведь в его руках разветвленная система, которая питает организм промышленного Урала. Он обязан в решающую минуту, молниеносно взвесив все «за» и «против», найти единственно правильное решение.

Главный диспетчер Управления Игорь Вадимович Сченснович рассказывает:

— Как-то у нас, на центральном

пульте, два диспетчера, дежуря в разные смены, приняли в одинаковой ситуации одинаковые решения. И, как на первый взгляд ни странно, первый получил за это выговор, а второй — благодарность.

— Наверное, ошибка администрации?

— Нет, ошибка первого диспетчера. Ему сообщили, что на крупной электростанции вышел из строя агрегат. Волжская ГЭС нам тогда еще не помогала, и диспетчеру следовало ограничить подачу электроэнергии потребителям — иного выхода не было. Диспетчер не пошел на это, решив, что ко времени пик агрегат успеют отремонтировать. Спору нет, иногда в нашем деле приходится и рисковать, но в данном случае риск был необоснованным. Ремонт оказался сложным и длительным. Потребление энергии превысило возможности электростанций, и вся система чуть не потеряла устойчивость. В дежурство второго диспетчера вышли из строя сразу два агрегата. Казалось бы, в этом случае тем более напрашивалось решение — ограничить подачу электроэнергии тому или другому предприятию. Но диспетчер принял такое же решение, как и первый. И поступил совершенно правильно. Учитывая состояние оборудования и причины аварии, он пришел к выводу, что на ремонт потребуется не более часа. Так оно и оказалось.

Чтобы умело командовать большими электровеличинами, диспетчер должен обладать железной выдержкой, решительностью, а главное — способностью быстро соображать. Какую бы головоломную задачу ни поставила перед ним техника или стечение обстоятельств, он обязан решить ее тотчас, немедленно. Раздумывать он не имеет права.

— Давайте подсчитаем, — предлагает Игорь Вадимович, — во сколько могут обойтись диспетчерские раздумья. Предположим, при аварии от сети отключилось несколько предприятий. — Он берет карандаш и прикидывает часовую стоимость невыработанной продукции, затем делит на 60. — Вот она, стоимость минуты в рублях... А если диспетчер вернет систему к нормальной работе не за одну, а за десять минут? Это обойдется государству в несколько миллионов рублей!

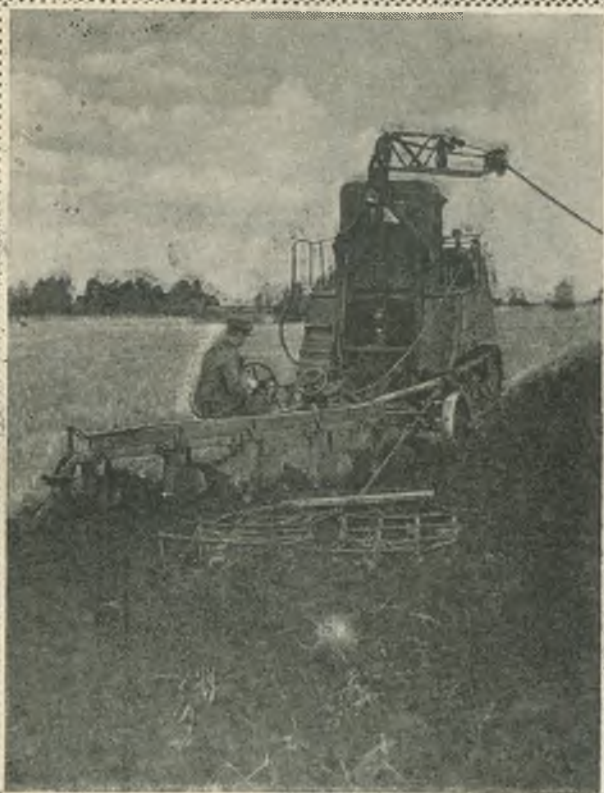
Благополучие системы зависит от того, насколько точно совпадает потребление энергии с возможностями электростанций. При нормальной нагрузке все

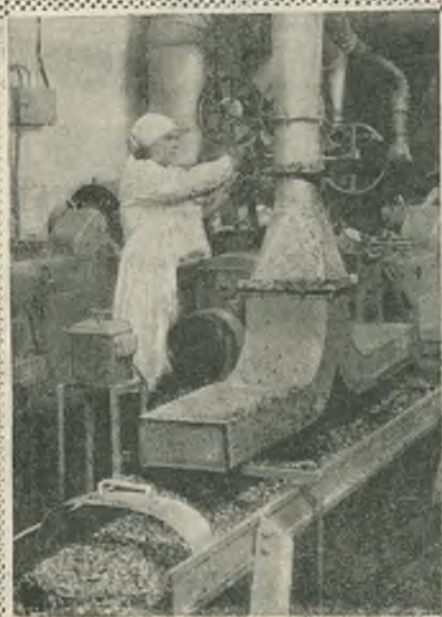
УГОЛЬНУЮ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ...

ТЕКСТИЛЬНЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ...

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО...

ПРЕДПРИЯТИЯ ПИЩЕВОЙ
ПРОМЫШЛЕННОСТИ И МНОГОЕ,
МНОГОЕ ДРУГОЕ

турбины работают в едином ритме. Как только расход энергии начинает превышать возможности станций, турбины уменьшают число оборотов. При понижении расхода число оборотов увеличивается. И в том, и в другом случае турбины сбиваются с нормального ритма. Бывают случаи, когда, словно предчувствуя недоброе, они начинают зловеще визжать от непосильной работы или глухо стонут, не имея достаточной нагрузки. Энергетики называют это «качанием» системы.

«Слышна» эта «музыка» и в Свердловске. На центральном пульте управления и в кабинете главного диспетчера стоят маленькие приборы — частотомеры. Если стрелка на шкале частотомера стоит на цифре «50», — значит, всё в порядке. И чем бы диспетчеры ни занимались, они постоянно поглядывают на эту сигнальную стрелку.

Приборы... Сколько их тут, на центральном пульте, на станциях и подстанциях, на линиях электропередач! Самопишущие, регистрирующие, контролирующие... Верные приборы-сторожа. Они поминутно помогают диспетчеру ориентироваться в сложной обстановке энергетического кольца. Но есть в системе и другие устройства, которые в случае аварии сами принимают необходимые меры. Оборвись на линии провода — тотчас сработает автоматика; без участия человека она отключит пораженное звено, изолирует «больной» участок от здорового тела системы.

Такими автоматическими устройствами занимается специальная служба Уральского диспетчерского управления. Экспериментируя на моделях — создавая всевозможные аварии, меняя нагрузки и напряжения, — инженеры из года в год повышают надежность системы, совершенствуют энергетическое хозяйство.

Игорь Вадимович то и дело прерывает рассказ:

— Простите...

И нажимает кнопку селектора:

— Курган! Скорей организуйте ремонт трансформатора.

Одновременно звонят из Перми. В этом районе, видимо, все благополучно: Игорь Вадимович откладывает блокнот, так и не сделав в нем никаких пометок.

Снова гудит селектор. Вызывает Москва.

— Сченснович слушает... Есть помощь Сибири.

И, освободившись, поясняет:

— Нам помогает европейская система, а мы, в свою очередь,— сибирской. Но это, конечно, временно. В ближайшие годы избыток электроэнергии хлынет именно из Сибири. Там неисчерпаемая топливная база и богатейшие гидроресурсы.

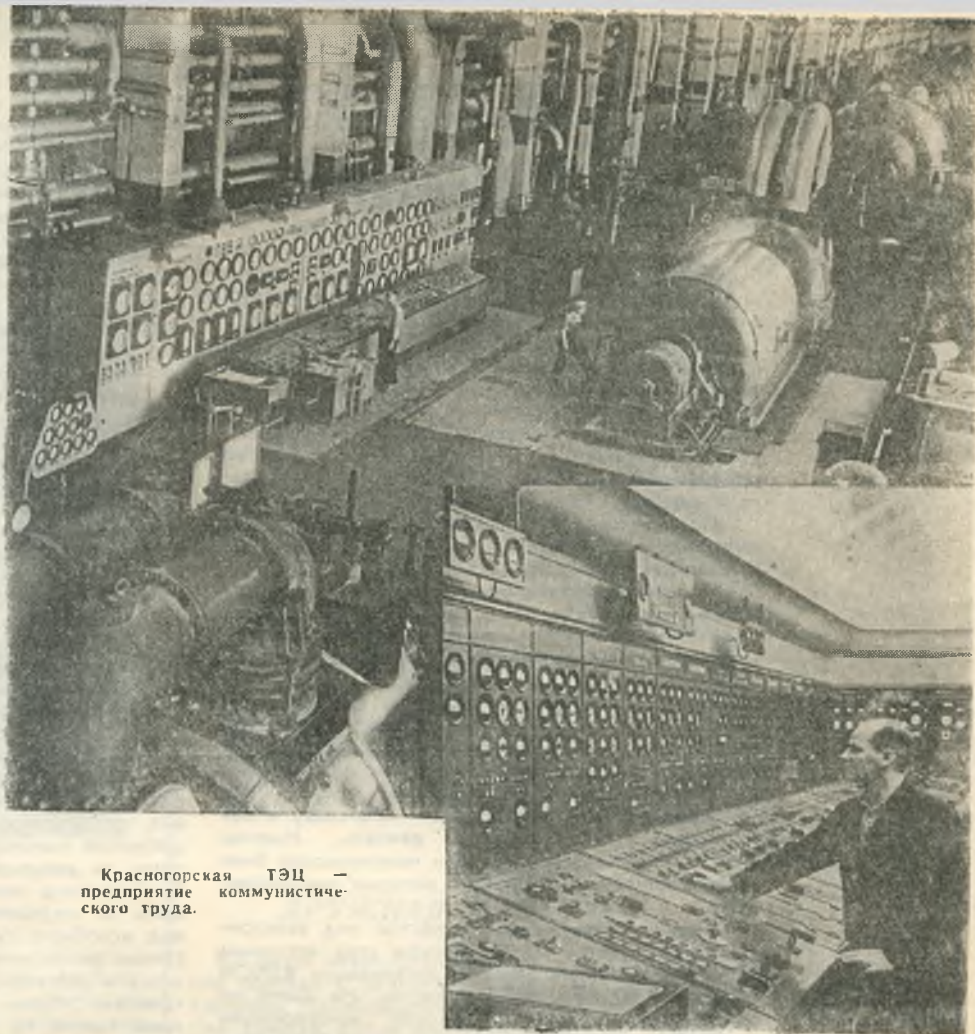
А какова перспектива Соликамской ГЭС с каналом Печора — Вычегда — Кама! Обильные северные реки изменят свои русла и понесут через электростанции Волги и Камы 40 миллиардов кубометров воды. Волго-Камский каскад повысит выработку электроэнергии на 11 миллиардов киловатт-часов.

На самом Урале новых электростанций будет немного. В них нет необходимости. Страну прорежут сверхмощные и сверхдальние линии электропередач, и наше кольцо вольется в единую энергетическую систему Советского Союза. К тому времени страна доведет годовое производство электроэнергии до 3 000 000 000 киловатт-часов.

Три триллиона!.. Давайте прикинем, что это значит.

Один киловатт-час — это 50 килограммов проката, или 250 килограммов угля, или 136 килограммов кондитерских изделий. Теперь умножьте килограммы на триллионы!

Но три триллиона — это ведь без учета использования других видов энергоресурсов. Кто знает, может быть, в скором времени найдет широкое применение такой источник энергии, как «голубой уголь» — ветер. Энергия ветра превышает энергию всех видов ископаемого топлива более чем в два раза. Огромные перспективы раскрывает превращение в электричество атомной энергии и энергии солнца. А подземные горячие воды с температурой до двухсот градусов, которыми так богата наша страна! Это же готовые «водопаровые котлы».

Красногорская ТЭЦ — предприятие коммунистического труда.

Будет когда-нибудь и электронный диспетчер, автоматически распределяющий потребителям все виды природной энергии. Будет! А пока что на центральном диспетчерском пульте Урала кипит обычная оперативная работа. Люди командуют гидравлическими и тепловыми электростанциями. Голоса в этой комнате не затихают ни днем, ни ночью.

— Магнитогорск! Пылепитатели пустили?

— Так точно, пустили.

— С углем нормально?

— Так точно, нормально.

— СУГРЭС! Турбину в ремонт.

— Есть ставить турбину в ремонт!

За окном диспетчерского пульта густеют ранние сумерки. Наступают часы пик. Могут возникнуть любые трудности, вплоть до аварии, но мы с вами этого не заметим. Урал получит столько энергии, сколько ему потребуется.

Фото И. Тюфякова.

С. БРУСКИН.

КОМСОМОЛЬСКИЙ АКАДЕМИК

Есть люди, которые до глубокой старости сохраняют свежесть души, юношескую энергию, ясность мысли.

К числу таких счастливых людей бесспорно принадлежал покойный академик Абрам Федорович Иоффе. Он прожил большую, интересную жизнь, и даже последние ее часы были отданы любимому делу — Абрам Федорович скоропостижно скончался 14 октября 1960 года в своем рабочем кабинете, не дожив двух недель до своего 80-летия...

Со временем появится подробная биография этого замечательного ученого, коммуниста, Героя Социалистического Труда.

Всему миру этот ученый известен своими глубокими исследованиями в области электрических и механических свойств кристаллических тел, фотоэлектрического эффекта, электронных полупроводников, агрофизики. А. Ф. Иоффе был основателем обширной школы советских физиков. По его инициативе и при его непосредственном участии возник целый ряд научно-исследовательских институтов и инженерно-физических факультетов. Все это отлично известно.

Абрам Федорович снискал себе славу и как выдающийся общественный деятель. Именно к этой стороне его научной и человеческой биографии относятся факты, о которых рассказано ниже.

Когда комсомол взял шефство над электрификацией страны, А. Ф. Иоффе стал активным помощником ленинградской организации ВЛКСМ по осуществлению этого шефства. Не было ни одной крупной комсомольской конференции или собрания рабочей молодежи, на которых не выступал бы Абрам Федорович. Он всегда с удовольствием бывал на заводах и в колхозах, живо

Академики (справа налево): А. Ф. Иоффе, И. В. Оренков и С. И. Вавилов. Свердловск. 1937 год.

и захватывающе рисовал перспективы электрификации нашей страны и, конечно, никогда не упускал случая рассказать о своих любимых детищах — полупроводниках, солнечных батареях из фотоэлементов и увиолевом стекле.

Рабочая молодежь хорошо знала Абрама Федоровича и любовно называла его «комсомольский академик»...

Вспоминается одно собрание в цехе крупных машин завода «Электросила», на котором выступал А. Ф. Иоффе. То была горячая пора, когда завод набирал силы для большой энергетики, оснащая новостройки-электростанции отечественными генераторами.

Летом 1931 года, вскоре после IX съезда комсомола, А. Ф. Иоффе приехал к молодым электросиловцам. В громадном пролете цеха, прямо на разметочной плите, соорудили импровизированную трибуну. Рабочие заняли все проходы, разместились на станках, верстаках, и некоторые забрались даже на мостовой кран. Абраму Федоровичу очень понравилось, что в цехе много зелени — кадки с пальмами, цветочные горшки стояли у станков, на подоконниках, возле колонн.

Заводской комсомольский секретарь Александр Врублевский прочитал постановление комитета о присвоении Абраму Федоровичу звания почетного комсомольца организации «Электросилы», а потом сказал:

— Слово имеет товарищ Иоффе!

Абрам Федорович поднялся по лесенке на разметочную плиту. В элегантном костюме, высокий, представительный, с красивой крупной серебристой головой и по-юношески живыми глазами, он легко подошел к столу, принял из рук Врублевского комсомольский билет и, зардевшись от смущения, поцеловался с секретарем под всеобщий гул одобрения и аплодисментов. Потом он шагнул к самому краю плиты, отшатнулся и заговорил мягким, по-украински певучим голосом (Абрам Федорович был родом из города Ромны, на Полтавщине).

В начале выступления он вспомнил, какими убогими были до революции цехи нынешнего завода «Электросила», некогда принадлежавшего фирме «Сименс и Шуккерт»:

— Масляные плоски, коптя, светили мастеровым, собиравшим из германских частей слабые двигатели и генераторы. Не было тогда в мастерских ни цветов, ни даже достаточного количества воздуха, чтобы свободно дышать. Мощностность в полтора-два киловатта в одной машине считалась громадной. И вот теперь, — Иоффе широко распахнул руки, — вы трудитесь в мастерской, похожей на зимний сад. Такими скоро будут все мастерские на наших заводах и фабриках. Но самое отрадное для меня — ваша молодость: ведь добрые три четверти из числа находящихся здесь — молодые люди. Стало быть, дело электрификации страны в надежных руках юности! А теперь, не в обиду будь вам сказано, не понравилось мне обилие слюдяной крошки на полу возле изолировщиков. Слюда — материал дорогой. Вот я был как-то на одном германском заводе электрических машин. Знаете, что я там увидел? Не поверите! — дамские летние платья, усыпанные слюдяными блестками, непригодными для изоляционных работ, но вполне пригодными для украшения дамских платьев. Хозяин завода нашел применение отходам слюды. А мы обязаны быть куда рачительнее капиталиста!..

А. Ф. Иоффе. Снято 7 января 1933 года.

Само собой разумеется, Абрам Федорович не преминул поговорить и о своих любимых полупроводниках, фотоэлементах и увиолевом стекле, или «стекле жизни». Этим стеклом, способным пропускать живительные ультрафиолетовые лучи, он предлагал широко пользоваться при сооружении новых жилых зданий, особенно в северных районах страны, где солнца маловато.

Абрам Федорович повсюду горячо ратовал за свои идеи, у которых, к сожалению, нашлись не только противники, но и злые недоброжелатели. Но Абрам Федорович твердо стоял на своем, и жизнь показала, что он был прав: полупроводники совершили подлинную революцию в радиотехнике и приборостроении; солнечные батареи летают на наших космических кораблях; «стекло жизни» и его потомок — полиэтиленовая пленка — проникли в агротехнику, медицину, жилое строительство.

Когда «комсомольский академик» закончил речь, рабочие засыпали его вопросами. Спрашивали обо всем, даже о международном положении. А потом к плите подошел старик-изоляторщик и обратился к ученому:

— Товарищ Иоффе! Я еще при Сименсах тут собирал статоры машин, про которые вы говорили. Я помню, как вы приходили на испытательную станцию. Помоложе вы тогда были, не такой седой, как сейчас. Но то было да сплыло. А вот о чем я хочу теперь вас спросить: почему это наша Академия наук не разводит в Советском Союзе тунговую пальму? Почему?

Абрам Федорович несколько опешил.

— Простите меня, пожалуйста,— сказал он

старику-рабочему.— Но, право, я не совсем в курсе дела, так как весьма далек от ботаники... У вас в цехе много зелени, даже пальмы имеются. По-видимому, тунговая пальма интересует вас именно с этой, декоративной точки зрения?

Рабочий отрицательно покачал головой:

— Украшения тут ни при чем. На тунговой пальме, товарищ академик, растут орехи, а в них — масло. Из этого масла делают лак для изоляции обмоток машин. А пачок мы покупаем за границей, на золото. Теперь ясно, для чего нам тунговая пальма надобна? Прошу доложить в Академии, кому нужно, что рабочие хотят иметь свое, советское масло для изоляционного лака. Надо, чтобы тунг рос и у нас!

Абрам Федорович вынул записную книжку и карандаш:

— Можете не сомневаться, ваше предложение будет сегодня же доложено президенту Академии наук.

Он уезжал с завода возбужденный, в необычайно приподнятом настроении, словно испил волшебной влаги из живительного источника.

Г. МИШКЕВИЧ

КОМСОМОЛ СВОЕМУ СЪЕЗДУ

ДРУЖНАЯ ШЕСТЕРКА

Их шесть девушек-комсомолок. Три года назад они пришли в целинный совхоз имени А. М. Горького, Челябинской области. Пришли по велению совести. Стали доярками. Им было нелегко, порой даже очень трудно. Они победили.

В прошлом году, в дни подготовки к XII съезду Коммунистической партии, девушки приняли обязательство надонить от каждой коровы по 2 500 килограммов молока. Маша Рускина взяла отстающую группу — 16 коров.

И вот итоги: от каждой коровы в гурте получено по 2 720 килограммов молока. А Маша Рускина и Маша Баренкова надоили почти по три тысячи. За год гурт дал стране триста тридцать тысяч килограммов молока. Замечательный результат!

Дружно работают подруги-комсомолки. Они крепко помнят слова Никиты Сергеевича Хрущева, обращенные к молодежи: «...Вы боретесь за свое светлое будущее. Так берите нагрузку в полную силу с тем, чтобы помочь колхозам и совхозам наращивать производство зерна и особенно продуктов животноводства. Готовясь к XIV съезду Ленинского комсомола, девушки взяли новые повышенные обязательства. И мы уверены, обязательства будут выполнены.

Комсомольский коллектив славится не только своими трудовыми успехами. Все девушки учатся в вечерней школе и принимают активное участие в самодеятельном хоре.

В прошлом году хор успешно выступал на районном смотре.

А. БОГАЧЕВ

ЦИФРЫ

Сейчас на Троицкой, Приднепровской и Черепетской ГРЭС ведется подготовка к монтажу блоков в триста тысяч киловатт на сверхкритических давлениях и температурах пара.

Река Енисей ежегодно сбрасывает в Карское море 550 кубических километров воды. Средний расход реки Оби в одну секунду равен 17 400 кубометрам.

Иртыш! Ангара! Притоки больших рек! Здесь за 20 лет — к 1980 году — предполагается построить Саянскую, Енисейскую, Усть-Ильминскую, Осиновскую, Богучанскую и ряд других гидроэлектростанций; мощность каждой превысит 4 миллиона киловатт.

Из глубин Сибири часть электроэнергии будет передаваться в энергосеть Урала. Она даст всем промышленным районам обширного края в достаточном количестве и энергию, и свет.

ДЛЯ ТРОПИКОВ

Свердловский завод «Уралэлектроаппарат» уже давно выпускает малообъемные масляные выключатели для заводских подстанций. Но сборка их была мало механизирована. Все операции, в том числе и окраска деталей, проводились почти вручную.

Теперь на заводе установлен конвейер. Труд людей выполняют машины. С новой поточной линии выходят выключатели, изготовленные для Индии. Они отлично выдерживают тяжелые условия работы в тропиках.

ФОТОРЕЛЕ НЕ БОИТСЯ ПЫЛИ

Кто бывал в московском метро, наверное, запомнил станции без контролеров и, если пытался проскочить зайцем, то был задержан невидимым сторожем — фотореле. Как только прерывается световой луч, фотореле дает команду: включает предупредительный звонок, зажигает лампочку, включает электромотор

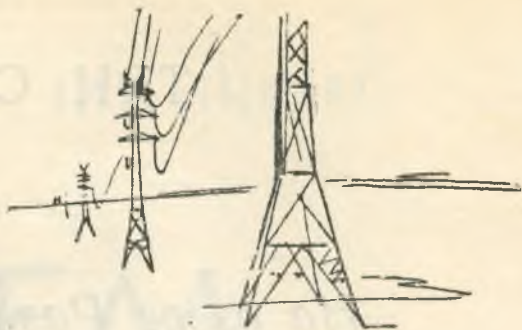
В 1961 году общая мощность установленных агрегатов на Кременчугской ГЭС и величайшей в мире Волжской гидроэлектростанции имени XXII съезда КПСС превысила три миллиона киловатт. На Братской и Воткинской ГЭС пущены головные турбины. Увеличилась протяженность высоковольтных линий электропередачи и распределительных сетей.

На Змиевской, Старобешевской, Южно-Уральской и других электростанциях установлены турбины и генераторы мощностью двести тысяч киловатт. Благодаря этим энергетическим гигантам электростанции выдали для нужд народного хозяйства более миллиарда киловатт-часов дешевой электроэнергии.

Еще больше увеличится энергетическая мощь нашей Родины в 1962 году.

Особенно примечательным будет пуск второго двухсоттысячного блока на Южно-Уральской электростанции. Она станет одной из крупнейших в мире.

И ФАКТЫ

Фотореле широко применяется в промышленности, но только в чистом, не запыленном помещении. А как быть, когда нужно, например, контролировать уровень руды в бункере, если в воздухе облака пыли и не отличишь, где поверхность руды, а где просто пыль.

Недавно на свердловском предприятии «Уралмонтажавтоматика» стали выпускать фотореле, предназначенное специально для работы при запыленности воздуха до 500 мг/м³. Это позволит контролировать уровень руды в дробилках (благодаря чему будет облегчена автоматизация их загрузки) и уровень шихты в вагранке.

«С ДОСТАВКОЙ НА ДОМ»

Трудно вести состав в плохую погоду — нечетливо видны огни светофоров. Здесь машинисту помогает автоматическая сигнализация, установленная в кабине водителя. Показания напольных сигналов переносятся прямо в кабину и обеспечивают четкое восприятие их в любую погоду.

Но мало знать, какой сигнал горит впереди. Очень важно установить, соответствует ли скорость движения состава скорости, разрешенной светофором. Здесь машинисту помогает новый специальный скоростемер. Он регистрирует скорость с точностью до двух километров и моментально предупреждает водителя о нарушении. Кроме того, скоростемер фиксирует на бумажной ленте суточное время в часах и минутах, количество километров, пройденное составом за рейс, за сутки. Нужные сведения машинист получает в кабине, «с доставкой на дом».

ПО ЗАКОНУ КИПЯЩЕГО ЧАЙНИКА

Бывает так: зачитался интересной книгой и забыл про чайник, который давным-давно стоит на плитке «Наверно, от него ничего не осталось: сгорел?» Но нет, чайник стоит и пускает пар, только воды на дне осталось совсем мало. Дело в том, что на превращение одного грамма воды в пар требуется значительно большее количество тепла, чем на его нагрев до температуры кипения. Этим законом воспользовались инженеры,

когда решили улучшить охлаждение некоторых частей металлургических печей.

Раньше они охлаждались водой из водопровода. Большое количество воды, нагретой до 40 градусов, сбрасывалось в канализацию; терялось двадцать процентов тепла сжигаемого топлива, большое количество электроэнергии.

Теперь охлаждение ведется по закону кипящего чайника. В печь подводится по трубам вода, пар, образующийся при кипении, отводится в специальный паросборник, а оттуда направляется к потребителям, на отопление зданий.

Такая система охлаждения внедрена на Нижне-Тагильском и Серовском металлургических комбинатах и других предприятиях Урала.

УКРОЩЕННАЯ ИСКРА

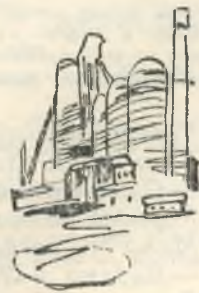
Вы смотрите телевизор, и вдруг по экрану побежали звездочки и раздался сухой треск. «Машина прошла мимо», — скажет опытный телезритель и не ошибется. Действительно, электрическая искра, зажигающая горючую смесь в моторе, вызывает помехи при трансляции передачи. Но без нее не будут работать моторы.

А голубые искры электросварки? Без них не построишь огромные цехи заводов, не проложишь трубы газопровода.

Но искры, которые появляются при движении электропоезда, трамвая, никакой пользы не приносят; мешают радиосвязи, разрушают провода.

В 1961 году переведена на электротягу крупнейшая в мире железнодорожная магистраль Москва — Челябинск — Байкал, протяженностью 5530 километров. Скоро и от Москвы до Свердловска поведут электропоезда. Повысится скорость движения состава, — увеличится искрение.

Поэтому сейчас электровозостроители разрабатывают токоприемники, работающие при скоростях движения состава до 160 км/час. Благодаря им искра будет укрощена.

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ

На озере Разлив

У гранитного причала
 Плещет озеро Разлив,
 Революции начало
 С нашим днем соединив!
 Раздвигая непогоду,
 Разгорается заря.
 И мы видим через годы
 На опушке косаря.
 С плеч его

Щеки — пальто упало,
 ярче кумача.

Только близкие, пожалуй,
 В нем узнают Ильича!
 А другие что-то спросят
 И проходят в тишину.
 А косарь не травы косит,
 А — под корень
 старину!

В Смольном

За окном дворцы мелькают быстро,
 За порталом —
 — Покажите, —
 следующий портал.
 Тот дворец, —
 просят интуристы, —
 где Ленин проживал.
 И водитель жмет вовсю.
 И Смольный
 Справа вырастает наконец.
 Бизнесмены ахают невольно:
 — О, достойный Ленина дворец!..
 Коридор уводит их куда-то
 Мимо ста распахнутых дверей.
 — Видимо, у Ленина палаты
 Были не бедней,
 чем у царей?

Как же тут смолчать экскурсоводу?
 Девушка, немного горячась,
 Встала в тесной комнатке у входа:
 — Вот они,

палаты Ильича!
 В комнатке простой, однооконной —
 Кресло, стол, железная кровать...
 Бизнесмены смотрят удивленно:
 Этого им сразу не поняты!

В 1920 году

был подписан Лениным Декрет
 об Ильменском заповеднике.

Я не знаю,
 правда или нет,
 Говорят,
 прямехонько с вокзала
 К Ильичу ворвался в кабинет
 Бородач с далекого Урала.
 С плеч скользнул увесистый мешок,
 И оттуда
 радугой рассвета
 По столу рассыпался поток
 Необыкновенных самоцветов.

Бородач не мог держать речей —
 Он в пути был ранен и простужен.
 Только прохрипел он:
 — Для камней
 Под Миассом заповедник нужен!

Я не знаю,
 правда или нет,
 Что к Ильменам шел обратно дед
 Через сто метелей и туманов.
 Если так,
 то грел его Декрет
 С очень четкой подписью — «Ульянов».

11

БОРИС БЕЛЕНЬКИЙ

ПИСЕМ

Голубой конверт со штемпелем «Троицк». Это — последнее письмо моего друга. «Работы на участке закончены, и я уезжаю. Куда? Точно пока не знаю...»

Я дочитал письмо до конца, и меня охватило щемящее чувство. Что это? Горесть? Да. Я понял, что не хочу расставаться с людьми, которых узнал по письмам друга.

Он не любил часто писать. После выпуска от него пришло всего одиннадцать писем.

Вот они — одно за другим по порядку.

1

Первое письмо пришло с дороги. Оно было написано торопливым неровным почерком, по-видимому, прямо в вагоне.

«...Итак, я еду на Троицкую ГРЭС! На выпускном вечере наш смешной старенький Ивлев, протирая очки, еще раз пытался наставить меня на путь истинный: «Ваша будущность — в науке...» Коляда, как всегда, все слышал. Он отвел меня в сторону и тихо спросил: «Скажи честно — это от потребности или от расчета?» Еле сдержался, чтобы не стукнуть его в лоснящийся нос. Не хотелось, как говорится, омрачать в общем-то неплохой вечер скандалом...»

2

Спустя две недели пришел первый конверт с обратным адресом — город Троицк.

«Я живу невдалеке от реки Уй. Побашкирски «уй» значит — мудрость, ум. Старожилы говорят, в названии заложено особый смысл. Не берусь судить об этом. Но строить ГРЭС именно здесь — это действительно мудро.

На днях слушал главного инженера стройки. Это приветливая и умнейшая женщина. Зовут ее Вера Ивановна Рыбка. Она рассказала о будущем стройки, о ее значении для Магнитки и Кустаная, Сибая и Белорецка, для целинных совхозов и нового города — Рудного. Три турбины, мощностью по 100 тысяч киловатт, составят первую очередь ГРЭС. С вводом второй очереди станция будет давать полтора миллиона киловатт

и станет крупнейшей тепловой электростанцией в Европе. Здорово, правда?..»

3

«...Когда приедешь, я непременно познакомлю тебя с одним пареньком. Зовут его Саша Зинуров. На ГРЭСе он появился в августе. В те дни дул сухой, неся с казахстанских равнин горячий воздух и едкую пыль. Пыль проникала сквозь закрытые окна, забивалась в глаза и уши, хрустела на зубах.

Сашу назначили к бетонщикам. Народ он крепкий, сильный. Когда бригадир увидел хрупкую Сашину фигуру, то откровенно усомнился: «Неужто к нам?» — «Точно, к вам, пополнение...» — «Н-да,— протянул бригадир.— Ну, что ж, пополнение, бери инструмент, раздевайся. Жарко будет...»

В те дни было действительно жарко. Непослушный вибратор выбивался из рук, а простая лопата, казалось, гяжелела килограммов на десятков. И ночью пыльная духотища допекала. Какой уж тут отдых.

Как-то утром пришли мы на участок. Бригадир посмотрел на впалые щеки Зинурова и говорит:

— Ты, главное, не робей. Освоишься — полегчает...

Жалко мне стало Сашу, я и говорю: «Пойди в другую бригаду, где легче». А он — наотрез: «Нет, только здесь!»

А сейчас, глядя на Сашину работу, даже мастер Каримов одобрительно кивает головой. Замечательный парень, честное слово!..»

4

«...Если бы я был писателем, то непременно взялся бы за книгу. И назвал бы вроде Кожевниковского: «Знакомьтесь, Чернякин!» Думаешь, шучу?

Пришло это на ум вчера, когда возвращался домой с участка.

Наши ребята только что закончили сложнейшую операцию — протаскивание дюкера через реку. Ты знаешь, что такое дюкер? Наш Ивлев, признающий только четкие формулировки, сказал примерно так: дюкер — это часть трубопровода, прокладываемая в соответствии с рельефом местности, например, через реку, по ее дну. А потом, потянув себя за мочку уха, непременно добавил: дело, молодые люди, сложное, с точки зрения гидротехники — недостаточно освоенное.

Вопросов действительно возникало много. Как рыть, например, траншею на пятиметровой глубине? Как сохранить изоляцию труб?

Видимо, не одну бессонную ночь провел инженер Чернякин в обществе этих «как». Он приходил на участок усталый, осунувшийся, порой не успев побриться. Его встречали неизменным: «Ну, как?» И он обязательно приносил какую-нибудь новинку.

Траншею на грунте вырыли с помощью скреперного ковша. Его таскали по трассе два трактора. Один — на левом, другой — на правом берегу реки. Для сохранения изоляции выход тоже нашли: трубы защитили специальной оплубкой.

Чернякин прошел вдоль вытянутой плети труб, внимательно все осмотрел и спокойно заключил:

— Завтра тянем.

Бригадира Василия Уткина я встретил в тот же вечер. Я спросил: «Ну, как?» Он ответил: «Порядок, приходи на участок завтра...» Видимо, он считал вполне естественным, что любой встречный, задавая вопрос «ну, как?», может подразумевать только дюкер.

Утром я был на участке. Ребята волновались, как студенты перед экзаменом по английскому. И только инженер Чернякин был удивительно спокоен и казалось, почти беспечен.

На правом берегу сердито урчали три трактора. От них через реку протянулся к голове дюкера стальной трос. Чернякин поднял флажок. С левого берега доложили: «Готовы!» Тракторы с ревом двинулись вперед, трос натянулся, как струна, и... со звоном лопнув, исчез в воде. Чернякин бросился в реку. За ним — ребята из бригады Уткина. Конец нашли, вытянули на берег, закрепили. Тракторы дают ход — и снова та же история.

Бригадир огорченно вздохнул и вытер рукавом пот с лица.

— Перекур... Пойду к Чернякину. Думать надо...

Они присели на камень возле берега. Чернякин набросал чертеж на песке и, показывая на траншею, разъясняет замысел:

— Одну перемычку поставим у берега, другую — возле головы дюкера. Перегони на левый берег бульдозер и тракторный кран...

Уткин довольно кивает головой.

Выход был найден. Траншеи, вырытые на берегу, перекрываются перемычками и заполняются водой.

— Самое главное, — заключает Чернякин, — подтянуть дюкер к реке, дальше он пойдет легче...

К вечеру все было готово. В траншею накачали тысячу двести кубометров воды. Снова заведен стальной трос, тракторы дают ход. Дюкер медленно, как бы нехотя, ползет по траншее. Голова уже в воде. Чернякин командует: «Сто! Проверим, правильно ли идет». Парень в лямпочке тельняшке, не раздеваясь, спустился в воду. Нырнул. Довольный, вышел на берег, машет рукой: порядок! Снова команда: «Вперед!» Тракторы, натужно рыча, взбираются по косогору. Теперь дюкер идет без остановки, наконец голова его показалась на правом берегу. Кто-то крикнул: «Вот он, родименький!»

Только теперь все заметили, что уже вечер. В тот день не было никаких пересменок. Все собрались на правом берегу и с восхищением глядели на грязный, покрытый илом дюкер. Парень в лямпочке тельняшке сказал, что симпатичней этой трубы в жизни ему не приходилось встречать. Все засмеялись и обрадованно поддержали: «Это точно!» А рыженький парнишка из бригады Василия Уткина присел на корточки, погладил шершавую трубу и сказал голосом доктора:

— Ну, вот, теперь тебе хорошо будет. — И, весело рассмеявшись своей шутке, добавил: — И нам тоже...»

5 «...Был в Челябинске на совещании. Обсуждалось множество проблем — больших и малых, надуманных и действительно нужных. Вечерами ходил в филармонию и оперу, либо просто бродил по оживленным улицам. Неожиданно вспомнил, что у меня записан телефон Сивцова. Разыскал автомат, позвонил. Вечером встретились. Он здорово изменился с институтских времен. Стал нетороплив, благообразен. На все имел категорическое суждение, обязательно начиная фразу: «Лично я...»

Лично он считает, например, что я «совершил величайшую глупость, отказавшись от редкой возможности остаться сразу в институте».

— Тебя увлек наивный пафос, газетная романтика первооткрывателя. Но, милый мой, уже все открыто, а умники, подобные тебе, трезвеют быстро, но, не желая признаться, громко кричат о трудностях, в борьбе с которыми — высшее счастье жизни...

Я ответил, что подобные мысли, если это можно назвать мыслями, слышал уже от Колды.

Сивцов, не смутившись, сказал:

— Коляда — циник, но кое в чем он прав. Делать все от ума — это тоже глупость. Ты любишь оперу и другие блага, которые дает большой город. Чего же тебя понесло в Троицк?

Я хорошо помню Сивцова в институтские годы. Многие завидовали ему, восхищались, когда он выступал на комсомольских диспутах. О нем писали в многотиражке, приводили в пример первокурсникам. Что же случилось теперь? Почему личное «я» стало для него главным мерилom в жизни? Как могла произойти такая метаморфоза? А может, ничего в нем и не менялось? Может, он всегда и был таким, каким я встретил его в Челябинске?

Мне стало противно. Я поднялся и ушел...

«...Сашу Зинурова назначили бригадиром.

Вызвал его начальник участка и говорит:

— Как смотришь насчет бригады, Зинуров?

— Хорошая бригада.

— Да я не о том. Знаю, что хорошая. Как, говорю, смотришь на то, чтобы принять бригаду? Для Саши этот вопрос был неожиданным. Бригада, да еще комплексная!

— Не знаю, Сергей Степаныч, справлюсь ли?.. Не думал я об этом вовсе...

— А это ничего. Я подумал, Зинуров. Подумал и решил, что время принимать тебе бригаду. Если полагаешься на мой житейский опыт, соглашайся.

Вечером был в общежитии. Парни и девочки собрались в одной из комнат и галдели, как казаки на Запорожской Сечи. Что, говорю, назначение Зинурова обсуждаете?

— Да какое там! — махнул рукой Борис Шуртов. — Новый объект дали. На теплотрассу перебрасывают.

Новый бригадир убеждал:

— Для стройки, понимаете сами, теплотрасса — это жизнь. Но объект не простой, трудный объект... Начальник участка прямо сказал. Но уверен, что справимся...

Ребята помолчали. Потом из дальнего угла послышался голос:

— Почему обязательно мы?.. Может, другим ее взять. Бригаде Останина, например...

— Ну, нет! — вспыхнул Раис Низамутдинов. — Ты, Юра, за всех не решаешь! Саша дело говорит. Поручили нам — значит, братья надо. Не делаем, что ли?

Все шумно, разногласно поддержали Раиса.

Тут опять невольно вспомнился Сивцов со своей философией. Интересно, как бы он выглядел в открытом, честном споре с этими простыми ребятами в ватниках и видавших виды комбинезонах!

«...Неделю назад приехал в Бобровку. Теперь мне здесь работать и жить. Бобровка — небольшое село, от ГРЭС километров двадцать. Место работы увидел впервые из окна комитета комсомола. Наташа Кайханова, комсорг гидроузла, показывая в сторону излучины реки, сказала:

— Там и будет плотина.

Началась горячая пора на котловане. Трудности возникли с первым ковшом грунта. Но ничего. Нам, как говорится, не привыкать.

Толковая девушка, эта Наташа Кайханова! Представь себе: невдалеке от котлована, на левом берегу реки, стоит деревянный ветхий домишко. Раньше здесь была «прорабка». А теперь сюда вселился наш комсомольский штаб. Родился он совсем недавно.

Как-то Наташа Кайханова собрала нас после работы. Собственно говоря, это было не собрание. Мы не избирали президиум, не было ни протоколов, ни речей.

— Предложение такое, — сказала Наташа, — создать комсомольский штаб стройки.

Юлий Хайкин пришел в восторг и процитировал что-то восточное о пользе мудрых мыслей. Вера Жигалова тоже поддержала, но с категорическим условием: если штаб, так только не в поселке, а именно здесь, на плотине. Словом, все дружно согласилось с Наташей.

Так сразу, словно крикливый младенец, родился в «прораб-е» наш штаб. И этот младенец, я тебе скажу, здорово кое-кому спать не дает. Вчера влетает одна из наших девчат.

— Смотрите, ребята, сюда! — не закрывая двери, показала она на противоположный берег.

— Смотрим. Ну, и что?

— Видите?

— Ничего особенного...

— А кран — это «ничего особенного»?

Кто-то пошутил:

— У тебя острое зрение.

— А я без шуток. Кран-то стоит третьи сутки. А в котловане люди задыхаются без техники! Действительно, безобразие. Немедленно выпустили «молнию». Мастер участка в восторг от нашей «молнии» не пришел, но прочел и что-то записал в своем блокноте. А сегодня кран работает уже в котловане.

В обеденный перерыв мы решили прикинуть, как идут дела на участках. Взяли графики, стали считать. И оказалось, что мой объект идет с опережением на четыре дня.

Не помню, писал ли я о своем соседе по общежитию. Красивый молодой парень, техник, недавно получил диплом. Так вот, прихожу я с работы в самом благодушном настроении. «Сергей, — говорю, — на четыре дня график обжали! На целых четыре!»

А он, не отрываясь от книги, совершенно равнодушно спрашивает:

— А зачем?

— Как зачем? Ведь это же опережение сроков! Ведь если мы все...

— А я не разделяю твоих восторгов. Раньше кончишь — раньше новый объект получишь.

Я глаза вытаращил.

— Сергей, ты это всерьез или просто играешь роль скептика?

— Серьезно. Ты видел в трамваях табличку «Не высовывайся»? Думаю, этому доброму совету надо следовать не только в городском транспорте...

Тут меня взорвало.

— Ну, вот что, Сергей,— говорю,— если ты настоящий парень, то завтра придешь в комсомольский штаб. Продолжим этот разговор при людях. Готовься...»

8

«...Извини, что не поздравил тебя с Новым годом. Намеревался послать телеграмму тридцать первого после работы, но домой в этот день так и не попал. И Новый год не встречал тоже. К нам он пришел на этот раз без шампанского, без тостов и праздничного веселья.

Все шло хорошо, как вдруг разнеслась тревожная весть: вода прорвала временную перемычку и хлынула вниз! Мы-то, конечно, понимали, что это такое. Временная перемычка была поставлена выше того места, где строится плотина, и удерживала два с половиной миллиона кубометров воды!

Я побежал в штаб, а там, как назло,— ни души! Мы сели в первую попавшуюся полуторку и помчались на перемычку. Здесь уже вовсю кипела работа. Люди, торопя друг друга, таскали камни, сборный бетон — словом, все, что попадалось под руку, и бросали в бурлящую черную воду; ревели тракторы и бульдозеры. Это был, скажу тебе, настоящий штурм. Катастрофа была предотвращена.

Среди этой сумятицы невольно бросался в глаза один человек — главный инженер Виктор Федорович. Он везде появлялся в нужную минуту и казался совершенно спокойным. Такому позавидуешь!

На ночь были оставлены дежурные отряды. Они продолжали укреплять перемычку. Остался и я со своими ребятами. Так вот, о Новом годе. Когда мы устроили перекур, оказалось, что нет

огня — отсырели спички. Тут кто-то прыгнул с бульдозера. Это был Таранжадзе. Он щелкнул зажигалкой. Мы прикурили и посмотрели на часы. Ровно двенадцать!

Раздались голоса:

— С Новым годом, Вахтанг!

Он темпераментно, по-грузински, пожимая руки, радостно говорит:

— С Новым годом, генацвале!..»

9

«...Очень жаль, что приезд твой откладывается на неопределенный срок. В комнате пустует кровать, и я берег ее для тебя. Уехал Сергей. Он даже не попрощался. Говорят, подался в Куйбышев — ведь станция там уже готова. Пусть, такого не жалко!» В комсомольский штаб он так и не явился. Ребята возмущены. Следом в Куйбышев пошло коллективное письмо.

Портят настроение дожди. Машины идут, оставляя за собой мутные буруны. Недавно видел Сашу Зинурова и других ребят. Теперь они работают на новом объекте — вместе с монтажниками делают перекрытия главного корпуса. Работа для ребят необычная, новая. Монтажники укладывают массивные плиты, а они покрывают их.

Сначала — слой пергамина¹, потом — пенобетон и рубероид². И при всем этом — чтобы абсолютно не было влаги.

Мне рассказали такую историю.

С утра шел проливной дождь. Ребята вернулись с работы злые и мокрые. Кто-то предложил с горя... развлечься. Все разошлись: парни — бриться, девушки — наглаживать платье.

Зинуров был на активе в горкоме комсомола. Уже смеркалось, когда он сел на рейсовый автобус и, выйдя в поселке, не поверил своим глазам: небо было безоблачным, чистым, как родниковая вода. Саша кинулся к общежитию. По дороге встретил Кабанову Валю. «Где,— спрашивает,— ребята?» — «Гуляют... Кто — на танцах, кто — в кино...» — «А погода-то, Валя! Ведь больше недели ждали такой...»

Бедная Валя! У нее наверняка рушились какие-то важные планы. Она посмотрела на небо и тяжело вздохнула.

— Ну, что ж, пошли... Может, еще кто подойдет...

Когда были уже у главного корпуса, заметили на дороге, ведущей от городка, две фигуры. Саша говорит:

— Вроде бы наши... Марченко, Мухамедшин...

Валя рассмеялась и показала в противоположную сторону:

— Гляди, гляди лучше сюда, бригадир...

На стройке их ожидала вся бригада...»

¹ Перга́мин — прозрачная бумага.

² Рубероид — материал из картона, пропитанный специальным составом.

«...Как у тебя со временем? У меня, откровенно говоря, просто беда. С трудом выкраиваю часик-другой на музыку. А в библиотеке вчера краснел, сдавая Эренбурга, которого продержал больше месяца. Кажется, не успел оглянуться, как уже подошла вторая весна. Неделю назад из казахских степей дохнуло теплым ветром. Снег побурел, а на косогорах проступила лежалая трава.

На плотине весну ждут по-особенному. Рады вообще, но и насторожены. Как сказал наш главный инженер, мы должны принять паводок на себя, иными словами, не упустить «большую воду». На первый взгляд, много ли силы в неторопливой степной речушке? Оказывается, да. Свой характер она проявляет весной. Талые воды степей и активность «сестры» — Увельки умножают ее силу в тысячу раз. В паводок она сбрасывает более трех тысяч кубометров в секунду. Если эта цифра тебе ничего не говорит, то сравни: Волга у Казани сбрасывает примерно пять тысяч. Но ведь это же Волга!

У нас на плотине готовятся к встрече с рекой, как к экзамену на зрелость.

Недавно произошел такой случай.

Плотина готова. С «бычков» уже снята опалубка. Казалось, все идет как надо. И вдруг — осечка. Начали опробование затворов, а они не идут. Причина — в штрабах¹ наплывы бетона. Они мешают движению затворов.

В полдень в нашем штабе шум стоял невообразимый.

— Как же могли снимать леса, не опробовав затворов?

— А время? Время тебе весна отпускает?

— Бетонщики виноваты!

— А ты забыл мороз в тридцать градусов с ветром!

Словом, надо принимать срочные меры. Но как? Ведь штрабы на тридцатиметровой высоте, а опалубка и леса уже сняты. Возводить леса снова? Но ведь вот-вот может пойти река.

— Будем крепиться ремнями за арматурные выступы, — предложил Иван Волобуев, — и рубить отбойными молотками. Ты подстраховывай меня, Никола, — кивнул он Николаю Мохову и осторожно стал подниматься по «бычку».

За ними, подхватив отбойный молоток, шагнул к «бычку» Иван Соколов. Вот он осторожно ухватился за выступ, нащупал ногой опору. Левая нога соскользнула. Иван подтянулся на руках. Снова нащупал выступ. Отдышался, полез снова...

Через час на всех «бычках» кипела работа.

Есть у нас один рабочий. Зовут его Василий Дмитриев. Человек со сложной биографией, много повидавший в жизни. Он неразговорчив и совершенно не знает страха. Когда его пытались убедить, чтобы взял напарника для страховки, он пожал плечами.

— К чему? Одному способней. Я, как говорится, один в поле воин.

В тот же день сорвался с «бычка» Иван Заблочный. На помощь в ледяную воду бросились трое.

Позже мы стояли с Василием на берегу.

— Ну, что, Василий, один-то в поле воин?

Он нахмурился и ответил:

— Жизнь, она до старости учит...

В эти дни комсомольский штаб действовал

круглые сутки. Девчата осунулись, парни заросли. Склонившись над предпаводковым графиком, мы еще раз проверяли, все ли успеваем сделать. Видим — последний водослив отстает, может не уложиться в график.

— Надо помочь ребятам, — говорит мне Наташа.

— А чем? Свободные люди где?

Она посмотрела на часы.

— Твои еще не разошлись? Иди объясни обстановку. А я побегу к девчатам.

Ребятам, конечно, долго объяснять не пришлось. Все поднялись и пошли к водосливу...

«...Работы на моем участке закончены, и я уезжаю. Куда? Точно пока не знаю.

Из института получил письмо. Предлагают выслать документы. Это — аспирантура. Но есть у меня еще одно письмо. Оно пришло с Енисея.

Итак, два письма. Две дороги. Какую из них выбирать?

Сегодня я последний день на стройке. С утра поехал на ГРЭС — посмотреть на наше детище, попрощаться с друзьями. Как изменился поселок с тех пор, когда я увидел его впервые!

Сейчас он раскинулся широко и просторно. Стройные улицы оделись асфальтом, наполнились ребячьими голосами. У реки — здание ГРЭС. От нее, перемахнув на противоположный берег, размашисто зашагали в степь ажурные опоры высоковольтной линии. Ток идет... Сегодня это второй миллиард киловатт-часов энергии, которую так ждали здесь, в Казахстане и на Южном Урале.

Зашел в управление и позвонил Зинурову на участок. Ответили: будет во вторую смену. У выхода встретил его ребят. Где, спрашиваю, бригадир?

— А вот, — мрачно ответил один из них, кивнув в сторону Михаила Архипова.

Я удивился:

— Неужели в другую бригаду ушли?

— Мы-то — нет. Дружок ваш, славы ищет...

В комитете комсомола какой-то парень срочно писал заметку в многотиражку.

— Насчет поступка Зинурова, — пояснил он. И, поняв, что я ничего не знаю, восторженно рассказал:

— Понимаете, бригада бетонщиков оказалась в прорыве. Так вот, он и решил перейти в их бригаду. Как Гаганова, понимаете? Да своим еще помогает...

Я вспомнил возмущенных ребят из его бригады. «Ищет славы...» Ну, ничего. Это пройдет. Поймут ребята, что не слава нужна человеку, у которого такое большое, горячее сердце.

Мы встретились в полдень. Скоро начиналась смена, и друзьям надо было спешить. Они проводили меня до автобуса.

— Приедем к поезду... Каким уезжаешь?

Я снова не знал, что ответить.

— Давайте часам к восьми...

Как видишь, я до сих пор не решил. Вечером выезжаю в Челябинск. Все равно из Троицка прямого поезда на Восток нет. Сяду в вагон и решу, какую дорогу выбрать...

Я не знаю, какую дорогу выбрал мой друг, но твердо уверен: она обязательно будет правильной!

¹ Ш т р а б а́ — паз.

ПЕРВОЕ ПОРУЧЕНИЕ

Из рассказов
старого коммуниста
НИКИТИНА В. С.

Озеро Разлив с трех сторон было застроено рабочими домиками. На четвертой — кудреватые березки, кусты ивняка, мелкие болотца, покрытые мхом и осокой вперемежку с сухими сенокосными лугами, выдвинули на передний край Зеленую горку.

Здесь в годы реакции, в бурные забастовки, в майские дни тысячи рабочих стекались на зеленый покров. Здесь слушали они речи подпольщиков-большевиков, сколачивали единство рабочего класса Петрограда, здесь готовили себя к предстоящим боям.

В одном из рабочих домиков Разлива уютилась семья сестрорецкого старожила Сергея Лукича Никулина.

Сергей Лукич работал на Сестрорецком заводе пятый десяток. Посеребренная борода «козликом» и большие густые брови придавали его лицу строгость и суровость, но карие глаза излучали тепло и рассеивали внешнюю строгость лица.

Царская полиция пристально следила за сестрорецкими обывателями. — так значились по паспортам сестрорецкие рабочие. Но семья Лукича считалась надежной.

В голове местного урядника не укладывались две противоположности. Урядник рассуждал так:

— Лукич записан членом РСДРП. Плохо... крамольник, значит. Дочь Лида — студентка-лесгафтичка, два сына. Виктор и Борис, — учащиеся, оба носят золотые пуговицы, значит, «исправные господа»... Прописка дачников у них всегда аккуратная, и начальство, то бишь я, урядник, при прописке не обижаюсь: то «синенькая», а то и «красненькая» всегда перепают... Значит, господин мастеровой — не вредный человек...

Однажды, спустя несколько дней после бурной заводской маевки, восемнадцатилетний сын Лу-

кича Витя со своими друзьями Леней и Колей поздно вечером сидели на завалинке дома; наверху, в мансардной комнате, облокотившись на подоконник, сидела старшая сестра Виктора Лида. Как только к палисаднику подошли двое, она поспешно спустилась вниз.

Витя обернулся. Один из незнакомцев был в форме студента университета, другой в

штатском костюме, в светлой рубаше-косоворотке и до блеска начищенных высоких сапогах...

Лида, проходя мимо брата, положила ему на плечо руку и тихо сказала:

— Присмотри... Ребятам спать пора.

Виктор встал, потянулся для вида и, как бы подтверждая справедливость сестры, проговорил:

— Пожалуй что и пора.

Он проводил друзей на улицу и, возвращаясь, сильно хлопнул калиткой. На улице была тишина. С озера потянуло прохладой.

Виктор видел, как Лида проводила своих гостей в крохотную пристройку.

В это время неподалеку послышалось ржание лошади. Виктор вышел на улицу. По Третьей Тарховской, сбившись в кучу, спешили конные стражники.

«Надо предупредить»,— решил Виктор и быстро направился в сад к пристройке.

— Стражники около Сергеевых,— взволнованно сообщил он сестре.

Вышел один из гостей и спросил:

— Где?

— За углом, на Третьей!

— Шарят, гады,— проворчал незнакомец и, обращаясь к товарищу, добавил:— Слышишь, Семен? Селедочки шарят. Придется уходить. Витя, готовь быстро лодку. Рыбачить поедем.

Виктор собрал весла, удочки, шесты и пере-

бросил их через забор к озеру, где на приколе стояла маленькая финская лодка.

Отчалили. Мускулистые руки Семена крепко сжимали весла, и лодка легко скользила по озеру.

— Как дела у Лукича?— прервал молчание Семен.

— Лида говорит, что у старика полный порядок,— ответил второй.

— Я думаю, тебе надо сойти на угольном полуострове и сегодня обеспечить подготовку новой квартиры «явок». Иначе мы создадим большие затруднения в работе питерцев,— сказал Семен, вопросительно посмотрев на товарища, и, не получив ответа, продолжил:— Любопытно, кто разболтал о явочной квартире Сизова? Как ты смотришь на это, Саша?

Смуглое лицо Саши выражало тревогу, складки у глаз подергивались.

Поглядев на Виктора, он спокойно сказал:

— А мы с ним поедем к Зеленой горке. Оттуда я доберусь до Графской и уеду в Питер. Познакомься, Виктор,— улыбаясь, добавил он.— Это товарищ Семен Восков — «Скворец».

Виктор удивленно смотрел на «Скворца». Много раз он видел его, слышал речи на маевках, но в форме студента не узнал.

— Я ведь вас не узнал сегодня, товарищ Семен,— проговорил Витя.

— Вот и хорошо. Значит, мы разумно сделали, что поменялись пиджаками и папками с одним другом, когда уходили от селедочников,— смеясь, проговорил Семен, а затем спросил уже серьезно:

— В Кронштадте у тебя никого знакомых нет? В Кронштадте очень крепкое военное ядро, но связь с ним через моряков опасна. Полиция внимательно следит за ними, а шпики, как грибы в урожайный год, гнездятся всюду. Тебя пошлем на связь с одной такой группой. Смотри, не подкачай.

Снизив голос почти до шепота, Семен продолжил:

— Запомни, Батарейная 3, Варвара Васильевна. Учительница. Когда ее найдешь, обратись к ней: «Лида Сергеевна приветствует, за платьем прислала». Понял? Она должна ответить: «Благодарю, а я заждаюсь». Когда получишь такой ответ, можешь передавать поручение. Понял? Повтори.

Витя повторил.

— Хорошо. Только записывать ничего нельзя,— добавил Семен.— Когда тебе будет ясно, что ты на правильном пути, передашь ей, что квартира Сизова закрылась, будет дру-

гая. От нее возьмешь все, что она передаст, и вручишь Саше. Выполнить поручение надо завтра. Ну, как, пойдет дело?

— Пойдет!— коротко ответил Виктор.

Лодка быстро приближалась к берегу.

Виктор решил взять с собой самое необходимое; обязательно надеть форменную шинель, пуговицы на ней почистить, прихватить ученический билет и дневник, как доказательство предстоящего окончания реального училища, значок на фуражке с выломленной буквой «А» заменить новым, чтобы все было по полной форме. Написать заявление с просьбой зачислить на учение в Кронштадтское Военно-Морское училище...

Часы глухо выбили пять ударов. Виктор вскочил с кровати и, выпив стакан крепкого чаю, написал прошение в Военно-Морское училище, привел в порядок шинель и фуражку, сложил все необходимое в портфель и, предусмотрительно сунув туда же большой кусок хлеба, пошел на станцию.

На пристани пассажиров было очень мало. Пароход стоял у причала.

Подойдя к кассе, Виктор протянул деньги, ученический билет и тоненьким голоском протянул:

— Будьте любезны, один билет до Кронштадта и обратно.

Виктор, расположившись на носовой скамей-

ке парохода, стал нетерпеливо ждать отправки. И вот мерно заработала машина: пароход уверенно набирал скорость.

Кронштадтский собор, высокие каменные берега древней русской крепости двигались навстречу.

Через десять минут пароходик пришвартовался к высокому деревянному пирсу.

— Прошу предъявлять билеты и документы!— встретил приезжих зычный голос бородастого матроса, рядом с которым стоял молодой лейтенант.

Витя подал проездной и ученический билеты. Бородач разорвал проездной билетик, а ученический передал офицеру.

— Куда едете?— любезно спросил тот.

— В Морское училище.

— А пропуск?

— Мне не надо пропуска. Я сегодня обратно уезжаю.

— Подождите!— отрывисто проговорил офицер и сунул ученический билет в карман.

Вместе с Виктором задержали еще троих: девушку и двух рослых мужчин. Офицер провел задержанных в пристанскую каюту.

Глядя на Витю, он любезно проговорил:

— Молодой человек, как же вы без пропуска пустились в такую прогулку?— и, не ожидая разъяснения, добавил:— придется посидеть здесь, у меня в гостях, и этим же пароходом вернуться обратно.

Витя вытянулся в струнку, по-военному приложил руку к козырьку фуражки, щелкнул каблуками и звонко отрапортовал:

— Ваше благородие, разрешите доложить обстоятельства путешествия.

Офицер выпрямился. Виктор почувствовал, что нащупал уязвимое место.

— Прошу вас, молодой человек, доложите, только кратко.

Виктор, полной ступней чеканя шаг, подошел к столу, вынул из портфеля прошение в Военно-Морское училище, подал его и опять вытянулся в струнку:

— Хочу следовать примеру лучших людей отечества и стать морским офицером!..

Лицо лейтенанта покрылось краской удовольствия. Гордо вскинув голову, он осмотрел Виктора с головы до ног и жеманно проговорил:

— Благодарю за комплимент. Из вас, молодой человек, тоже получится неплохой офицер Российского флота.— Он взял листок из настольного блокнота и написал: «Пропустить в город, выдать на сегодня обратный билет».

Получив разрешение, Виктор круто повернулся и, чеканя шаг, вышел из помещения.

Путь был не длинный. Выйдя на Батарейную улицу, Виктор увидел заветную цифру «3».

Не задумываясь, он открыл калитку и вошел в сад. Там, у цветочных грядок, сидела пожилая женщина.

— Могу я видеть Варвару Васильевну?— обратился к ней Виктор.

— Я вас слушаю!— ответила женщина, с любопытством рассматривая незнакомца.

— Здравствуйте, Варвара Васильевна. Я к вам из Сестрорецка приехал.

Женщина пригласила гостя на веранду. На уютно обставленной маленькой веранде Виктор проговорил:

— Лидя Сергеевна приветствует, за платьем прислала.

— Благодарю, а я заждалась. Как там дела?

Усадив Виктора в садовое кресло, Варвара Васильевна скрылась в доме и возвратилась с большим письмом-пакетом.

— Как вас зовут, молодой человек?

— Виктор Никулин.

— Вы не брат Лиды?

— Да!

— Я вас попрошу, Витя, передать товарищу Семену этот пакет. Это очень важные сведения, и с ними надо быть весьма осторожным.

Виктор взял пакет и, держа его в руке, молча размышлял, что делать.

— Было бы лучше разделить это письмо на два,— подчеркнул слово «письмо», ответил Витя и пояснил:— Мне удобнее будет припрятать половинки,— и достал из портфеля бинты и вишневый клей.

Вскоре Варвара Васильевна вернулась с двумя небольшими пакетами и, глядя на Виктора, любопытно спросила:

— Куда вы задумали их спрятать?

— Я могу уединиться на пару минут?

В соседней комнате он разделся. Размял во рту сгусток вишневого сока и приклеил одно письмо на внутреннюю сторону бедра правой ноги, а другое — левой ноги. Бинтами плотно обмотал бедра.

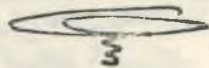
— Спрятал,— отрывисто проговорил Витя, выходя из комнаты.— Попробуйте обнаружить.

— Это старый метод хранения,— решительно проговорила Варвара Васильевна и, сняв с Виктора пиджак, стала искать письмо под подкладкой. Ничего не обнаружив, она ощупала его рубашку на груди и на спине.

— В ботинках?

Виктор молча сел на стул, снял ботинки и показал ноги. Варвара Васильевна ощупала носки, заглянула в ботинки, но, почувствовав неловкость затейной игры, громко засмеялась:

— Хорошо, хорошо, Виктор, победа на вашей стороне! Первое поручение вы выполнили отлично!

ОХОРОНИЛ Яков своего предпоследнего сына. Выложил из тонких сосенок сруб над могилой — легче будет найти ее через долгие годы. Нарубил дров, надрал бересты, чтобы его сын мог «обогреться». И, еле волоча ноги, сгорбившись, побрел к юрте.

Дул теплый ласковый ветер. В родные края прилетели утки и гуси. Вскрылись озера, оттаяли болота, и маленькая речушка уносила последние льдинки.

И всякий раз, когда разливалась река, начинало греть солнышко, в юрту к Якову приходило горе. Восьмого сына отнял у него шайтан. «Кто будет кормить Якова в старости? Один только Алешка жив. Но кто знает, оставит ли его злой шаман?» — рассуждал старик.

...По тому, как собаки завили ушами, то чистораживаясь, то прислушиваясь, Яков почьял, что кто-то идет в его юрту. Верные спутники в тайге, лучшие друзья и преданные помощники — собаки — не обманут ни взглядом, ни лаем.

Вскоре на пригорке, где стояла юрта Якова, показалась упряжка. Обессилевшие олени волокли по земле нарту. Яков с тоской смотрел на них. Олени, собрав последние силы, взобрались на пригорок и свалились. Через несколько минут бока их резко поднялись и опали, глаза остеклели.

Яков еле-еле узнал в жестоком наезднике шамана. Много лет его не видел Яков. Много лет не бывал на Празднике Медведя Яков. Не бывал и в Ильин день, когда пригоняют с гор всех оленей и устраивают пиршество. Он знал, что шаман не любит его. Так зачем же приехал теперь Васька-шаман?

— Где Алешка? — зло спросил он.

Яков знал, что Алешка ушел далеко в ту сторону, куда садится солнце. Ушел на лыжах, когда было много снега. Ушел не один, а с хорошей думой к руме Ленину. Ушел спросить его, почему так плохо живут люди манси? Почему каждую весну злой шайтан вместе со льдом отбирает матерей, братьев, сестер? Отчего дохнут целые стада оленей?

Яков молчал, а шаман, не дождавшись ответа, зло закричал:

— Это ты научил своего Алешку? Он заходил в каждую юрту и говорил про Ленина. Алешка твой не придет! Я послал за ним всех своих шайтанов, они догнали его! Вот, на! — и Васька-шаман бросил в лицо Якову пояс, на котором была табакерка с тамгою Алешки. Понял Яков, что не дошел Алешка до Ленина, что ждать ему больше чекого. Но не заплакал, не стал просить у шамана помощи.

Шаман в ярости пинал издохших оленей. Схватил палку, но бросил ее: собаки Якова зло оскалили зубы, когда Васька-шаман хотел ударить его.

— Я пошлю на тебя проклятие! Ты хочешь зла своему народу! Ты забыл наказ наших отцов? Ты забыл, как Прокопка ходил к царю? Как пришли в наши юрты жадные купцы? Как стали они обманывать манси? Худой дух сидит в тебе! На огне тебя жечь надо! Во всех, кто будет с тобой, во всех поселится злой дух! Алешка твой пустил худой дух по юртам!

ПАЧЕ РУМА

Мансийский сказ М. Анисимковой

Рисунки В. Мишина

Шаман еще долго кричал, говорил обидное, грозил. Потом, плюнув с досады, оставив все, шаман пошел. Куда? Ждали ли его еще где оленя? Или долгие версты пешком пошел? Только Яков его больше не видел.

Что оставалось делать Якову? Долго думал Яков. Не спал целые ночи и решил сам идти к руме Ленину. Закрыл свою юрту, припер дверь палкой. Взял с собою всех собак, чтобы было веселее в пути, и пошел к горам. Там, где-то у гор и по горам ходит, говорят, и стережет

желтый камень девка Полуночица — внучка Хозяйки Медной горы. Прошел Яков все горы.

И опять долго шел Яков. Сносились обувь, порвалась одежда, а Яков все идет и идет.

Вдруг он увидел огни большие, от которых было светло, как от больших костров. А кругом все гремело, как гром. Здесь он увидел много людей. Все с любопытством смотрели на Якова, но стоило ему только сказать одно слово «Ленин», как все уступали ему дорогу, все ласково провожали его взглядами, видя, что идет человек издалека и по делу.

Подошел Яков к большому, как гора, дому, видит, стоит человек с ружьем. Сказал Яков, что ему надо, — пропустили! И вот встретил Яков Ленина, умного, доброго человека, о котором знают все люди и манси тоже. «Паче! Паче, рума емас!»² — говорил Яков. И, похлопывая его по плечу, Ленин говорил ему, улыбаясь: «Паче! Паче!».

Рассказал все Яков Ленину о Ваське-шамане, обо всем, о чем думал. Помочь просил Ленина родному народу.

Долго Ленин слушал Якова, слушал да в книжку себе записывал. А на прощание обещал Якову сделать все, что можно. Поклонился Яков низко Ленину и пошел. Хорошо ни душе у Якова. Ленину видел! Все рассказал. Хотели Якова на железном олене до юрты довести, да пошел снова пешком в родные края.

Долго шел, а пока пришел до знакомых мест, с трудом их узнал: и Хозяйка Медной горы открыла свои богатства, и внучка Полуночица нет-нет да и приоткрывает гору-другую.

Слово Ленина вперед Якова прилетело в юрты манси. Лучшие угодья охотничьи отдали всем и Ваську-шамана прогнали вон из тайги. И не стал уносить весенний лед с собою людей — всех исцелили люди в белых халатах, которых Ленин в мансийские юрты послал. Обидно только Якову, что не дожили сыновья его до радостных дней. Да, радостно, что счастье для всех в юрты пришло. И часто вспоминал старый манси, как Ленин тепло говорил ему: «Паче! Паче, рума!»

¹ Здравствуй, друг (манс).

В начале двадцатых годов, когда происходит действие сказа «Паче, рума» на севере Урала побывал фотокорреспондент Л. М. Сурин. Снимки, сделанные им в то время, представляют сейчас для нас исторический интерес. Таких шаманов можно увидеть теперь только на фотографии.

ОН ПЕРВЫЙ ВЗЛЕТЕЛ В КОСМОС!

Фото А. Мусина

В НЕДАЛЕКОМ БУДУЩЕМ.

Гравюра В. Воловича

ЛЕНИНСКАЯ ОСТАНОВКА

Рассказ

До семи лет Вовке говорили, что он «ни на кого не похож». А на восьмом году неожиданно услышал от мамы:

— Вовик — вылитый дедушка.

Вовку эти слова удивили: почему «дедушка вылитый»?

— Хочу к дедушке, — заявил Вовка.

— Это идея, — сказал папа. — Мы посадим его в поезд, а деду дадим телеграмму. Он встретит: там до станции всего три остановки. У тебя, Вовка, будут чудесные каникулы, через неделю я за тобой приеду.

...Дед встретил внука на вокзале. Они сели в желтый автобус, похожий на огромный огурец-семенник. И помчал их автобус по заснеженной дороге.

Вовка, не отрываясь, смотрел в окно. Лента шоссе ввела автобус в лес. Чистый снег елями был словно изрыт, а следов ни птичьих, ни звериных заметно не было.

— Почему? — спросил Вовка.

— Деревья снег стряхивают — март, весна скоро, — ответил дедушка.

— Еще далеко ехать?

— Последнюю остановку проехали, — важно сказала кондукторша с роликami разноцветных билетов на груди.

В это время автобус сильно трянуло. Что-то жалобно закричало. В двери хлынул морозный воздух, будто мохнатое белое облако ворвалось.

— А почему остановка? — удивился Вовка.

В автобус вбежало трое ребят с сумками за плечами. Щеки покраснелись от ходьбы, а брови, ресницы и волосы, выбившиеся из-под шапок, были белыми.

— Видишь, для ребят: они в школу идут, — пояснила кондукторша. — Почему по дороге не подвезти?

— Сейчас же каникулы, тетя.

— Здесь каникулы переносятся на весну, когда реки вскрываются.

— А я бы шел — остановили бы?

— Конечно. Это у нас здесь называется «Ленинская остановка».

— Как это «ленинская»?

— Так и называется, — вмешался дедушка. —

Владимир Ильич Ленин, когда проезжал здесь в Горки, всегда, хоть спешил по большим государственным делам, как увидит ребятишек-путчиков, сажает их в машину. С тех пор у нас все шоферы так делают...

Через неделю колхозная «Победа» увозила Вовку из деревни. Он удобно расположился рядом с шофером. Отец сидел сзади, то и дело говорил:

— Вовка, не вертись и ничего не трогай.

Как будто можно спокойно усидеть в машине мальчишке, которому идет восьмой год.

«Победа», мягко качнувшись, сделала поворот. Вдали показалась деревня. На дороге стояли ребята. Они подняли руки навстречу машине.

— Пап, нужно их посадить, — попросил Вовка.

— Не выдумывай, мы спешим, — сказал отец.

— Здесь все шоферы останавливаются, где бы ребята ни попросили, с них даже в автобусе денег не берут...

— Я сказал — нет!

— Дядя, стойте! — закричал Вовка, обращаясь к шоферу. — Стойте! Мне дедушка рассказывал... Ленин всегда подвозил ребят. Он больше спешил... Стойте, дядя!

— Коль так, нужно остановиться, — заметил осторожно шофер и нажал на тормоз...

— Спасибо, дяденька! — закричали ребята.

— Садитесь, «Ленинская остановка», — солидно сказал Вовка.

Н. САХНОВСКИЙ

рочитали в первом номере журнала о Всеуральском дне следопыта. Хотим быть его участниками,— написали нам ребята из Тугулымского района. — Но как ответить на главный вопрос: чем ты помог семилетке? Мы хотели бы открыть какое-то месторождение полез-

ных ископаемых, что и где искать в нашем районе?»

Письма с таким же вопросом пришли в редакцию и из других районов области. В связи с этим мы вспомнили, как в начале этого года Уральский геологический музей принимал гостей — школьников Свердловской области. Сюда собрались 55 человек — лучшие участники второго геологического похода. Они подвели итоги работы, получили задание на предстоящее лето.

Председатель Свердловской областной комиссии по проведению геологического похода В. Я. Устинов рассказал, какую большую помощь оказали геологам ребята за эти два года. Они отыскивали старые заброшенные рудники, которые были известны по архивным данным, нашли много строительного материала: камня, гравия, песка, глины. Для нашей области, где стройки идут буквально в каждом уголке, — это ценные находки. В Уральское геологическое управление подали 25 заявок, 15 из них представляют практический интерес.

Лучшей в области оказалась команда Исковской семилетней школы. Ребята совершили два больших похода, описали восемь обнажений, нашли два старых шурфа, местонахождение которых было забыто. На берегу реки Вересовой в шлихах обнаружили признаки золота и платины. Принесли много образцов горных пород и минералов. Часть из них сдали в музей, а часть — в геологическое управление, за что получили благодарность.

Учащиеся Буткинской семилетней школы отыскали строительный материал, очень важный для их района: гравий, бутовый камень для фундаментов. Раньше камень привозили за 250 километров, а теперь будет свой. Кроме того, нашли охру, торф.

Пионеры Пристанинской семилетней школы по

заданию райкома партии искали известковый туф. В районе большая нужда в нем. И нашли.

Школьники Петрокаменска провели поход по реке Шайтанке. У них было задание: установить наличие россыпного золота в речных отложениях. Ребята промывали пески и отбирали пробы на золото.

Невозможно перечислить всех, о ком говорили на слете, кто сам рассказывал о делах отряда. Их было много, смелых, настойчивых, упорных, любящих родной край.

Ребята получили наказ: изучать и изучать свой район. Ведь каждая находка признаков, указывающих на возможность залегания полезного ископаемого, может оказать большую помощь геологам.

В первую очередь заслуживают изучения северные районы нашей области. Они меньше всего обследованы.

Что же искать?

Нужны железо, медь, строительные материалы, поделочные камни, слюда, асбест, кварц. Они наиболее вероятны в этих районах. Не огорчайтесь, что до вас здесь уже прошли геологи. Осматривайте не только скалы (их-то как раз тщательней всего изучали специалисты), а и новые обнажения, канавы, кюветы, ямы, карьеры, вывороты корней деревьев, свежие обнажения по берегам рек.

На слете каждому отряду вручили небольшую библиотечку геолога. В ней рассказывается о том, как искать руду, графит, золото, хромиты и т. д. Следопытам дали задание на лето.

Свердловчанам — обследовать всю местность вокруг города радиусом в 10—15 километров. Вокруг много гранита. В нем нередко попадаются участки, богатые жильными образованиями. С жильным комплексом обычно связаны ценные минералы: золото, минералы редких элементов и многие другие. Вот поэтому очень важно обнаружить участки развития жильных пород. Можно отобрать образцы, если в них вы заметите что-нибудь интересное

ТВОЯ

ПОМОЩЬ СЕМИЛЕТКЕ

На севере, в долине реки Пышмы, хорошо собрать среди валунов и галек все разновидности пород. Среди них могут оказаться еще не установленные в этом районе.

Нужно продолжать поиски и на горе Хрустальной, хотя она неоднократно обследовалась. Запороши — пустоты в породах, где находятся кристаллы горного хрусталя, безусловно, в ней еще есть. К югу от Свердловска, в районе Елизаветинского рудника, следует искать места, где в бурых железистых глинах имеются зеленоватые и голубоватые участки. Они часто содержат никелевые и кобальтовые руды.

В районе Сысерти известно месторождение демантоидов — драгоценных камней, по красоте не уступающих изумрудам. Нужно очень много настойчивости и терпения, чтобы найти эти редкие камни.

В районах Гари и Тавды следует обязательно осматривать свежие обнажения по берегам рек и оврагов. Здесь можно обнаружить кости мамонтов и других вымерших животных. Они позволяют специалистам определить возраст отложений и восстановить геологическую историю края.

В районе Ирбита и Туринска нередко встречаются зубы акул. Эти находки позволят уточнить границы существовавшего здесь в далеком прошлом моря.

Тугулым, Талица, Ирбит, Байкалово — испытывают острую нужду в строительном материале: песке, гравии, камне, глине. В Байкалово, кроме строительной, можно найти и тонкую гончарную глину.

Следопытам Шали рекомендуется собрать коллекцию чистых известняков с точным обозначением

места, откуда они взяты. В известняках встречаются редкие элементы. Геологам потом по этой коллекции легче будет ориентироваться в своих поисках.

Такой же наказ был и Ивдельским ребятам. Им также следует отыскивать высыпки белых кварцевых галечников. Они могут оказаться отложениями существовавших ранее древних рек, а с последними часто связаны россыпи золота.

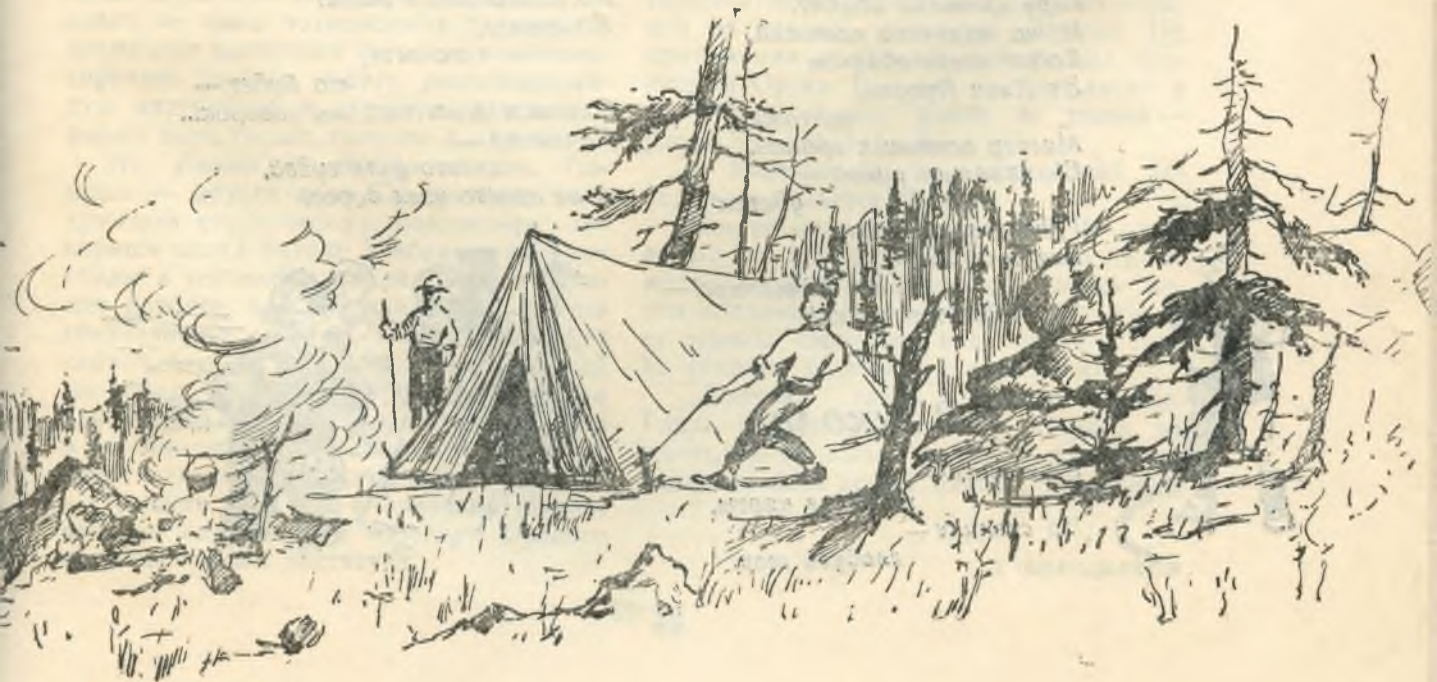
В районе Ревды есть старые рудники, разработка которых производилась в прошлом. Особенно интересны они в районе станции Подволошная. Здесь когда-то разрабатывались Шишмаревское, Подволошинское, Серебряное месторождения меди с примесью свинца и серебра. Изучить расположение выработок, собрать образцы из них — такова задача.

Второй маршрут можно совершить от разъезда Дидино до Билимбая. В этом районе тоже много старых рудников. Особенно важно осмотреть Бакаевское месторождение меди и разыскать потерянное Сулеевское месторождение, расположенное примерно в двух километрах к югу от Бакаевского.

Отбирая любой образец, следует указывать точное место, откуда он взят, и нанести на карту или схему маршрута.

Обо всех своих находках, открытиях сообщайте в редакцию нашего журнала или в Уральское геологическое управление. Пусть ваша помощь семилетке будет настоящей, действенной, полезной. Желаем вам быть участниками Всеуральского дня следопыта.

Г. СТОРОЖЕНКО

По призыву партии в глухую тайгу 27 мая 1957 года пришли первые отряды комсомольцев-строителей. А сейчас уже воздвигнут на горе Долгой целый город — современный, многоэтажный, красивый: завершается строительство корпусов самого крупного в мире горнообогатительного комбината, потому что Качканар поистине железная земля, она сможет накормить всю металлургию Среднего Урала.

(Из газет)

Лев СОРОКИН

Качканарский восход

Качканарский восход,
Качканарский восход
Над тайгою
жар-птицей
Гигантской встает!
Расправляет два
Огненно-пестрых крыла...
Кто сказал,
что жар-птица
Лишь в сказках была?
Видишь,
сварки на стройке
Кострами искрят.
Это перья жар-птицы
В руках у ребят!

Взрывник

Меркнут дали зоревые,
Но, куда ни кинешь взгляд,—
Установки буровые
Гору клювами долбят.
И, на мальчика похожий,
Ходит возле облаков
Не Илья Пророк,
но тоже
Мастер огненных громов.
Он взмахнет рукой —
ударит
Грозовая кутерьма.
Вот ведь где —
на Качканаре! —
Зарождаются грома!

В школе

На стенах —
широкие карты,
На столике —
глобуса шар.

Мой друг-качканарец
за партой
Читает про Качканар.
Про город,
рожденный на кручах,
Про фронт семилетних работ...
Мой друг
географию учит,
Которую сам создает!

В тайге

Из Молдавии,
из Казахстана
Парни едут к нам
навсегда.
Не баулы да чемоданы,
А свои заветные планы
И мечты привозят сюда.
Здесь, в тайге, прописано Счастье
Счастье самых крутых дорог...
Вот еще из воинской части
В Качканар спешит паренек:
— Мне работу дайте да койку,
Да, пожалуйста, поскорей.
Комсомольскую вашу стройку
Я считаю давно своей!
Покажите,
что есть,
что будет,—
Слышим волжский мы говорок...
Качканар —
это узел судеб,
А не просто узел дорог!

ПРИЗВАНИЕ

Книги. Много книг. «Теория чисел»... «Современная алгебра»... «Высшая алгебра»... Тысячи страниц формул, задач, расчетов. И человек, чувствующий себя среди них как в родной стихии.

Этот человек — Анатолий Иванович Лысов.

— Математика — моя специальность, — говорит он.

— И призвание, — добавил я после знакомства с ним.

Призвание определилось еще за школьной партой: математика и только математика. Получив в 1945 году аттестат зрелости, Анатолий подал заявление на физико-математический факультет Горьковского государственного университета, сдал экзамены и оказался в числе студентов. Путь был ясен, хотя человек не имел возможности следить за сложными расчетами на доске и конспектировать лекции, читать рекомендованную литературу и делать выписки. Что может быть горше, тяжелее слепоты!

Но Лысов не терпел скидок. Помощь — другое дело. Он находил ее в дружном студенческом коллективе. Товарищи вслух читали учебники, научные труды и терпеливо ждали, пока он запишет главное письмом для слепых. Вместе готовились к зачетам, к экзаменам. Его цепкая память схватывала самый сложный материал, его математическая логика удивляла. Он не только не отставал, но и во многом опережал других, проявляя свои недюжинные способности.

Прошли пять лет, и Анатолий Иванович сам поднялся на кафедру Орского педагогического института.

Подготовка к лекции, к семинару, к практическому занятию — труд кропотливый, напряженный. С Анатолием Ивановичем делит его жена Тамара Андреевна. Несколько часов в день она читает вслух нужные книги по математике. Работы у них обоих прибавилось, когда Лысов решил сдать кандидатский минимум. Сколько книг было прочитано и записано, прежде чем он сдал экзамены по философии и иностранному языку. Впереди — экзамен по высшей алгебре и по специальному предмету — теории чисел.

Но ошибочно представить себе Анатолия Ивановича неким «ученым затворником». Широте его интересов можно только позавидовать. Орские любители спорта безошибочно назовут сильнейших тяжелоатлетов города и среди них — одной из первых фамилию Лысова. На протяжении нескольких лет он был чемпионом Орска. Высший его результат в троеборье — жиме, рывке и толчке — равен 330 килограммам.

— Конечно, это не олимпийский рекорд, — улыбается Лысов.

Тем не менее значительный. В городе его не превзошел еще ни один из тяжелоатлетов. Зимой коньки и лыжи, летом плавание. Анатолий Иванович думает освоить еще один вид спорта — езду на tandeme (сдвоенный велосипед).

...Говорят, глаза — зеркало души. Глаза Анатолия Ивановича Лысова не видят, но большая, красивая его душа видна во всех делах, планах, дерзаниях.

Л. БОЛЬШАКОВ

Удивительные деревья

На пути из села Дерябина в деревню Отрадново (Свердловская область) на правой стороне дороги растет забавное дерево. Толстый ствол его с пятиметровой высоты расходится на три вершины: средняя — сосновая, а две — кедровые. На сосновой растут мелкие шишки, а на кедровых — крупные, с орешками. Если внимательно осмотреть ствол, то можно заметить на коре шов, идущий от самых корней до развилки. Очевидно, близко друг к другу росли когда-то сосна и кедр, потом молодые стволы срослись.

Еще более удивительное дерево растет в Синячихинском районе между поселками Вогулка и Пустынка. Ему сейчас не менее 160 лет. Высота дерева 23 метра, толщина 50 сантиметров. Но гладкий ствол сосны идет в высоту только до 8 метров. Отсюда, делая колена, параллельно сосновой вершине, отходит кедровый ствол.

Как это произошло?

Примерно в семидесятых годах прошлого столетия от сосны отвалился отмерший сучок. В небольшое дупло кедровка или белка занесла орешек. Он пророс, и корешок соединился с камбияльным слоем дерева. Судя по толщине, кедр растет на живой сосне не меньше 75 лет. Он давно плодоносит и уже дал свое потомство.

В Гаринском районе, около поселка Портах, растет дерево, ствол которого сосновый, а вся крона кедровая.

Такие причудливые деревья нужно взять на учет и охранять их для научных наблюдений и исследований.

М. ПЕТРОВ, лесовод

Как речку теряли

В окрестностях села Покровского, на правом берегу речки Бобровка, — крупная животноводческая ферма.

Приволье здесь скоту, кормов вволю. Одна беда — не хватает питья коровам, хоть и речка по соседству. Пригонит пастух стадо к Бобровке, первые ряды коров зайдут, взмутят воду, а другие — пить отказываются. Пробовали подвозить воду — дорого.

Решили сделать искусственное водохранилище. Неглубокое, не выше колен, но большое по площади, чтобы все стадо разом пустить.

Пришел совхозный бульдозер, выкопал котлован и канаву, которую соединил будущее водохранилище с рекой. Стали ждать, когда водохранилище наполнится водой. Но странное дело — Бобровка повернула по новому руслу, дошла до котлована и исчезла. Ждали несколько дней — вода так и не появилась в котловане.

Геологи объяснили животноводам, что водохранилище запланировали над карстовыми полостями известняка. В них и ушла вода.

Пришлось Бобровку пустить по старому руслу.

П. КОВЕРДА

Семь лиственниц

Ханты дали этому поселку поэтическое название — Лабитнанги, что в переводе на русский обозначает «семь лиственниц».

Люди обжили здешние, когда-то нехоженые места. Улицы новых домов с каждым годом от-

тесняют тундру. Паровозные гудки разрывают утреннюю тишину. Отсюда ежедневно отправляются эшелоны с сибирским лесом для шахт Воркуты, вагоны с деликатесной рыбой. А ночами зарева электрических огней разгоняют тьму.

Недавно мне удалось услышать о том, кто первым поставил свою избу у семи лиственниц более пятидесяти лет тому назад.

Летом 1901 года бывший моряк Герасим Никитич Канев нанялся на лето ловить рыбу для купца Чупрова. Стоял в ту пору на крутом берегу один чум ханты Ванды Русколамова. Старый хант считал всю округу своей собственностью. И никто не имел права без его разрешения охотиться или удить рыбу. На сезон он продавал некоторые речушки и соры¹ для ловли рыбы. Сор, расположенный напротив чума, постоянно арендовал купец Чупров.

Привольные места понравились Герасиму Никитичу Каневу. В том же году он купил чум Ванды и поставил у семи лиственниц свою избу. А вскоре рядом появились новые избы.

В 1924 году при помощи Канева в поселке была открыта первая школа. Обучение в ней велось на языке коми. С организацией колхоза Герасим Никитич стал его первым председателем.

Так с легкой руки хорошего человека за Полярным кругом родился рабочий поселок Лабитнанги.

А. ВАХНИН

¹ Сор — обширная пойма.

История

Рассказ

Ирина Гуро

Рисунки А. Туманова

Третий день дул бешеный «афганец»¹. Колючей песчаной пылью заносил кишлак, посыпал горьким пеплом кроны придорожных деревьев. Вода в хаузе² стала мутной, будто кто-то огромный подышал мощным и нечистым дыханием на его квадратное зеркало в оправе ив. А ивы под ветром склонились еще ниже; беспокойно, судорожно, словно слепые, шарили ветвями у самой воды, ища убежища.

Седые коконы пыли плотно окутали кусты хлопчатника, оставшиеся на открытых площадках горных склонов. Крупные листья, похожие на раскрытую детскую ладонь, сворачивались на глазах, сжигаемые жестокими порывами ветра.

Земля стала серой и мертвой. И когда сломанный ветром куст валился на нее, казалось, рухнул солдат, вырванный из шеренги губительным огнем.

Солнце стояло в дымном облаке холодным и безжизненным пятном, как луна. Между тем, было жарко. Ветер нес на своих могучих черных крыльях горячее дыхание пустыни.

И здесь, на большой высоте, это было необычно и страшно. Третий день стояла нелетная погода. Третий день на маленьком аэродроме не садились рейсовые самолеты. Даже всюду проникающий санитарный «У-2», который в порядке «планового облета» дважды в месяц высаживал здесь грузного доктора Джафарова, непонятно как помешавшегося на пассажирском сиденье, — даже он не мог пробраться в отдаленный горный кишлак.

И тогда доктор Сабира-апа³ приняла решение. Она была совсем молодой девушкой, и это

обращение «апа» к ее имени прибавляли только как дань почтения к ее профессии.

На больничном дворе собралось много народу. Здесь были сыновья Али-Бобо-Зарифова со своими женами, его дочери со своими мужьями, их взрослые дети. Были здесь и пастухи каракульских овец — высокие мужчины с суровыми лицами, выдубленным солнцем горных пастбищ, со взглядом острым и зорким, какой бывает у людей, привыкших смотреть вдаль. Они спустились сегодня с гор, чтобы проводить в путь своего бригадира.

На улице за дувалом¹ сидели их собаки. Они нервно оглядывались вокруг и зевали, показывая волчьим клыки и розовую, в темных пятнах пасть. Их раздражал запах лекарств, доносящийся со двора.

Все ждали: мужчины, сидя на корточках спиной к ветру; женщины, укутавшись в покрывала. Мужчины курили, жевали табак, проклинали «афганец». Женщины молчали.

На крыше сарая, приминая под себя траву, серую от пыли, сидели мальчишки. Они явились сюда не из-за больного. Их взгляды были прикованы к старенькому автобусу, стоящему у ограды. Им не терпелось посмотреть, как их товарищ Ахмат, этот драчун, этот задира, этот «никому не спущу» отправится с автобусом. Не каждый день случается четырнадцатилетнему ученику из автомастерских садиться рядом с шофером в качестве подручного в таком важном рейсе!

Здесь, за воротами, шла своя жизнь. Шофер Абдураимов в черной с белым тубетейке, сдвинутой на затылок, ходил вокруг машины, осматривая ее со всех сторон и сплевывая песок, попадавший и в рот, и в нос, и в уши. Ахмат залил воду в радиатор. Потом они сняли спинки мягких сидений, чтобы устроить постель для больного в передней части машины, где меньше трясет.

¹ Афганец — ветер, дующий со стороны афганской границы.

² Хауз — пруд (узб.)

³ Апа — почтительное обращение к женщине (узб.).

¹ Дувал — глинобитная ограда (узб.).

К автобусу подошли двое в военном. Револьверы оттопыривали сбоку их плащи. Они погрузили в автобус мешки с почтой. Это были фельдъегеря¹. Они тоже не могли улететь. А автобус был единственной надежной, на ходу машиныной на весь кишлак.

Предстоял длинный путь — сначала по горной, малопроезжей дороге, потом — по шоссе, в город. Там больного положат в больницу, а фельдъегеря сладут почту. И машина пойдет обратно, захватив свежую почту и газеты, которые третий день не прибывали в колхоз.

Так было задумано, к этому все готовилось, и Абдураимов был спокоен. Он любил порядок во всем, даже в таком деле, как несчастье с дедушкой Зарифовым.

Был ли порядок в том, что он взял с собой именно Ахмета? Да, был. Во-первых, Гани Абдураимов боялся, чтобы тот чего-нибудь не натворил без него в гараже. Во вторых, Ахмат проворнее других учеников, и раз уже нельзя взять с собой полноценного помощника, пусть едет этот драчун, забияка, этот «никому не спущу».

Ахмат пришел сегодня в гараж ни свет ни заря, поздоровался серьезно и почтительно: «Асселям алейкюм». И Абдураимов ответил ему тоже серьезно, как взрослому: «Алейкюм асселям!» Потом парень вымыл окна в автобусе и протер их газетами, залил бензин и масла в машину. Когда они подъехали к больнице, Ахмат показал язык мальчишкам на крыше, но Абдураимов сделал вид, что не заметил этого.

Как только среди женщин в больничном дворе пронесся шепот: «Несут!», мальчишки, как горох, ссыпались с крыши: старик Зарифов и в добром-то здравии не терпел ротозеев.

У широкого айвана² больницы началась суета. Пожилой фельдшер Турсунов, называемый обычно «помощником смерти», открыл обе половинки двери, санитарка Джамия вынесла желтый чемоданчик Сабиры, хорошо известный в кишлаке. При виде его дети сразу же начинали плакать в предвидении уколов. Санитарка потащила в машину кислородные подушки и блестящую металлическую коробку со шприцами.

— Давайте, кто подожее! — позвал фельдшер, не любивший утруждать себя. И готчас придвинулись все сыновья и все внуки Зарифова: в их роду не было хлипких.

Фельдшер увел двоих. Оставшиеся затушили трубки и папиросы и выплюнули жвачку.

На носилках дедушка Зарифов выглядел таким

¹ Фельдъегерь — военный или правительственный курьер для доставки особо важных, преимущественно секретных бумаг.

² Айван — крыльцо (узб.).

же великаном, как обычно. Только властный, четко вычерченный профиль лица заострила болезнь.

Пастухи из деликатности пропустили вперед сыновей старика. Но цепкий взгляд больного ощупал их. И громким привычным к большим пространствам голосом, которому подчиняются и люди и животные, он спросил:

— Кто же вверху?

— Там наши дети. Они сменили нас, чтобы мы могли проводить тебя, — ответили сразу двое, самые пожилые и почтенные.

— Я вернусь, — пообещал Зарифов твердо, как бы желая сказать: «Напрасно беспокоились!».

Услышав голос старика, собаки радостно залаяли за оградой. Али-Бобо, видно, хотел спросить, кто позволил привести сюда собак, но их преданность смягчила его.

— Не уставайте! — попрощался он обычным приветствием людей труда. Его внесли в автобус, обложили одеялами. Доктор Сабира-апа и санитарка завесили простынями ложе больного. Провожающие напутствовали отъезжающих возгласами: «В добрый час!», «Благополучно возвращайтесь!», «Да будет путь ваш прямее стрелы!»

Абдураимов положил руки на баранку. И в это время из узкой улицы кишлака вывернулся Саттар. У него был дурацкий вид с его усиками на белом, по-женски холеном лице, и с шелковым платком, фатовски повязанным на голове. Но самым неприятным было то, что проклятый хурджун, этот знакомый Абдураимову мешок, огромный, как матрац, был с ним. Саттар тащил его на спине с несвойственной ему прытью.

Абдураимов был потрясен. Как, после вчерашнего крупного разговора деверь все-таки лезет в машину? Да, вот он уже нахально ставит ногу на подножку, пропихивая вперед проклятый матрац...

— Эй, ты! — закричал не своим голосом Абдураимов. — Сходи! Не возьму!

Но он тут же подумал, что поступок его выглядит нелепым в глазах односельчан. Почему он гонит брата своей жены? Кому помешает лишний человек в почти пустом автобусе? К тому же он вспомнил лицо жены, упрасивавшей его захватить Саттара в город. Ведь неизвестно, когда придет самолет. Другого сообщения нет.... И все-таки Абдураимов отказал. И вот теперь Саттар влез-таки в машину. Абдураимов стиснул зубы и дал газ. Саттар тотчас радостно затараторил что-то своим визгливым голосом.

Машина выехала за околицу прямо навстречу сумасшедшему ветру, грудью принимая его удары.

Дорога петляла, повороты ее были неожиданны. Новые отрезки пути словно вырывались из-под колес машины.

Теперь ветер бил сбоку, с открытого пространства, прижимая автобус к морщинистому плечу скалы. Спуск был неощутимым: просто облака,

топлившиеся глубоко внизу, теперь бешено мчались, раскинув полы, над головами едущих.

Зарифов забылся в беспокойном, болезненном сне. Ему снились овцы, но это была не его отара. Это были овцы Хаджи-бая. И он сам, Зарифов, которого все звали «джигит Али» и «красавец Али», опять работал батраком у Хаджи-бая за две каракульские овцы в год и харчи, на которые нельзя прокормить даже кошку. Но он молод, и все ему нипочем! Он счастлив, потому что здесь были горы и были овцы и не было Хаджи-бая. Джигит-Али шел за отарой и кричал: «Э-го-го!» И горы отвечали ему. А впереди него шли по склону овцы. Он различал серые, блестящие, — потому что только что прошел дождь, — спины ширазов и белые — камбаров... А впереди шел вожак — огромный баран с золочеными рогами. Но почему так трудно ему, молодому Джигит-Али, подниматься по склону? И кто гнет его назад сильными руками, хватая за рукава бедняцкого халата?.. Он бьет по этой руке, еще раз! Сейчас он вывернется...

— Остановись, Абдураимов! Я сделаю больному укол, — говорит Сабира.

Джамия подает ей желтый чемоданчик. Пока старик делают укол, младший из фельдгегерей выходит покурить. Теперь Зарифов успокаивается. Машина снова катит по самому краю обрыва. Старик спит. Джамия клевет носом у его изголовья, изредка вздрагивая от толчков.

Сабира сидит прямо, как на уроке в школе. Широкие брови, сдвинутые на переносице, придают ей суровый вид. Она вся поглощена одной мыслью: скорее! Скорее город! И хирург! Больного — прямо на стол. Там, в больнице, уже все готово, их ждут... Если еще не поздно! Потому что это — гангрена.

Фельдгегеря, устроив свои мешки под сиденьями, думают о том, что нет худа без добра. Нелетная погода заставила ехать машиной. За это время, что уйдет на поездку, они получат соответствующий отгул. Они сдадут в городе почту и деньги. Потом будут отдыхать.

Дальше их мысли расходились в разные стороны. Неженатый Кузнецов проведет свободные дни в совхозе Гузар на равнине, у Зульфий, учительницы. Он отмахает пешком двенадцать километров до совхоза, все вниз, вниз, напрямую. Чтобы время текло быстрее, он всю дорогу будет петь песни.

...За эти дни Аболыков рассчитывает привести в порядок свой сад, потому что сыновья у него — лодыри, а жена выбилась из сил.

Так думали фельдгегеря.

На задней скамье в обнимку со своим матрацем сидел Саттар. Сквозь дрему он ощущал легкую драгоценную начинку мешка, блестящую, как настоящее золото. Шум камешков, осыпающихся под колесами машины, успокаивающе нашептал ему, что все обошлось благополучно. Несмот-

ря на Гани. Он говорил своей сестре, что этот шофер — настоящий упрямый ишак. Но что поделаешь с женщиной? Смешно вспоминать теперь об этом, когда у супругов уже двое детей. Самое главное, что при нем его сокровище, его шкурки... И он сможет продать их именно сейчас, когда план сдачи шкурок еще не выполнен и цены на рынке самые высокие. Какое дело женщинам, желающим носить каракуль, до того, выполнен колхоз имени Тельмана план или нет? Это только председатель Буриев думает, что на его плечах лежит весь мир...

У шофера Абдураимова голова пухла от неприятных размышлений. Он ведь знал, зачем едет в город его деверь Саттар. Плут, вор... Да, вор! Если он продает шкурки — самые лучшие — на базаре, когда это не разрешено... Когда еще не выполнен план... Как это назвать? Плут знает, что потом уже не выручить по 40 рублей за шкурку. Проклятие на твою голову, балаболка, пустой стручок гороха, гнилой орех, дырявый котел!

Абдураимов страдал еще больше оттого, что пассажиры, конечно, догадывались о том, зачем едет Саттар в город, и срам падал на него, Абдураимова...

Самыми лучезарными были мечты Ахмата, потому что в них он видел себя за рулем этой машины, такой сильной, красивой и послушной. Но она не катилась по узкой горной дороге, а неслась прямо по облакам, ныряя в их пуховые перины...

В автобусе фельдшера ведут негромкий разговор. Сначала о старике Зарифове.

— Мастер, — говорит Аболыков, — он каждую овцу знает в лицо. Ты думаешь, как это у него получилось с ногой?

— Не знаю, — отвечает Кузнецов, думая об учительнице из совхоза в долине.

— Всею виной была суйганя овца, она отбилась от стада... И надо же, чтобы в ту ночь пошел дождь. А утром схватили заморозки. Старик пошел искать ее по гололеду. Это была чистейшая «арабка», черная красавица, подобная негритянской царевне. И старик нес ее на руках, как больного ребенка... Тогда и получилось у него с

ногой. Когда пришел его сын, он застал отца знаешь за каким занятием? Старик разгребал собранный ночью навоз, чтобы овцы легли на теплое ложе... Вот какой это старик!

И так как Кузнецов молчал, Аболыков обратился к Джамиле. Без всякого перехода он стал жаловаться на своего сына:

— В четырнадцать лет балбес не хочет ничего делать по дому. Я подвязываю лозы и кричу ему: «Поддай мне садовый нож!» А он: «Я тороплюсь, меня ждут в клубе...»

— Ай-вай!... — сокрушается Джамля. — А вы что на это сказали?

— Что может сказать человек, которого кушает скорпион? Ай-яй-яй!...

— Все они такие, нынешние мальчишки... Воспитали на свою голову. Мы сеяли хлопчатник, а собираем одни сухие стебли, — заключает Аболыков. Его добродушное лицо печально. Маленькие умные глаза устало прикрываются темными веками.

— А вот мой сын, сто лет ему жизни... — начинает Джамля. Она любит поговорить о своем сыне. Он не лодырь, не дерзкий — ему всего год.

...Машина бежит, пегляет дорога. Ахмат несется по пуховым облакам и вдруг падает с них прямо на свое кожаное сиденье рядом с дядей Гани. Эх, дал бы Гани-ака¹ хоть подержаться за баранку! Не даст... Но что это с ним? Ахмат в недоумении; лицо у Абдураимова очень красное и влажное, как разрезанный арбуз. И нога на акселераторе дрожит... Машина идет уже не плавно, а какими-то толчками...

Ахмат испугался. Дядя Гани — великий водитель машины, но при таком управлении они все сейчас загремят в пропасть... Ахмат взглянул — и обмер: там, внизу, клубится туман, пропасть казалась бездонной, только далекий рев потока давал представление о глубине.

Поворот! Заднее колесо повисает над обрывом. Это замечает только он, Ахмат. Недаром он — ученик шофера. Мощный красный автобус начинает вдруг казаться Ахмату легкой и непрочной картонной коробочкой, детской игрушкой, которой он играл давно, еще в детском саду.

¹ Ака — дядя (узб.).

Что же происходит с водителем, с дядей Гани? Спросить? Черт возьми, Ахмат скорее заткнет себе рот грязным хурджуном дурака Саттара, чем решится задать вопрос Гани-ака! Но больной старик и Сабира, и эти двое с револьверами, и толстая Джамиля, и дурак Саттар?... Все они ничего не замечают. И все они будут сейчас...

Страх обливает Ахмата противным липким потом.

Машина останавливается на довольно широкой площадке между скал.

— Гани-ака?..

Абдураимов почти вываливается из кабины. Он не отвечает, он падает на сухую пыльную траву. Губы у него совсем черные. Кровь запеклась на них. Он искусал себе губы!

Ахмат думает, что Гани-ака внезапно лишился разума, как Меджнун, про которого он читал в книжке.

— Почему мы стоим?— строго спрашивает Сабира, выглядывая из окошка. Она видит лежащего Абдураимова и вдруг бледнеет. Она становится белой, как ее халат. Она выходит из автобуса и садится прямо на землю около водителя. Она берет его за руки что-то приказывает Джамиле, и та с охами и ахами подает ей желтый чемоданчик...

И вдруг Ахмат в ужасе слышит, что Сабира, доктор Сабира, эта спокойная Сабира, эта важная Сабира, громко плачет. Она плачет и кричит, и ломает руки, и топает ногами в отчаянии, как самая простая женщина из кишлака! И из ее криков можно понять только одно слово: малярия!

Проходит много времени, — может быть, минута или две, но они кажутся такими длинными. Абдураимов слабым и виноватым голосом, странно выговаривая слова (язык не повинуется ему), говорит:

— Пять лет не было приступов... Не думал... — Его едва можно понять, так стучат его зубы.

Все сидят в молчании. Солнце близится к закату. С ним вместе уходит ветер. Он еще не ушел совсем, но в нем нет прежней силы и задора. Время уже не тянется, как погребальные носилки. Каждая минута пролетает со скоростью мгновения, а часы бегут вприпрыжку, легкомысленные, как минуты.

— Так можно сидеть до морковкиного заговенья,— сердито говорит Кузнецов Аболькову. Абольков не знает, что такое это заговенье. И никто не знает, но не интересуется, хотя раньше тут бы завязался жаркий разговор. Фельдгегеря начинают шепотом совещаться, Сабира сидит, обессиленная, не то спит, не то прислушивается к дыханию больного.

— Послушайте, Сабира-апа,— говорит, наконец, Абольков.— Что, он долго может так пролежать с этой малярией?

— Долго!— отвечает Сабира,— если у него даже спадет температура, он не сможет вести машину: ослабеет.

— Видите ли,— нерешительно говорит фельдгегерь,— на этой проклятой дороге и в такую пору нам не дожидаться машины или хотя бы арбы. Даже паршивый ишак — редкость в такую погоду. Но здесь есть тропа. Ею можно дойти до селения и попросить помощь. Может быть, там найдется шофер... Теперь всюду есть шоферы.

Сабира подымает голову, и надежда делает ее измученное лицо трогательным и милым.

— Вы пойдете?— спрашивает она и по-детски

хватает Аболькова за руку... Но он молчит, и она оборачивается к Кузнецову. Да, конечно, он пойдет. Он моложе и сильнее...

— Нет, Сабира-апа,— печально отвечает фельдгегерь.— Мы не имеем права. У нас груз.

Теперь все в автобусе смотрят на Саттара. Полждущими взглядами Саттар теряется: он не хочет идти. С какой стати? В крайнем случае он может и подождать. За одни сутки цена на шкурки не упадет. Кто это выдумал послать его в темноте по неизвестным горным тропам, где как раз наврешься на шакала или просто сорвешься с крутизны, и твой труп запросто склюют орлы! Бр-рр!

Он потихоньку выбирается из автобуса и подходит к своему родственнику. Тот уже устроен Сабирой так, что голова его лежит на сложенном одеяле. И еще три одеяла покрывают его. Но все равно зубы Гани выстукивают, словно камнедробилка...

— Слушай, Гани... Не сердись, Гани... Но ведь мы родственники, не так ли? Что ты посоветуешь?

— Пусть подойдет сюда Ахмат...— произносит Абдураимов с усилием. Саттар удивлен:

— Зачем тебе этот сопляк?..

— Уйди,— скрипит зубами водитель... Ахмат со страхом смотрит на своего начальника. Как меняет человека эта малярия! В каких-то два часа она превратила здорового мужчину в развалину, и даже Сабира-апа ничего не может тут поделать.

— Поправь мне под головой,— просит водитель неожиданно связно. Может быть, ему стало лучше? Ахмат понимает, что дядя Гани говорит так тихо не только от слабости, но и чтобы его не слышали там, в автобусе.

— Слушай меня внимательно, Ахмат,— шепчет Абдураимов, и что-то опасное для него, Ахмата, слышится мальчику в серьезном и печальном шепоте.

— Ты поведешь машину, Ахмат...

Ахмат молчит. Пот обильно проступает у него между лопатками.

— Значит, ты трус, Ахмат, да? Старик может умереть, если ему не сделают операцию... Сейчас ты поведешь машину, Ахмат. Не бойся, я буду рядом...

— Я... я попробую,— тоже шепотом отвечает Ахмат. Он сам не знает, как эти слова слетели у него с языка. Просто у него не повернулся язык сказать что-нибудь другое.

— Нельзя пробовать, когда ты ведешь машину, полную людей. Ты должен повести ее. Я буду рядом. Я скажу, что надо делать...

— Кажется, я знаю, Гани-апа.— А что, он и в самом деле знает. Он невольно делает такой жест, словно переключает скорость.

Водителя усаживают в кабине. Ахмат — за рулем. Его нога еле достает до педали акселератора, и Абдураимов вынимает у себя из-за спи-

ны кожаную подушку спинки и подсовывает за спину Ахмата. Теперь мальчик — на самом краешке сиденья, зато нога его всей подошвой нажимает на подачу.

— Ровнее, не дергай! — слабым голосом советует Абдураимов. Ахмат ощущает, как дрожит большое тело водителя. Страх, жалость, гордость борются в сердце мальчика.

Но машина идет!.. Черт подери! Она идет, эта сильная, эта красивая машина. И она слушается его! Она уже не кажется картонной коробочкой! Она снова стала той красавицей, к которой он приходил каждый вечер, как на праздник, и смотрел на нее и тер бумагой стекла ее окон...

В автобусе все молчали, и это угнетало Ахмата. Он был рад, когда возобновился негромкий, спокойный разговор. Его начал Аболыков:

— Теперешние дети... Мы все ругаем их... — дальше не было слышно. До Ахмата доносятся только громкие слова Кузнецова:

— Из него будет толк!.. — А из кого — не было слышно. Водитель сидел молча, в его загуманенной жаром голове бродили разорванные, неясные мысли. Он видел рядом профиль мальчика, его напряженное и вместе с тем спокойное лицо. В сущности он как-то не присматривался к нему раньше и теперь словно видит нового человека. У него волевой подбородок, и руки так твердо держат баранку. Твердо и вместе с тем легко. Он не вцепляется в руль испуганной кошкой, как это часто делают новички...

Уже совсем темно. Только свет фар открывает впереди пустынное пространство, покрытое колочими кустиками янтака и маленькими наметами песка на подветренной стороне.

И вдруг, будто вспомнив что-то, Абдураимов приказывает остановить машину. Мальчик с удивлением повинуется.

— Выходи, Саттар. — говорит Абдураимов, и от этих слов ему как будто становится легче, как будто малярия немного отпускает его. — Выходи! Мы дальше тебя не повезем!

Слово «мы» доходит до ушей мальчика. Он густо краснеет, но этого не видно в темноте.

— Что такое?! — слышен крик Саттара. Он задремал и, внезапно разбуженный, вопит хриплым и вместе с тем пронзительным голосом: — Клянись аллахом, этот человек в бреду! Он посадил за руль сопляка, а теперь выбрасывает из машины пассажиров!..

Поток бессвязных слов попеременно с ругательствами останавливает Кузнецов:

— Ты слышал, что приказал водитель? — Кузнецов подымается со своего места, и тень его, большая и грозная, косо ложится на потолок.

С проклятиями Саттар хватает свой хурджун. С перепугу ему кажется, что сейчас у него отберут его сокровище, его шкурки, его «арабов».

— Быстро! — и Кузнецов спускает Сатара со ступенек вместе с его мешком.

Через час они выехали на шоссе и остановили трехтонку, груженную хлопком. Помощник шофера пересел в автобус и взялся за руль.

Абдураимова уложили на сиденье в автобусе. Ахмат сидел рядом с водителем, бледный, вконец обессиленный. словно его самого трясла малярия. Казалось, никакая сила не заставила бы его еще хоть минуту оставаться за рулем.

И все же ему было удивительно хорошо.

ПЕРВАЯ ССЫЛКА

А. И. Герцен в Перми

28 апреля (по старому стилю) 1835 года казенной почтовой коляской, в сопровождении жандарма, в Пермь прибыл новый политический ссыльный. «Молодой человек, пылкого ума... смелый, вольнодумец, весьма опасный для общества», — так гласила характеристика следственной комиссии по его делу.

Это был двадцатилетний московский чиновник Александр Герцен, впоследствии великий русский писатель, мыслитель и революционер, «...писатель, — по словам В. И. Ленина — сыгравший великую роль в подготовке русской революции».

Нынче исполнилось 150 лет со дня его рождения.

С невеселыми думами въезжал молодой вольнодумец в далекий уральский город. Еще в пути ему пришлось стать свидетелем тягостной сцены: «Где-то проезжая в Пермской губернии, ночь я почти не спал, ибо дорога была дурна; на рассвете я уснул крепким сном, вдруг множество голосов и сильные звуки железа меня разбудили. Проснувшись, увидел я толпы скованных на телегах и пешком отправляющихся в Сибирь; эти ужасные лица, этот ужасный звук и резкое освещение заката и холодный утренний ветер — все это наполнило холодом и ужасом мою душу».

Нерадостной была и встреча с губернским городом. «Пермь меня ужаснула, это преддверие Сибири, так мрачно и угрюмо...», — писал он позднее в Москву.

Впоследствии Герцен в XIII главе второй части «Былого и дум» уделил несколько страниц своему пребыванию в Перми.

Он рассказал о первой встрече с «хозяином губернии», самодуром-губернатором, красочно описав этого типичного николаевского служаку; о своей попытке устроиться на квартиру; о встречах с товарищами по несчастью, ссыльными поляками-повстанцами, один из которых — Цеханович — оставил у него очень

ИСКАНДЕРА

теплые воспоминания, впоследствии послужившие писателю материалом для рассказа «Человек в венгерке», или «Вторая встреча».

Но Герцену недолго пришлось задержаться в Перми. Через полмесяца он неожиданно получил предписание немедленно выехать на новое местожительство — в Вятку, «потому что другой ссыльный, назначенный в Вятку, просил его перевести в Пермь, где у него были родственники». Утром 13 мая под конвоем жандармов Герцен покинул Пермь.

Как ни кратковременно было его пребывание в нашем крае, оно не прошло бесследно для писателя-революционера. Позднее, находясь в эмиграции в Лондоне, Герцен в своем «Колоколе» — первом вольной русской прессы за границей — поместил много статей и заметок о Пермской губернии, о Перми, об Ура-

Пермская офицерская гауптвахта. Рисунок неизвестного художника конца прошлого века. Теперь это здание надстроено, в нем помещается управление паровозоремонтного завода.

ле, о его заводах. Страстный голос Искандера (такой псевдоним избрал Герцен) подобно набатному колоколу призывал в нем к борьбе с самодержавием. В мае 1862 года в «Колоколе» была напечатана большая статья о расстреле крестьян в селе Егва в связи с манифестом об освобождении от крепостной зависимости. («Сечение и убийство крестьян в Пермской губернии»). Статья вызвала горячие отклики в стране и попортила немало нервов царю и его окружению.

Не много сохранилось в нынешней Перми памятных мест, связанных с пребыванием в городе А. И. Герцена. Здание Офицерской гауптвахты, куда он сразу же по приезде был направлен, сохранилось, но сильно перестроено. Теперь в нем помещается контора Пермского паровозоремонтного завода. Дом, где Герцен снял себе квартиру, сгорел в 1842 году. А «пустынный бульвар, которым оканчивается Пермь», где гулял Александр Иванович и встречался с Цехановичем, сохранился до наших дней. Только он уже совсем не пустынный, и нынешний город далеко шагнул за его пределы. Зато на бульваре сохранилась ротонда, построенная в 1824 году архитектором Свиязовым. В ней, возможно, не раз сживал Герцен.

А. И. Герцен в 1838 году. Рис. А. Витберга.

А. ШАРЦ

АЛЬМАНАХ БЫВАЛЫХ

Бывалый человек — клад для литератора. Он многое видел, многое узнал, о многом интересном и важном может рассказать другим.

Еще лучше, если бывалый человек сам берется за перо, не робея перед ответственностью литературного труда. Сколько замечательных писателей появилось у нас из числа «бывалых»! Достаточно вспомнить путешественника В. К. Арсеньева, автора любимого всеми «Дерсу Узала», академика В. А. Обручева, профессора-палеонтолога И. А. Ефремова, геодезиста Г. А. Федосеева и многих других.

В Совете по изучению производительных сил страны, входящем в Госэкономсовет СССР, бывалых людей не занимать: геологи, географы, экономисты, гидротехники, лесники... Вернее будет сказать, что, пожалуй, каждый сотрудник Совета — бывалый человек.

Поэтому не случайно, что именно здесь родился, кажется, единственный в стране рукописный литературно-художественный альманах, названный его создателями — «Недра».

Напечатанный на машинке в нескольких экземплярах, иллюстрированный фотографиями и рисунками, первый номер альманаха, вышедший в 1958 году, сделался любимцем сотрудников Совета, самой ходовой книгой в местной библио-

теке. Следующих номеров ждали уже с нетерпением. К началу этого года их вышло восемь.

«Недра» — истинно следопытский альманах. Восемь его объемистых книжек (по 250—300 страниц) вместили в себя несколько десятков произведений — повести, рассказы, стихи, очерки, воспоминания, рецензии... Геолог Г. Д. Курочкин рассказывает об истории открытия некоторых месторождений, видный ученый В. А. Адамчук делится воспоминаниями об изысканиях на Урале и в Казахстане, опытный геолог Л. В. Громов пишет рассказы-воспоминания о своих многочисленных богатых приключениях путешествиях... Кто передает впечатления о пребывании за рубежом, кто выносит на суд читателя свои «таежные» стихи, кто — отрывок из романа, над которым давно и упорно работает. Обо всех здесь не расскажешь!

Сколько интересных тем, зорких наблюдений, увлекательных приключений! Пусть не все еще пока написано совершенно, но ведь учиться-то надо!

Многие участники альманаха за эти годы стали уже авторами «настоящих» книг. Л. В. Громов выпустил интересную очерковую книгу «Осколок древней Берингии», у Г. Д. Курочкина вышла книга «геологических» очерков и так далее. Вероятно, сейчас «на подходе» но-

вые книги еще не у одного «недровца». Родной альманах, конечно, немало помог им, вселил веру в свои силы, помог критикой первых опытов.

Когда проглядываешь «Недра», невольно приходит в голову вопрос: а почему нет таких альманахов у нас на Урале, скажем, в Уральском филиале Академии наук, в Уральском геологическом управлении, в научно-исследовательских и проектных институтах, таких, как Унипромедь, Институт животного сырья и пуш-

нины, ВНИОРХ и других? Почему бы им не подхватить замечательный почин москвичей?

Редакция нашего журнала наградила значком Следопыта редколлегия альманаха «Недра». (См. «Уральский следопыт № 1—1962 год.») «Недровцы» обещали держать постоянную связь с «Уральским следопытом».

Желаем Вам успехов, товарищи!

В этом номере мы печатаем несколько материалов из альманахов.

ТАЕЖНАЯ ТРОПА

Оторвавшись с трудом от реки, мы снова уходим в далекие маршруты по тайге. Она здесь дикая, заросшая. Ходить по тайге трудно даже привычным людям — охотникам и геологам. Маршруты выматывают человека до полного изнеможения. Только выбравшись на охотничью тропу, чувствуешь себя спасенным.

Таежная тропа! Почему она не воспета в песнях и легендах? О ней стоит рассказать.

Лишь немногие знают о трудностях рабочего маршрута в тайге, без тропы, особенно после дождя. Ноги вязнут в мочажине, и часто нет для них опоры. Кажется, наливаются они свинцовой тяжестью и делаются тяжелыми-тяжелыми. Кустарники цепляются за руки, ноги, голову, одежду, за все, что есть на человеке. Бурелом встает почти непреодолимым препятствием на пути смельчаков, отважившихся идти в тайге без тропинки.

У бывалого в тайге человека при одном воспоминании о маленькой, еле заметной тропиночке в далекой сибирской глухомани делается тепло и радостно на душе. А если перед тобой оленья тропа — это путь к дому, к юрте, к очагу...

Таежная тропа! Она часто служит геологам путеводной нитью в девственных, глухих зарослях тайги. В них может заблудиться даже дикий зверь, впервые попавший сюда. Тропа для человека в тайге — жизнь.

Таежная тропа! Лучшая из дорог в тайге. Ее нельзя даже сравнить с хорошей мостовой или первоклассным шоссе Европейской части Союза. Она ближе и

роднее, дороже, потому что, потеряв тропу, в тайге может погибнуть даже самый отважный человек.

Таежная тропа! Почти всегда она кочковатая, часто идет по мочажине или скрытым подо мхом каменным развалам, корневищам буреломника или болотам. По ней даже не идешь, а прыгаешь, как козел. Но это тропа, она обязательно приведет человека либо к жилью, либо к реке. В обоих случаях человек найдет выход, а вместе с этим и спасение.

Л. ГРОМОВ

В тайге.

АНДРЕЙКА

Весной 1927 года мы с другом Мишей ехали в Сибирь, где по заданию Переселенческого управления должны были обследовать часть Нарымского края — Васюганье, чтобы выявить земли, пригодные для сельскохозяйственного использования.

Поезд медленно переваливал через Урал. Стояла ранняя весна. Еще не везде сошел снег, и погода была холодная.

На одной из небольших станций, не доезжая Златоуста, поезд остановился в связи с поломкой паровоза (в те времена это случалось часто). Мы, как и большинство пассажиров, вышли подышать свежим воздухом и остановились около вагона.

Неожиданно обнаружилось, что с нами едет безбилетный пассажир — парень лет пятнадцати, оборванный и грязный. Он вылез из-под вагона, где размещался в собачьем ящике.

Парень заоченел до последней возможности. Он буквально посинел и дрожал мелкой дрожью. А тут еще какие-то «солидные граждане» (из нэпачей) начали над ним посмеиваться, остря что-то насчет персонального купе и прочего.

Нам стало жаль парня. Узнав, что ему надо ехать до Златоуста, мы решили довести его до этой станции и дать возможность обогреться в вагоне. Парень настолько заоченел, что даже не особенно реагировал, видя, что мы купили ему билет и повели в наш вагон.

Пассажиры вначале напали на нас за то, что мы ввели в вагон «босняка», что он всех обкрадет и так далее. Но скоро все успокоились. Парень вначале держался затравленным зверьком, однако, обогревшись и плотно закусив всякой дорожной снедь, ожил. Он не лез в разговор, но внимательно ко всему приглядывался. Особенно его занимали наши разговоры о предстоящей экспедиции — о палатках, вьючных мешках, сухарях и других экспедиционных делах.

Проехав два-три перегона, он обратился ко мне с вопросом:

— Дяденька, а вы куда едете? (Меня, пожалуй, первый раз в жизни назвали «дяденькой».)

Я кратко разъяснил ему цель нашей поездки.

— Дяденька, возьмите меня с собой! Я все-все буду делать, что вы только потребуете.

Мы объяснили, что едем далеко, что работа предстоит очень тяжелая, такая, которую и взрослые мужчины с трудом выдерживают.

— Я сильный, я никогда не болею, буду делать любую работу...

— Но ведь ты едешь в Златоуст, там у тебя, наверное, какие-нибудь дела?

— Да нет никого у меня в Златоусте... Еду потому, что слышал — там прокормиться можно, а вылезу в Златоусте и опять бродить буду. Возьмите меня с собой!

Мы попали в затруднительное положение. Взять парнишку с собой на Васюганье было бы безрассудством, да мы и не имели права брать несовершеннолетнего на такую работу. Но язык не поворачивался оттолкнуть парня и пустить опять беспризорничать. Товарищ мой прямо заявил:

— Брать парня нельзя. Это безрассудство. Да мы и не имеем на это права... Ответственность.

— Но в чем больше ответственности: взять мальчишку на тяжелую, но здоровую работу или просто пустить его в «божий свет»?

Долго дискутировать по этому вопросу было невозможно — мы подъезжали к Златоусту. И все же... мы решили взять парня с собой. Оформили ему билет и поехали вместе в Томск.

Я думал, что наш новый спутник будет проявлять бурную радость, но он забился в угол купе и замер. Потом он рассказывал, что до смерти боялся, что мы передумаем и ссадим его на какой-нибудь станции. Особенно он боялся Михаила, запомнив его нежелание взять парня в экспедицию.

Чудно было смотреть, как он, ненасытно голодный, старался есть меньше и аккуратнее.

Так появился в моей жизни Андрей или, как его потом все звали, — Андрейка.

В Томске его остригли, вымыли и оде-

ли. Трудно передать, сколько радости доставило это преображение Андрею да, пожалуй, и нам.

Первые дни оказались настолько занятыми, что мы не могли уделить Андрею внимания, и он был фактически предоставлен самому себе. Но он куда без нас не хотел выходить и почти все время сидел в гостинице. Зато, когда мы закончили все официальные дела в Переселенческом управлении и начали получать снаряжение и закупать продовольствие, Андрейка целиком включился в работу: он с увлечением пересчитывал, по-хозяйски обследовал каждую вещь, которую нам выдавали. Носился по городу, выискивая нужные припасы.

Нас радовала его подчеркнутая честность и аккуратность. Чувствовалось, что он очень боится, как бы мы не заподозрили его в какой-либо корысти. Даже скептически настроенный к его трудоустройству Михаил начал понемногу оттаивать и не раз мне говорил:

— А парень-то, кажется, дельный. Из такого может и толк выйти.

Но вот окончены все сборы, набраны рабочие, и отряд, увеличившийся до двенадцати человек, двинулся к месту работы. Вначале плыли по Томи, затем по Оби и наконец по Васюгану до юрт Таныспаевых.

Для Андрейки наступила пора действительного экзамена. Легкая жизнь кончилась. Из-за бездорожья груз приходилось нести на себе и одновременно рубить просеку, а главное, кормить полчища комаров и мошки. Не всякий взрослый выдерживал тяжесть этих условий. Как-то их вынесет парнишка? Признаться, я беспокоился, чувствуя ответственность за его судьбу.

Особенно трудны в работе бывают первые дни. Народ еще не втянулся и не приспособился — лямки мешков жмут, плохо подвернутые портянки натирают ноги, комары доводят до отчаяния.

И вот начался «заход». Следовало уйти в тайгу дней на двадцать. Почти с места пошли топкие болота и таежная гарь. Природа как бы испытывала нашу выдержку. Андрейку мы приспособили к переноске груза, дав ему меньшую, чем взрослым рабочим, нагрузку.

В первый день работы мне с проводником пришлось на целый день уйти вперед для общей ориентировки местности. Только вечером мы возвратились в ла-

На таежной тропе.

герь. Шел я и думал: как-то там парень, скис или нет? Но едва я вышел из тени к ярко горящему огромному сибирскому костру, как сразу успокоился. Андрейка после дня тяжелой работы имел бодрый и здоровый вид. Он что-то с увлечением рассказывал и помогал дежурному готовить ужин.

После ужина все быстро улеглись спать, а мы с Михаилом, устроившись у костра, стали приводить в порядок дневники. Мне еще необходимо было заложить собранные за день растения в гербарные сетки.

Андрейка устроился спать с рабочими, но через некоторое время вылез из палатки, подошел ко мне и предложил помочь. Я попытался послать его спать, но увидел, что ему очень хочется чем-то мне помочь, как-то проявить свою привязанность и поделиться впечатлениями о первом дне, проведенном в тайге. Я не смог ему отказать, и мы дружно и весело принялись за работу.

Так потянулись тяжелые рабочие дни. Часто я видел, как трудно достается парню, но он никогда не жаловался, а даже наоборот всегда старался шутить, подтрунивать над уставшими.

Старые рабочие вначале смотрели на присутствие парнишки в составе отряда как на блажь начальников, но и они скоро изменили свое мнение, полюбили Андрейку и старались даже доставить ему возможные в этих условиях удовольствия: брали его по вечерам на охоту за рябчиками, учили чинить бродни, заботились, чтобы он правильно распределял груз в заплечном мешке.

Трогательно было смотреть, как вечно суровый, нелюдимый рабочий Борзун в свободное от работы время обучал Андрейку делать из бересты куженьки, туески и другие нужные в походе вещи.

Кто работал в тайге, тот знает, что лучшее время дня наступает после ужина, когда все усаживаются вокруг костра и начинаются рассказы былей и небылиц.

Тонут в темноте огромные стволы кедров, лиственниц и елей. Вершины деревьев шевелит ветер, а внизу все неподвижно, тихо, лишь изредка вскрикнет ночная птица. Вокруг костра сидят бородатые здоровые мужики и с увлечением слушают сказки об Иване-царевиче и Милитрисе Кирбитьевне и о приключениях Иванушки-дурачка, который оказался умнее всех.

Сказки не только слушаются, но и переживаются. Злодейства Кашея Бессмертного вызывают резкое возмущение, и герою часто даются советы о том, как надо поступать, чтобы победить врагов.

В эти вечера Андрейка часто становился героем дня. За время своего бродяжничества он накопил огромный запас всяких рассказов, обычно или очень страшных или очень веселых. Его рассказы пользовались особым успехом, и поэтому вскоре он стал всеобщим любимцем.

Работа у Андрейки кипела. Он научился правильно выкапывать растения, упаковывать образцы почв и брать буром Гиллера образцы торфа. Ему хотелось все понять и все узнать. Часто он доводил меня до изнеможения всякими вопросами: а зачем, почему, как?

Время шло, наступила осень, работать стало еще труднее: по утрам часто наступали заморозки. Болото покрывалось

ледяной корочкой, а сапоги к этому времени, несмотря на ежедневный ремонт, текли у всех. Бурить болото, стоя по колено в воде, было трудно, многие ворчали и отказывались от этой работы. Иногда никакие дисциплинарные разговоры не имели действия.

И вот здесь, надо признаться, успешнее других действовал Андрейка. Он как-то умел перевести все на хорошую шутку и включиться в работу. Энергично вдавливая бур в торфяник, он доказывал, что это работа «приятная и согревающая». Взрослым, наверно, становилось неудобно, и они, забыв недовольство, брались за работу.

Но всему бывает конец. Наступил конец и нашей работы. Надо было двигаться к дому. И тут встал вопрос: а что делать с парнем? Рассчитать его, как и всех остальных рабочих, и пустить на все четыре стороны? Но ведь это могло иметь нехорошие последствия. Взять его в Москву? Поселить — некуда. Парень все это понимал и опять как-то начал замыкаться в себе.

Мы с Михаилом твердо решили устроить Андрейку на работу или учебу в Томске. И это нам удалось. Его приняли на подготовительное отделение рабфака при Томском технологическом институте и дали общежитие.

Трогательно было наше расставание. Первый раз Андрейка полностью выявил свое отношение к нам. И мы поняли, как он стал близок нам, и почувствовали, что он навсегда покончил беспризорничать и никогда не вернется к этому.

К счастью, мы не ошиблись. Андрейка быстро вошел в школьный коллектив, и его письма, которые он часто писал нам, были полны рассказами об учебе, о товарищах и воспоминаниями о нашей совместной жизни.

На следующий год, когда мы опять приехали на работу в Томск, Андрейка радостно встречал нас на вокзале. Он очень жалел, что не может ехать с нами в тайгу, так как у него наступал горячий период экзаменов.

Шли годы. Андрейка превратился в Андрея Андреевича, инженера-конструктора, а затем и в отца семейства. Но для меня, несмотря на то, что разница в годах у нас была небольшая, он навсегда остался жизнерадостным парнем Андрейкой.

Н. ПЕЛЬТ

ТАГИЛЬСКИЕ РЕЛЬСЫ

В Нижне-Тагильском краеведческом музее лежит небольшой кусок чугунного рельса. Он — от первой российской железной дороги, построенной в 1834 году, раньше, чем во многих странах Европы. Выходит, этому рельсу второй век!

Здесь же, только в другой комнате, — карта мира. Светящиеся дорожки на ней указывают, какие страны земного шара покупают тагильский металл, в том числе и рельсы. Дорожки протянулись во многие страны. По тагильским рельсам ездят европейцы и азиаты, африканцы и жители далекого американского континента.

Глядя на эти два экспоната, хочется рассказать о них то, что не каждый знает.

Самые длинные

Наконец-то из Петербурга пришло согласие. Крепостной тагильский инженер Ф. Швецов и крепостные механики Черепановы давно его ждали. Не один раз писали они заводладельцу Демидову, просили разрешения строить паровоз и хотя бы небольшую железную дорогу. За границей — в Англии, Америке, Франции уже действовали коротенькие железные дороги. Чем же русские хуже их? И вот разрешение получено.

Споро закипела работа. Сообща раздумывали над чертежами паровоза, готовили модели, вытачивали детали. В механическом заведении Выйского завода литейщик Ф. Звездин отливал рельсы.

Первые литые чугунные рельсы по типу близки к современным — такой же грибовидной формы, только более массивны и неуклюжи. Это и не удивляет, опыта в их изготовлении еще не было. Опасались — не раздавит ли их паровоз? Поэтому рельсы делали особо прочными.

По длине же им не было равных в мире. В Англии в ту пору рельсы делали всего 0,9—1,2 метра. Тагильские же имели длину 2,13 метра — в два раза больше.

Первые русские рельсы были самыми длинными в мире!

Самые первые!

В конце первой половины девятнадцатого века во многих европейских странах развернулось строительство железных дорог. Решили строить «чугунку» и в России. После долгих колебаний Николай I согласился связать железной дорогой две русские столицы — Петербург и Москву.

Но где взять рельсы, паровозы и вагоны? Многие царские чиновники советовали закупить все это за границей — самим, дескать, не справиться. Однако, состояние металлургической промышленности в то время позволяло создать собственное производство железнодорожного оборудования. Тогда в России выплавлялось до 7 миллионов пудов чугуна, а для Петербургско-Московской дороги требовалось 5 миллионов пудов рельсов с поставкой в течение пяти лет. Возможности были больше чем удовлетворительные. И все же царское правительство, благоволившее иностранному капиталу, закупило много рельсов в Англии.

Тагильские заводчики Демидовы увидели в поставке рельсов лакомый кусок. Однако, к этому времени технология производства рельсов изменилась: их стали прокатывать. Средства же на устройство катальных фабрик тратить не хотелось. Демидовы договорились с владельцем Выксунского завода И. Шепелевым прокатывать рельсы у него.

Весной 1844 года караван коломенок нагрузили тагильским металлом, и он поплыл за тридевять земель по рекам Чусовой, Каме, Волге и Оке на Выксу, чтобы превратиться там в рельсы.

Вслед за металлом из Нижнего Тагила выехали уставщик и шестеро рабочих вместе с надзирателем Нижне-Салдинского завода Я. С. Колногородовым.

Тагильские мастера прожили там больше года и прокатали всего... восемь рельсовых полос. Получив металл, Выксунская контора начала чи-

нить всяческие препятствия, а потом и совсем отказалась от соглашения. Тагильским прокатчикам вместо рельсов пришлось катать сортовое железо.

Так печально закончилась попытка двух заводчиков «кооперировать» свои предприятия. Рельсы Россия по-прежнему покупала за границей.

Несколько лет спустя Тагильская заводская контора решилась, наконец, устроить рельсопрокатное производство. Местом для него выбрали Салдинские заводы.

В реконструкции заводов, в организации нового дела много помогли рабочие, побывавшие в Выксе, — Захар Коркин, Илья Шеронов, Андрей Мокин и другие.

В 1855 году впервые в России Салдинские заводы начали постоянную прокатку рельсов для отечественных железных дорог.

Долго тагильские заводы одни снабжали всю страну своими рельсами. Тагильскими рельсами были проложены Уральская Горнозаводская, Московско-Нижегородская дороги, Великий Сибирский путь от Москвы до Владивостока. Много рельсов продавалось и за границу. И повсюду они имели хорошую славу.

Второе рождение

Первая же послевоенная пятилетка принесла тагильчанам большую радость: предусматривалось «...завершить в основном строительство Ново-Тагильского металлургического завода». Это «в основном» означало построить прокатные цехи. Без них металлургический цикл на заводе не был законченным.

Перед строителями поставили задачу быстрыми темпами возвести полный комплекс перерабатывающих цехов с мощным блюмингом и прокатными станами.

Строители постарались на славу. За короткое время они выполнили огромный объем работ. Только земли из котлованов вынуто 2,7 миллиона кубометров, как на большом гидротехническом сооружении. Было уложено 160 тысяч кубометров бетона, установлено 28 тысяч тонн металлоконструкций, смонтировано 25 тысяч тонн технологического оборудования.

Таких прокатных гигантов в те времена в нашей стране еще не возводилось.

В Нижнем Тагиле шло строительство, а в Свердловске на Уралмашзаводе под руководством конструкторов Химича и Павлова изготовлялся самый крупный отечественный рельсопрокатный стан.

Когда стан был установлен, специалисты определили его лучшим в мире.

Пуск рельсопрокатки состоялся 17 апреля 1949 года в воскресенье. Тысячи людей собрались на заводе. С затаенным дыханием следили они, как раскаленная добела заготовка через несколько мгновений становилась рельсом и окazyвалась на складе готовой продукции. Уложенные в штабеля рельсы отливали стальным цветом, а на боку отчетливо выступала марка «НТМЗ».

Тагильские рельсы снова пошли на стальные магистрали Родины и других стран мира.

Снова—самые длинные

Больше десятка лет на металлургическом комбинате прокатывают рельсы. С годами растет их слава. Если сравнить рельсы, выпускаемые, скажем, пять лет назад, с сегодняшними, — разницу отметит даже не специалист.

Не все знают, что рельсы служат в среднем не более 2,5—3 лет. Потом их надо заменять. К тому же на железных дорогах нашей страны постоянно возрастает грузопоток, увеличиваются скорости поездов, повышается их вес. От этого быстрее изнашиваются рельсы. А если продлить срок их жизни? Что для этого надо?

Предлагали увеличить количество углерода в металле. Такой металл меньше изнашивается, но зато становится более хрупким, ломким. Вряд ли такие рельсы будут прочней и пролежат дольше.

Тагильские рельсопрокатчики начали с того, что уменьшили в рельсовом металле количество углерода. Зато стали закаливать не только головки, а весь рельс. Новая технология дала положительные результаты: при испытаниях рельсы оказались в два-три раза выносливее прежних.

Есть у рельсопрокатчиков и другое значительное достижение. Здесь освоили прокатку рельсов длиной в 25 метров — в два раза длиннее обычных. Такие рельсы сулят огромную экономическую выгоду. При строительстве новых железнодорожных магистралей на скрепление рельсов между собой тратится уйма металла — на подкладки, накладки, болты. Длинные рельсы требуют скреплений в два раза меньше.

Кроме этого, удлиненные рельсы сокращают расход топлива или электроэнергии (путь становится «глаже», по нему легче везти грузы). Снижаются затраты на ремонт подвижного состава, так как чем чаще стыки, тем быстрее изнашиваются вагонные колеса. Увеличится и скорость движения поездов, а также их грузоподъемность.

Железнодорожники подсчитали, что объемная закалка рельсов и удлинение их будут экономить народному хозяйству ежегодно 65—70 миллионов рублей по новым масштабам цен.

Вот почему железнодорожники с такой радостью встречают тагильские рельсы, самые прочные и самые длинные.

Люди и автоматы

Врач и писатель Н. А. Белоголовый, посетивший Тагил в 1866 году, в очерке «Поездка на Урал» рассказал, как делались рельсы на демидовских заводах. «На железной двухколеске подвозится крица и кладется в длинные катальные станки, где после нескольких прокаток из толстого цилиндрического куска превращается в узкую ленту длиной сажень в семь; рабочие, стоящие у прокаток, — все на подбор — могут служить образцами силы и ловкости. Громадная раскаленная крица, как перышко, летит у них из рук в руки, грозя ежеминутно раздавить и обуглить которого-нибудь из них. После прокатки раскаленная крица, уже принявшая вид рельса, кладется на большую железную плоскость, где рабочие начинают выправлять ее деревянными молотами».

Хорошо было «перышко», если в любую минуту могло раздавить и обуглить человека! И такую тяжесть рабочий должен был ворочать, направляя в прокатные валки руками при помощи простых клещей.

Теперь у прокатных станов Нижне-Тагильского металлургического комбината почти не увидишь людей. Все за них делают автоматы.

В 1958 году тагильские рельсопрокатчики первыми в стране автоматизировали нажимное устройство стана «900», по существу установили механического оператора. Вместо человека нажимным устройством стала управлять электронно-счетная машина. На нее возложили самую тяжелую работу. До одиннадцати раз проходит слиток через валки стана, и каждый раз счет-

ная машина за какое-то мгновение успевает измерить толщину слитка, определить, какое должно быть новое расстояние между калибровочными валками, и подать команду о их сближении на требуемое расстояние. Автоматика взяла на себя около семи тысяч движений в смену. До этого их делал человек — оператор стана.

Примерно такое же количество работы стала выполнять автоматика, созданная для управления рольгангами.

Ныне рельсовая линия в рельсо-балочном цехе почти полностью автоматизирована. Чистовая прокатка рельсов, резка их на ножницах, фрезерование концов и сверление болтовых отверстий, клеймение и подсчет, а также другие технологические операции делаются автоматически, без участия человека.

А где же люди?

Они или у пультов управления, где по сложным приборам следят за работой прокатных агрегатов, или в лабораториях — разрабатывают новую автоматику.

Теперь на прокатке человек только выдает задания машине и контролирует его выполнение.

* * *

...Вот что напомнили мне два экспоната, хранящиеся в Нижне-Тагильском краеведческом музее.

М. ПАРИНИ

СЛЕДОПЫТЫ СООБЩАЮТ

Золотой верблюд

На этой фотографии изображен маленький золотой самородок, по форме напоминающий верблюда. Ее подарили мне геологи одного из приисков на Колыме. Фотография — экспонат редкой и любопытной коллекции рисунков и фотографий почти всех найденных на прииске самородков золота.

В коллекции более ста экспонатов. К каждому из них приложено подробное описание. Зафиксировано, например, что самый большой самородок, обнаруженный в этом районе, весит 3500 граммов.

Изучая коллекцию, специалисты узнали много ценного о «биографии» золотого «верблюда» и его «братьев».

Ю. РЯБОВ

Н. ТОЛМАЧЕВА

Рисунок Л. Полстоваловой

Годы идут... Время от времени я снова приезжаю в свой родной уральский поселок, что стоит на тихой, но быстрой речке Пышме. Она скоро станет знаменитой: в верховьях Пышмы строится Белоярская атомная станция.

Постарела моя мама, хотя по-прежнему суетлива и трудолюбива. Меня давным-давно наши соседи называют по имени и отчеству, что ни чуточку не радует. Голопузые ребяташки, любившие валяться на полянке перед нашим домом, уже не первый год ходят в школу и носятся по улицам на велосипедах. Одного из таких сорванцов моя мама очень не любит. Вскоре я догадалась почему. Не прошло и дня, чтобы Пашка не влезал на огромный тополь, росший перед их домом. Залезет, устроится на суку и давай рубить ветви. То ему свистулька понадобится, то посошок какой-то придумает, то гвоздь в ствол дерева загонит. Мама ворчит:

— Не может подрубить тот сучок, на котором сам сидит.

Несколько раз она пыталась урезонить Пашку:

— Долго ты будешь над деревом издеваться?

— А тебе что? — огрызался Пашка. — Наше дерево: что хочу, то и делаю.

Нет, мама была бессильна против бесчинств Пашки. Но однажды она восторжествовала. Сияя, она подозвала меня к окну:

— Добился! Болтается...

Я выглянула в окно. На высоком тополе, зацепившись краем рубахи за крепкий сук, болтался Пашка. Он пока мужественно молчал и, шевеля ногами, искал точку опоры. Но ее не было. Ветви под ногами были молодые и гибкие.

— Надо помочь парню...

— Пусть повисит! — сказала мама. — Враг он! Враг лесов — вот и пусть висит.

Улица, к Пашкиному несчастью, в этот час была пустынна. Орать же, взывая о помощи, он не хотел. В синей рубахе и черных штанах Пашка был похож на огромную птицу, которая никак не может взлететь, запутавшись среди ветвей.

— Коршун, как есть коршун, — сказала мама, но в ее глазах я уже заметила беспокорство. Я шагнула из дому. Открыв калитку, увидела, что меня опередили.

Около тополя, задрвав голову кверху, стояла девочка — босая, с белыми косичками, в опрятном цветистом платье. Из листвы тополя несло жалобное:

— Е-ежичка, принеси лестницу... Она у сара-ая...

— Не принесу!

— Принеси...

— Нет!

Я встала рядом с девочкой. У нее были удивительные глаза: ясные, строгие, из голубых они переходили в зеленые.

— Ежичка!.. — несло из тополя.

— Сказала — нет!

КОМСОМОЛ СВОЕМУ СЪЕЗДУ

КОСТРЫ В СНЕГАХ

Зимой 1960 года в разных концах Курганской области огненными пунктирами протянулись цепочки костров. Это трудились на воскресниках комсомольцы, выбивая в чугунном зимнем грунте котлованы под опоры будущих электролиний. Так начинался поход молодежи Зауралья за электрификацию сел. Девятая областная комсомольская конференция единодушно проголосовала: дадим селам дешевую промышленную энергию, устойчивое энергоснабжение ферм, мастерских, токов, клубов и домов!

Нелегко было начинать. Жарко горели костры, но грунт оттаивал плохо. С трудом шли в скосанную землю лопата и лом. Часто на пути опор вставали леса — рубили просеки. Но работали ребята весело, знали, что своими мускулами прокладывают дорогу могучей силе — промышленной энергии, которая заменит такой тяжелый труд.

Только за первый год в работах на фронтах электрификации приняло участие двенадцать тысяч девушек Зауралья. На строительстве трансформаторной подстанции в Куртамыше пятьдесят раз выходила молодежь на воскресники. Когда стройка вдруг встала из-за нехватки кирпича, парни и девушки пошли на местный кирпичный завод. Несколько воскресений — и важный пусковой объект обеспечен материалом.

Не всегда так сравнительно легко решались вопросы снабжения. Тогда на помощь приходил «комсомольский телеграф». «Электротривоги» за подписью начальника штаба летели в разные концы страны — на заводы-поставщики. О нуждах электрификаторов какой-нибудь глухой деревеньки Зауралья узнавали комсомольцы Ленинграда и Харькова, Казани и Ташкента. Помощь курганской молодежи оказывали комсомольцы Свердловского электромеханического завода «Сельэлектро», Нижне-Туринского «Электроаппарат», Челябинского металлургического.

В январе 1962 года X областная комсомольская конференция подвела итоги двухлетнего похода. Его участники электрифицировали 72 колхоза, 19 совхозов, сдали в эксплуатацию пять районных подстанций, построили линии электропередач общей протяженностью 2 100 километров. Руками энтузиастов заготовлено 80 тысяч штук столбов, проложено лесных просек общей площадью 150 гектаров.

К началу последней уборочной страды область получила 93 полностью механизированных тока. Электрификация двух отделений и центральной усадьбы только одного Белозерского совхоза принесла в 140 домов радиоприемники, телевизоры, проигрыватели, стиральные машины. В двухэтажном Доме культуры совхоза теперь так оборудовали зал и сцену, что здесь могут выступать все художественные коллективы, играющие в крупнейших концертных залах Кургана...

А в снегах снова горят костры. Это новым трагасм прокладывает путь молодежь. Поход продолжается. Впереди еще много рубежей. Но бойцы за мечту Ильича проявили достаточно воли и энергии, чтобы уверенно сказать: поход завершится полной победой.

И. КУРЕНКО

— Давай поможем ему, — предложила я. — Давай принесем лестницу.

Но девочка лишь смерила меня взглядом и отвернулась. Потом, снова подняв кверху лицо и чеканя слова, спросила:

— Обещай, что не будешь больше губить деревья?

— Обе-е-цаю! — надсадно крикнул Пашка.

Но Ежичка была нетороплива:

— А даешь слово, что, как и все ребята, у школы и у дома посадишь по березке?

— Да-аю! — уже ревел Пашка.

— Ладно! — И, обратясь ко мне, Ежичка сказала: — Идемте за лестницей!

Приставив стремянку к стволу тополя, девочка предупредила Пашку:

— Смотри, если не сдержишь слова, всем ребятам расскажу, как ты ревел на всю улицу.

Красный, взлохмаченный, Пашка, размазывая слезы, стриганул в свой двор.

Мы переглянулись.

— Почему тебя зовут Ежичкой? Какое странное имя.

— Ничего странного, — пожалала плечами девочка и, заметив, что в одной косе ее вот-вот развяжется бант, потуже затянула ленточку. — Это у меня второе имя. А первое — Анна.

— А почему у тебя два имени?

— Очень просто... Я спасла ежички. — Лицо девочки потеплело, она улыбнулась. — Ежички — это крошечные сосенки, вот такие, с полмизинчика. Их посеяло наше лесничество. А весной скот туда погнали... Я первая вспомнила об ежичках... Они уж с целый мизинчик были. Сидят на грядках, как зеленые ежата. Весь скот мы с подружкой выгнали. А потом я пошла в поселковый Совет и сказала, чтоб все поле с ежичками огородили. Хотите их посмотреть, ежички? Они теперь стали совсем большие...

Украшения XII века

Об этой интересной находке мне рассказал Иван Степанович Закревский, сплавщик леса на реке Лозьве. Его дети — восьмиклассница Леля и шестиклассник Станислав летом были в туристском походе. В двух километрах от поселка Ликино, Гаринского района, Свердловской области, на высокой горе у правого берега реки они нашли две металлические отливки, напоминающие изображения глухарей.

Находка заинтересовала ребят. Дальнейшие поиски — и вот найдены наконечник стрелы, отливки, напоминающие плывущих уток, бляха, пуговица и много еще другого. Все передано в Госуниверситет.

Представляет ли эта находка интерес?

М. ПЕТРОВ.

Археологические находки у села Ликино, переданные в кабинет археологии университета, представляют большую ценность для выяснения истории жизни древнего населения Урала. Вещи весьма своеобразны, большинство изготовлено из бронзы. Особенно интересны две плоские фигурки тетеревов, отлитых в хорошей двусторонней форме. Реалистично передана голова, шея.

Еще три фигурки птичек с колокольчиками на цепочках внизу и подвеска с арочной пластиной

вверху и тремя цепочками-колокольчиками отлиты довольно сложным приемом: в форме по восковой модели.

Подвески с цепочками называются шумящими и встречаются в археологических памятниках западного и восточного склонов Урала. Они были украшениями в женском наряде у предков коми-пермяков, ханты и манси.

Среди найденных вещей есть также две литые бронзовые пуговицы с орнаментированной

поверхностью, плоский железный наконечник стрелы и синяя стеклянная бусина с белой каймой и зигзагом по поверхности.

Интересен обломок серебряного пластинчатого браслета с расширяющимся концом, на котором

укреплена вставка из стекла или камня. Вокруг вставки — сложный узор из напаянных шариков и крученой проволоки. Пластина браслета покрыта геометрическим прорезным узором, а поверхность — чернью. Вещь эта, безусловно, привозная. Подобные браслеты изготавливались в XII—XIII веках в древней Руси и Волжской Булгарии, откуда и завезены на Урал. Они свидетельствуют о высоком мастерстве ремесленников.

Глиняная поделка, к сожалению сломанная, изображает фигуру человека, одетого в северную одежду — парку. Голова передана двурогим выступом, лицо — спиральным узором, нанесенным тонкой палочкой. Остальные узоры на фигуре подчеркивают детали одежды.

ОДНАЖДЫ...

На Амуре тихо. Не рябит вода, не шелхнется лист на дереве. Время за полдень. Жарко. Из кустарника на берег вышел медведь: искупаться решил. Немного приблизился к воде, посмотрел, напился, окунулся и начал рыбу ловить. Захватит лапой кетину — и на берег ее.

По крутояру вилась тропа, и там, где рыбачил медведь, спускалась к реке. В самый разгар рыбной ловли на тропе появился китаец в широких шароварах и с корзиной на голове. Встреча человека с медведем произошла неожиданно. Обнаружив друг друга, оба бросились в разные стороны. Немного отбежав, остановились.

Медведь первый решил возвратиться на прежнее место, где ловил рыбу. И человек, успокоившись, осторожно пошел по тропе назад. Шли, шли, опять столкнулись нос к носу и ринулись в разные стороны. На этот раз косолапый убежал совсем. А китаец, посидев с полчаса на крутояре, спустился к реке, осторожно

Набор вещей из села Ликино интересен прежде всего по своему составу. Большинство — составляют обычные украшения женского костюма. В таких сочетаниях вещи находятся чаще всего на местах древних захоронений — могильников. Глиняная фигурка человека и плоские фигурки птиц тетеревов, найденные вместе с украшениями костюма, рассказывают о религиозных представлениях древних обитателей Урала.

Находки, наверно, принадлежали одной из древних родовых групп, скорее всего из племени манси, живших по восточному склону Среднего Урала. Весной мы предполагаем провести широкие исследования могильника. Будем надеяться, что они дадут нам много нового и интересного для изучения истории древнеуральского населения.

В. Ф. ГЕНИНГ

обошел злополучное место и бодро зашагал к поселку.

* * *

... Бакенщик со старушкой вез в баркасе картошку на базар. Плыли возле отвесной горы. Вдруг сверху упал большой кабан прямо в баркас и завалился между мешков. Голова его оказалась на коленях старухи. Она обмерла от страха, а потом как закричит! Кабан перевернулся на ноги и прыг из баркаса в воду. Поплыл к берегу.

В это время на рыбацком катере плыл по реке приятель лесника Меснянкин. Он и убил кабана.

Позднее выяснилось, что лесник Перфирьев шел на охоту с небольшой домашней собачкой Курчавой. Она, обнаружив кабана, так надела на него, что тот пятился, пятился и сорвался с обрыва прямо в баркас.

Очень прошу ответить мне на вопрос: как часто бывают на Урале видимые полярные сияния?

Одно из них я наблюдал в Нижнем Тагиле. Оно было коротким, секунд 30. Второе, более продолжительное, я видел ночью 28 октября 1961 года с 23 часов до половины первого в городе Кировграде. Огромные столбы нежно-зеленого цвета то загорались, то затухали. Сверху были видны бегающие полосы светло-фиолетового цвета.

В. ШИПИЦЫН.

Наблюдаются полярные сияния обычно на высоте ста километров. В зоне их наибольшей повторяемости, которая проходит через Кольский полуостров, Новую Землю, Мыс Челюскин и севернее острова Врангеля, можно видеть сияния каждую ночь. В районе Свердловска они бывают видны в среднем один-два раза в год, а на севере Свердловской области — более десяти.

Чаще всего полярные сияния происходят в ноябре и марте. Ученые объясняют это тем, что помимо Солнца здесь играет роль пересечение Землей космического облака, которое вращается вместе с метеоритами вокруг Солнца. Но иногда они появляются и летом. Так, 15 июля 1959 года на Урале наблюдалось исключительное по красоте полярное сияние. В северной части горизонта возникли пульсирующие вспышки света. Одновременно в зените стали видны радиальные полосы ярко-фиолетового цвета. Потом на небе осталась полоса, напоминающая радугу.

Видимость полярных сияний зависит от их силы и от состояния облачности. В Предуралье, где реже бывают ясные ночи, чем в Зауралье, полярные сияния наблюдаются довольно редко.

Исследование полярных сияний имеет большое значение, так как они сопровождаются магнитными бурями, влияющими на радио и телеграф. Уже сейчас искусственные спутники Земли дали много новых сведений о природе этого удивительного явления. Несомненно, что в недалеком будущем ученые окончательно раскроют остатки «тайны».

Л. А. ФЕДОРОВ

КАК
это
поэму

КАК
это
поэму

КАК
это
поэму

КАК
это
поэму

КАК
это
поэму

СЛЕДОПЫТ НАШЕЛ ДРУЗЕЙ

Это случилось на одной из дрейфующих станций Северного полюса. Утром полярники обнаружили на льдине, недалеко от лагеря, трех медвежат, принесли их в лагерь, обогрели и накормили.

Через несколько часов малыши чувствовали себя как дома, бродили от домика к домику, внимательно изучали окрестности и нисколько не дичились людей.

Один медвежонок был особенно любознателен. Полярники назвали его Следопыт.

Возле склада Следопыт обнюхал висевшие на шестах шкуры, обследовал мешки с продуктами.

Вскоре у Следопыта появился большой друг — пес Верный. Как-то собаки попробовали обляять медвежонок — Верный бросился на защиту. С тех пор Верный и Следопыт не разлучались. А когда их фотографировали, медвежонок и пес с удовольствием позировали.

Фото В. ВОДОПЬЯНОВА

КЛАДБИЩЕ МАМОНТОВ

У южной окраины Свердловска в реку Исеть справа впадает небольшая речка Патрушиха. Ее маленькая долинка образовалась много лет назад в еще более древней большой долине, от которой теперь остались только мощные (18—24 метра толщиной) речные наносы.

Геологи предполагают, что эта большая долина некогда служила руслом древней реки Чусовой, когда она была еще азиатской рекой, а не текла в Европу, как нынче.

Речные наносы, оставшиеся в долине, оказались ценным сырьем для производства кирпича. Поэтому здесь издавна начали их разработку. Карьеры росли и вширь (на километры!) и вглубь (вплоть до нижних горизонтов насосов). Но в начале 1930-х годов здесь в одном из карьеров завода «Новострой», на глубине 8 метров от дневной поверхности вскрылось целое кладбище древних животных — мамонтов, носорогов, быков, ширококорых оленей. Рабочие осторожно извлекали из прослоек песка многочисленные кости и укладывали их вблизи карье-

ра. Возникла своеобразная выставка ископаемых животных, населявших некогда нашу планету.

К сожалению, работники краеведческого музея не скоро смогли приехать на место интересной находки, и кости успели за это время изрядно пострадать. Но все же большинство из них довольно хорошо сохранилось. Это позволило сотруднику музея В. И. Кочновой составить для экспозиции скелет (продольную половину его) ископаемого шерстистого носорога.

Прошло двадцать лет. Многие уже успели забыть о находке доисторического кладбища мамонтов, как оно вновь напомнило о себе. В 1952 году в южной части карьера того же завода «Новострой № 1» экскаваторы откопали скелет огромного мамонта. Правда, он оказался изрядно поврежденным, однако Уральский геологический музей сумел собрать несколько десятков частей скелета и немало костей других животных — всего 84 экземпляра. Один из бивней мамонта имел длину более трех метров!

Кладбище мамонтов напомнило о себе новыми находками и позднее. В 1955 году нашли несколько костей и зубов мамонта. А в сентябре 1956 года обнаружили целый череп с бивнями. Правда, ко времени нашего приезда на место находки машинист экскаватора «не утерпел» и неосторожно «черпанул» остатки мамонта, в ре-

По следам «Уральского следопыта»

Фильм о французском путешественнике

В июньском номере «Уральского следопыта» за 1959 год была опубликована заметка о французском путешественнике XIX века Жозефе Мартине, похороненном в Фергане (Узбекская ССР).

Личностью Жозефа Мартина заинтересовался известный советский кинорежиссер Владимир Шнейдеров, постановщик популярных приключенческих фильмов «Золотое озеро» и «Джувльбарс», и бессменный президент Клуба кинопутешествий.

Вот что он рассказывает:

— Сейчас я работаю над фильмом о Жозефе Мартине. В прошлом столетии он путешествовал по Уралу и Сибири. Его выставка в залах Трокадеро в Париже в полном смысле слова открыла французам «загадочные» Урал и Сибирь, так красочно описанные великим фантастом Жюлем Верном, кстати говоря, с рассказов Мартина¹. Имя его долгое время было забыто. Только недавно в одном из архивов обнаружена рукопись на французском языке, принадлежавшая путешественнику. Совершив огромный путь из Пекина на Запад по Великому Шелковому пути, обогнув с юга страшную пустыню Текло-Макан, Мартин заболел в дороге, с трудом добрался до Нового Моргелана (ныне город Фергана) и там умер. В Фергане сохранился надгробный камень с эпитафией на французском языке².

Для съемок наша группа совершила сложную экспедицию в труднодоступные районы Забайкальской тайги. Сейчас мы ждем из Франции кинокадры мест, где родился и жил Жозеф Мартин.

¹ См. отрывки из романов Ж. Верна «Цезарь Каскабель» и «Михаил Строгов», напечатанные в № 9 и № 12 «Уральского следопыта» за 1959 год.
² Фотография этой плиты помещена в № 6 «Уральского следопыта» за 1959 год.

зультате череп был разломан на части. В эти же дни там же нашли еще несколько костей и среди них лопатку молодого мамонтенка. Все эти части одного скелета лежали на протяжении 16 метров. Механик завода Э. Я. Калугин и шофер А. Д. Макаров очень внимательно отнеслись к находке. Осторожно, ловко и умело — как будто всю жизнь только этим и занимались — они «препарировали» кости, отделили их от породы и в полной сохранности доставили в музей.

Так на протяжении нескольких лет под Свердловском было раскопано кладбище ископаемых животных, давшее науке много ценных свидетельств далекого прошлого Земли.

Профессор М. О. КЛЕР

ЗНАЧКИ РАССКАЗЫВАЮТ

Филателисты с нетерпением ждут выхода новой почтовой марки. Нумизматы коллекционируют монеты, филуменисты — спичечные этикетки, филокартисты — почтовые открытки. Есть собиратели книг, художественных картин, фарфора.

Чего только не собирают коллекционеры!

Попадают чудачки, собирающие пуговицы, самовары, жетоны собачьих выставок, дверные замки, курительные трубки... В Москве живет старичок, в коллекции которого 25 тысяч прищипков.

Несколько лет назад появилась новая отрасль коллекционирования — значки. Серьезным толчком к этому увлечению послужили фестивали и олимпийские игры.

На Шестом фестивале молодежи и студентов в Москве прославился один шотландец. Вся шляпа, куртка и даже брюки его были сплошь унизаны значками.

К этому времени относится начало и моей коллекции.

Сейчас у меня более 1200 туристских и альпинистских значков, брелоков, набивок на альпенштоки, нарукавных эмблем и вымпелов. Каждый из них связан с какой-нибудь историей, напоминает страницы прошлого, знакомит с интересными людьми и их судьбами.

Турист № 1

С первым советским туристским значком у меня связаны воспоминания о «туристе № 1».

Жители одной из московских улиц привыкли видеть каждую субботу седого, розовощекого

человека с рюкзаком за плечами. Его не смущают время года и плохая погода. Летом в распахнутой на груди ковбойке, зимой в удобном штурмовом костюме спешит он за город, к природе, посвятить свой досуг любимому спорту — туризму.

А ведь широкоплечему, крепкому, энергичному, с живыми пытливыми глазами человеку — Николаю Михайловичу Губанову — недавно исполнилось восемьдесят лет.

Многое повидал за свою долгую жизнь этот неугомонный турист, исходивший вдоль и поперек нашу страну. Его память хранит немало разных путевых встреч и приключений, но с особой теплотой он вспоминает начало своей следопытской тропы, слет на Боровском кургане.

...Было это давно, в конце прошлого века. В приволжском селе жил и трудился учитель Михаил Никанорович Губанов, страстный почитатель книг. Любил читать и его сын Николай. Романы Майн-Рида и Купера, приключения героев Жюль Верна и особенно рассказы Максима Горького о «хождении по людям» и его путешествиях по Волге, Крыму, Кавказу.

В один прекрасный день любознательный мальчуган вместе со своим другом сбежал из дому. Первое путешествие окончилось неудачей — в пути «туристов» перехватила полиция и отправила домой.

Прошло несколько лет. В учительской семинарии в Костроме Николай впервые смог понастоящему заняться туризмом. Все свободное время он проводил в лесах, на реке, совершал многодневные велосипедные прогулки.

После революции 1905—1907 гг. для Николая Михайловича начались путешествия иного рода. За активную революционную деятельность его сослали в Сольвычегодск. По дороге туда он бежал, вернулся в Москву и получил от Комитета большевиков ответственное поручение посетить места ссылки и выяснить у политических заключенных, какая помощь им нужна.

И вот снова ведут вдаль проселочные дороги, извилистые лесные тропинки. Задушевные разговоры, множество поручений, встречи с нужными людьми, и опять дорога...

Николай Губанов со своими товарищами организовал первые туристские поездки учителей

Н. М. Губанов с женой в походе.

по России. Царским жандармам это показалось подозрительным. Николая и нескольких активных организаторов туризма сослали в Сибирь.

На одно поколение туристов обучил и воспитал Николай Михайлович Губанов. Свое увлечение он сумел перенести и на членов семьи. Жена не один год путешествует вместе с мужем. Каждый год проводит отпуск в горах его сын, чемпион по скалолазанию, с женой — альпинисткой и горнолыжницей. Даже маленькая внучка, «Марина Юрьевна», как величает ее дед, к восьми годам совершила восемь путешествий.

...Осень 1939 года. На Боровской Курган, у места впадения Пахры в Москва-реку, собрались на традиционный слет более тысячи спортсменов.

На слете наиболее заслуженные туристы были награждены первым советским спортивным значком — «Турист СССР». Среди них географ Владимир Буханевич, который во время туристских походов открыл ценное сырье для каучуковой промышленности — кок-сагыз; консультант по туризму Анна Нестеровна Киселева; неутомимые пропагандисты и организаторы путешествий Николай Николаевич Аделунг, Ольга Алексеевна Архангельская и другие, всего 30 человек. И, конечно, «турист № 1» — Николай Михайлович Губанов.

Это ему посвятил свое стихотворение поэт-турист В. Котов:

*Кто не знает у нас Губанова,
И седого, как лунь, и румяного,
Закаленного, опаленного,
В жизнь не просто, а с толком влюбленного,
Сотни, тысячи верст исходившего,
Многих столькому научившего,
И живущего век без усталости,
Без отсталости и без старости.*

Звонкая история

По значкам можно, оказывается, проследить историю русского туризма. Звонкая история!

Однажды, просматривая научные географические журналы начала века, я узнал, что в 1900 го-

ду было создано Русское Горное общество. В число учредителей его вошли всемирно известные ученые-путешественники: Д. Н. Анучин, И. В. Мушкетев, В. И. Вернадский, П. П. Семёнов-Тян-Шанский, Б. А. Федченко. В дальнейшем их состав пополнился писатель В. А. Гиляровский, географы Ю. М. Шокальский, В. А. Шуровский. Общество издавало ежегодник, рекомендовало проводников, построило на Кавказе так называемую Ермоловскую хижину, которая была в те времена в России единственным приютом для туристов. Значит, Горное общество можно считать и первым туристским обществом в России.

Членом Владикавказского отделения Русского горного общества состоял и Сергей Миронович Киров. Он был участником и руководителем туристских походов в горы, совершал восхождения на Эльбрус и Казбек. При восхождении на Казбек в 1910 году С. М. Киров посетил Ермоловскую хижину. Вот что он писал об этом событии в местной газете «Терек»:

«Я был в Ермоловской хижине... Зайдя в это прославленное убежище, я ужаснулся: оно было в таком состоянии, что могло служить чем угодно, только не местом ночлега: сыро, холодно, нет ни пола, ни крыши, ни окна».

О восхождении С. М. Кирова на Казбек мне напоминает значок, выпущенный туристским клубом города Кирова. Массовое восхождение лучших туристов и альпинистов города было совершено на эту высочайшую вершину Кавказа в 1960 году, полвека спустя после того, как там бывал знаменитый земляк кировчан.

Русское горное общество ввело специальный знак для своих членов и проводников. Разыскивал я его очень долго. И вот, наконец, он стал достоянием моей коллекции. С виду значок совсем невзрачный — небольшой жестяной овал, символично увитый альпинистской веревкой, посредине вытеснен профиль двуглавого Эльбруса, внизу — два эдельвейса.

Коллекционер, обменявший со мной значок, посоветовал найти старого краеведа Александра Александровича Коленкина.

Александр Александрович оказался очень жизнерадостным и на редкость занятым человеком. Несмотря на свои 65 лет, он до сих пор не

Ермоловская хижина.

ушел на пенсию: преподает краеведение в педагогическом институте, руководит туристской секцией Московского дома учителя. Как и все краеведы, очень любит свой край, хорошо знает его. Беседовали мы с ним до позднего вечера.

Оказалось, что первой туристской организацией в России было вовсе не Горное общество, а основанный в 1895 году, на пять лет раньше его, Туринг-клуб, или Русское общество туристов (сокращенно РОТ).

А. А. Коленкин состоял членом РОТа с 1908 года — еще с гимназических лет, а будучи студентом, стал даже членом правления общества.

Членами РОТа были врачи, учителя, агрономы. Общество устраивало поездки по средне-русской полосе, Крыму и Кавказу, а также сравнительно дешевые путешествия за границу. Есть сведения, что, пользуясь поездками за границу, туристы привозили иногда революционную литературу и распространяли ее в России.

Общество существовало и после Октябрьской революции, но недолго. Значка у него, к сожалению, не было.

А вот этот бронзовый четырехугольник с надписью «СТ» (Советский Турист) и ленточкой к нему — значок общества Советский Турист, созданного в 1920-е годы.

Следующий значок — следующая страница истории советского туризма. В 1927 году вместо РОТа и Советского Туриста родилось новое общество — ОПТ (Общество Пролетарского Туризма), впоследствии переименованное в ОПТЭ (Общество Пролетарского Туризма и Экскурсий). ОПТЭ издавало журналы «На суше и на море», «Турист-активист», выпускало газету и множество брошюр по туризму и альпинизму, видовые открытки и т. п. В Москве успешно готовил кадры вечерний туристский техникум. В 1913 году в рядах ОПТЭ насчитывалось полмиллиона членов. И почти все они носили свой туристский значок — один из самых распространенных в мире.

Клубы

путешественников

«Нас трое. Имеются две палатки и байдарка, но не хватает гитары и попутчиков. Предлагаем маршрут по Приполярному Уралу. Звоните по телефону...»

Или: «Присоединяюсь к походу по Кавказу в июле-августе. Мне 23 года, рост 186 см, путешествую уже четыре года».

Эти и десятки подобных объявлений можно прочесть на справочном стенде в Московском клубе туристов.

Клуб — главный штаб путешественников столицы. Основанный 12 лет назад, он стал одним из самых популярных среди молодежи.

Вечером в клубе, как всегда, многолюдно. Для

того чтобы подготовить сложный многодневный поход, нужно заранее детально изучить маршрут, подогнать и тщательно продумать снаряжение. К услугам туристов всегда опытные консультанты: сотрудники Института географии Академии наук А. О. Кеммерих, географ Ю. Штюрмер, мастера спорта Б. Мясоедов, Т. Пахомова и другие.

В клубе прекрасная библиотека, основанная в 1902 году. На полках стоят общегеографические описания, отчеты экспедиций, журналы и газеты, карты, около тысячи рукописных туристских отчетов с фотографиями. Нередко в этих отчетах описываются такие глухие уголки нашей обширной страны, о которых не прочтешь ни в одной книжке.

В клубе работают секции: кинолюбителей и фото, горно-таежная, авто-мото, водная, спелеологов. Интересны у секций самые разнообразные. Горняки и таежники заинтересованы в облегчении веса рюкзаков, кинолюбители изучают новые образцы аппаратуры. Водники собрались, чтобы послушать рассказ мастера спорта Е. А. Косырева о тактике прохождения порогов на горных реках, поспорить с конструктором облегченной байдарки И. Ромашковым о ее преимуществах и недостатках, научиться вязать плоты (пока теоретически) у Ю. Пржиемского.

О работе клуба лучше всего рассказывает календарный план.

Чего тут только нет!

Доклады об археологических раскопках в Московском Кремле, о путешествиях по Кавказу, Камчатке, в сердце восточной сибирской тайги, к месту падения тунгусского метеорита; выставка походного снаряжения, проводимая торговой палатой; экскурсии в Ленинград, Ригу, Киев и другие города автобусами и самолетами; вечер отдыха и песни и т. п.

Таких клубов в 1960 году насчитывалось около четырехсот. Многие из них имеют свои значки.

Красивый и оригинальный значок у туристов Риги. На фоне гор бегут смешные человечки, внизу надпись: ТАК — Туристско-альпинистский клуб «РИГА».

Интересен значок с белой палаткой на фоне леса и с буквой «С» — туристского клуба Свердловска.

Есть значки у клубов Киргизии, Казахстана, Эстонии, Башкирии, города Кирова. Совсем недавно появился значок молодого туристского клуба города Перми.

Со всех концов России

Август 1960 года. Вместе с группой заводских спортсменов я путешествую по Южному Уралу. Наш маршрут проходит от города Миасса через Ильменский заповедник и озеро Тургояк к горе Ицил, к городу Златоусту, а затем на юг, к конечной цели похода — городу Белорецку,

где назначен Второй Всероссийский слет туристов. По пути совершаем восхождение на семь вершин, среди которых красавица Ирмель и самая высокая точка Южного Урала гора Яман-тау.

Как ручейки, сливаются в полноводную реку, к месту слета стека-

лись туристы из разных городов Советского Союза. Спартаконцы Башкирии проплыли под парусом на шлюпках от Уфы до Волгограда, ленинградцы путешествовали по Приполярному Уралу, нижнетагильцы приехали на слет на велосипедах.

Место слета — Арский Камень, у впадения реки Бугонак в Белую.

Собралось более 1200 человек, представители 42-х городов — от Магадана до Риги, от Архангельска до Ростова-на-Дону.

Надолго останется слет в памяти у всех, кто был его участником! Часто вспоминаю о нем и я, рассматривая маленький синий значок с палаткой и надписью: «РСФСР, слет туристов, 1960 год».

В моей коллекции есть и другие значки, напоминающие об интересных соревнованиях, фестивалях, слетах. Вот пятицветная ромашка с палаткой в середине — это значок Первого Международного слета туристов на озере Селигер в 1957 году. Я был его участником. Значок с изображением барельефа В. И. Ленина создан в память 7-го слета пионеров-туристов в г. Ульяновске в честь 90-летия со дня рождения вождя. Значок с картой Латвии и цифрой 75 — за первые весенние километры и т. д.

Железные туристы из МИСИ

А вот еще значок, изготовленный вручную и раскрашенный тушью — силуэт туриста на фоне деревьев. Чтобы тушь не стиралась, небольшой латунный овал заклеен целлофаном.

Это значок туристов Московского строительного института, сокращенно МИСИ. У них есть не только значок, но и своя песня:

*По полям, лесам
И отрогам каменистым,
Вдали от Подмосковья и вблизи,
Посмотри-ка, друг,
Ходят с песнями туристы,
Железные туристы из МИСИ.*

Почему эти туристы называют себя «железными»? Оказывается, потому, что из-за продолжительной летней практики они имеют возможность путешествовать позже других групп, попадают в раннюю таежную зиму, мерзнут, мокнут, страдают, но все-таки опять на следующий год идут в походы.

Туристская секция МИСИ пользуется в столице заслуженным уважением. Горный Алтай, живописное Закарпатье, снежную Архангельскую

область и веселую Чусовую, суровую Лену и родное Подмосковье, — чего только не видели «мисийцы». Одной из самых памятных экспедиций было путешествие в горы Памира, на Сарезское озеро для исследования Усойского завала — гигантской естественной плотины высотой в 800 метров.

Секция начала свою деятельность в 1949 году, когда на первый курс пришли учиться Гарик Гуглий, Георгий Карганов, Лев Кан, мечтавшие летом поехать на Кавказ на велосипедах. Они быстро организовали вокруг себя актив, и начались походы выходного дня, слеты, соревнования.

В однодневном походе с ночлегом можно сделать многое. Можно встать раньше всех и развесить по деревьям заранее нарисованные дружеские шаржи и прицепить к елке привезенную из Москвы гроздь бананов. Можно гонять в футбол, разводить костер, изучать топографию.

Жизнь секции не затихает и в дни учебы. Пишутся отчеты о пройденных путешествиях, разрабатываются новые маршруты, оформляются фотостенды, проводятся собрания.

Хорошая традиция МИСИ — ежегодные туристские вечера. Много выдумки и изобретательности вкладывают в их подготовку студенты-художники, поэты, музыканты и артисты.

На одном из вечеров зал был украшен иллюстрациями к туристским песням, на другом превратился в музей истории туризма, на третьем вечере музей реорганизовали во ВНИИТУП (Всесоюзный научно-исследовательский институт туристских проблем).

Еще одна славная традиция МИСИ — прощание с туристами, окончившими институт. На память им вручаются подарки. Подарком может быть и альбом походных фотографий, и глобус, и стихи, и даже игрушечный медведь с рюкзаком.

В МИСИ вышел первый в Москве сборник туристских песен.

Туристов института объединяет настоящая дружба. Это они первыми поехали осваивать целину, создали филиал своей туристской секции в Братске. Было время, когда туризмом занимался весь комсомольский актив во главе с секретарем комитета Алексеем Тереховым.

*С рюкзаками и песней
Шагаем по планете,
О нас любого встречного спроси:
— Расскажи-ка, друг,
Кто дружнее всех на свете,
Ответит он: туристы из МИСИ!*

ОХРАНА ПРИРОДЫ, ИЛИ ЗЛОДЕЙКА-КОЗА

(Драма в 3-х действиях)

Сочинил Ю. Мячин, нарисовал Е. Егоринов.

С каким злодейка наслажденьем жрет молодые насажденья.

Был суд над ней суров и скор,
И вмиг исполнен приговор.

Хвала тебе, о благодетель!
Так торжествует добродетель!..

В НОМЕРЕ:

ПОБЕЖДЕННЫЙ АДАМАС. Документальная повесть Т. Илатовской	1
ЧИТАЯ ЛЕНИНА. Стихи Ю. Трифонова	24
ПОРТРЕТ ИЛЬИЧА. Л. Шапа	25
КОМСОМОЛЬСКИЙ ТРАКТОР. Заметка Г Федорова	27
В ШТАБЕ ЭНЕРГЕТИКИ УРАЛА. Ре- портаж С. Брускина	29
КОМСОМОЛЬСКИЙ АКАДЕМИК. Очерк Г Мишкевича	34
ЦИФРЫ И ФАКТЫ	36
НА ОЗЕРЕ РАЗЛИВ. В СМОЛЬНОМ. В 1920 ГОДУ. Стихи Л. Машина	38
11 ПИСЕМ. Очерк Б. Беленького	39
ПЕРВОЕ ПОРУЧЕНИЕ. Из рассказов старо- го коммуниста В. Никитина	44
ПАЧЕ, РУМА. Мансийский сказ М. Анисимко- вой	47
ЛЕНИНСКАЯ ОСТАНОВКА. Рассказ Н. Сах- новского	49
ТВОЯ ПОМОЩЬ СЕМИЛЕТКЕ.	50
КАЧКАНАРСКИЙ ВОСХОД. ВЗРЫВНИК. В ШКОЛЕ. В ТАЙГЕ. Стихи Л. Сорокина	52
ИСПЫТАНИЕ. Рассказ И. Гуро	55
ПЕРВАЯ ССЫЛКА ИСКАНДЕРА. А. Шарц	60
«НЕДРА» В ГОСТЯХ У «СЛЕДОПЫТА»	62
ТАГИЛЬСКИЕ РЕЛЬСЫ. Очерк М. Паранина	67
ЕЖИЧКА. Рассказ Н. Толмачевой.	70
СЛЕДОПЫТ НАШЕЛ ДРУЗЕЙ	74
КЛАДБИЩЕ МАМОНТОВ. Профессор М. О. Клер	74
ЗНАЧКИ РАССКАЗЫВАЮТ. Заметки мастера спорта СССР М. Азарха	76

ОБЛОЖКА В. БУБЕНЩИКОВА
И М. ЗАВОДЧИКОВА.

Главный редактор В. ШУСТОВ

Члены редакционной коллегии: В. ВОЛОВИЧ, М. ГРОССМАН, С. ЗАХАРОВ (ответственный секретарь), Ю. КУРОЧКИН, А. МАЛАХОВ, Л. НЕВЕРОВ (заместитель главного редактора), В. ОЧЕРЕТИН, Кл. РОЖДЕСТВЕНСКАЯ, Г. ТОМИЛОВ.

Художественный редактор А. Асс.

Рукописи
не возвращаются.

Технический редактор
Э. Максимова.

Корректор
Г. Стороженко

Наш адрес: Свердловск, ул. Малышева, 24. Телефон Д1-22-40.

Подписано к печати 9/IV 1962 г. Бумага 84×108^{1/16}=2,5 бум. л.—8,2 печ. л. Уч.-изд. л. 10,19.
НС 20199. Тираж 80 000. Цена 30 коп. Заказ 136.

Типография издательства «Уральский рабочий», Свердловск, ул. имени Ленина, 49.
Обложка и вклейка отпечатаны на Свердловской фабрике офсетной печати.

ТУРИСТСКИЕ ЗНАЧКИ
 См. очерк М. Азарха
 „Значки рассказывают“

30 коп.

